

ISSN 2072-8522

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

Русская филология

ЦЕННОСТЬ
АГИОГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ПРОКСИМАЛЬНОЕ
И ТЕМАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЯ
ТРЕТЬЕГО ЛИЦА

НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ
В ПИСЬМАХ А.С. ПУШКИНА 1832 – 1836 ГОДОВ

ОТ «ЖИЗНИ ЖОЗЕФА ДЕЛОРМА» К «СЛАДОСТРАСТИЮ»:
ХАРАКТЕР АВТОБИОГРАФИЗМА ПРОЗЫ Ш. СЕНТ-БЁВА

2014 / № 3

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522

Серия

2014 / № 3

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 2012 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 27.10. 2012 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

2014 / № 3

Series

ISSN 2072-8522

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник МГОУ»: Московский государственный областной университет

Выходит 6 раз в год

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»

Хромеников П.Н. – к.филол.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)

Никитин О.В. – д.филол.н., проф., проректор по научной работе МГОУ (зам. председателя совета)

Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., нач. отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ»

Асмолов А.Г. – академик РАО, д.психол.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова

Белозеров В.Е. – д.ф-м.н., проф. Днепропетровского национального университета (Украина)

Боголюбов Л.Н. – академик РАО, д.пед.н., проф.

Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ

Затулин К.Ф. – директор Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ)

Коницев А.С. – д.б.н., проф. МГОУ

Лекант П.А. – д.филол.н., проф. МГОУ

Марченко М.Н. – д.ю.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова

Нелюбин Л.Л. – д.филол.н., проф. МГОУ

Ницевич В.Ф. – д.пол.н., проф., директор Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Пасечник В.В. – д.пед.н., проф. МГОУ

Поляков Ю.М. – канд. фил. н., гл. ред. «Литературной газеты»

Пусько В.С. – д.ф.н., проф. МГТУ им. Н.Э. Баумана

Ху Гумин – д.филол.н., проф. Института иностранных языков Уханьского университета (Китай)

ISSN 2072-8522

Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2014. № 3. – М.: ИИУ МГОУ. – 156 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26173

**Индекс серии «Русская филология»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40718**

© МГОУ, 2014.

© ИИУ МГОУ, 2014.

Редакционная коллегия серии «Русская филология»

Ответственный редактор серии:

Лекант П.А. – д.филол.н., проф.

Заместитель ответственного редактора серии:

Шаповалова Т.Е. – д.филол.н., проф.

Ответственный секретарь серии:

Самсонов Н.Б. – к.филол.н., доц.

Члены редакционной коллегии:

Алексеева Л.Ф. – д.филол.н., проф.; **Аношкина В.Н.** – д.филол.н., проф.;

Леденёва В.В. – д.филол.н., проф.; **Киселёва И.А.** – д.филол.н., проф.;

Копосов Л.Ф. – д.филол.н., проф.; **Шаталова О.В.** – д.филол.н., проф.;

Воропаев В.А. – д.филол.н., проф. (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова);

Моторин А.В. – д.филол.н., проф. (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого);

Нагорный И.А. – д.филол.н., проф. (Белгородский государственный национальный исследовательский университет);

Петров А.В. – д.филол.н., доц. (Институт филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск);

Рацибурская Л.В. – д.филол.н., проф. (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского);

Аврамова В.Н. – доктор филологии, проф. (Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского, Болгария);

Вегвари В. – к.п.н. (Печский университет, руководитель Русского центра, Венгрия);

Гладков В. – д., проф. (Берлинский университет имени Гумбольдта, Германия);

Гржибикова Р. – д. (Карлов университет, Чехия);

Гусман-Тирадо Р. – д.филол.н., проф. (Гранадский университет, Испания);

Догнал Й. – к.филол.н., д.философии, доц. (Институт славистики Университета им. Масарика, Чешская Республика);

Колларова Э. – проф., канд.н. (Институт русско-словацких культурных исследований Католического университета в Ружомберке, Словакия);

Норман Б.Ю. – д.филол.н., проф. (Белорусский государственный университет, Республика Беларусь);

Финк-Арсовски Ж. – д.филол.н., проф. (Загребский университет, Хорватия);

Шеншина В.А. – лектор (Хельсинский университет, Финляндия)

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

The founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

Issued 6 times a year

Series editorial board «Russian philology»

Editor-in-chief:

P.A. Lecant – Doctor of Philology, Professor

Deputy editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philology, Professor

Executive secretary of the series:

N.B. Samsonov – Ph.D. in Philology Sciences, Associate Professor

Members of Editorial Board:

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philology, Professor; **V.N. Anoshkina** – Doctor of Philology, Professor; **V.V. Ledeneva** – Doctor of Philology, Professor; **I.A. Kiseleva** – Doctor of Philology, Associate Professor; **L.F. Kopusov** – Doctor of Philology, Professor;

O.V. Shatalova – Doctor of Philology, Professor; **V.A. Voropayev** – Doctor of Philology, Professor (Lomonosov Moscow State University); **A.V. Motorin**, Doctor of Philology, Professor (the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University); **I.A. Nagorny** – Doctor of Philology, Professor; (Belgorod State National Research University); **A.V. Petrov** – Doctor of Philology, Associate Professor; (the Institute of Philology and Cross-Cultural Communication of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov);

L.V. Ratsiburskaya – Doctor of Philology, Professor (N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod); **V.N. Avramova** – Doctor of Philology, Professor (University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav, Bulgaria); **V. Vegvari** – Ph.D. in Pedagogical Sciences (University of Pécs, Hungary); **V. Gladrov** – Doctor of Philology, Professor (Humboldt University of Berlin, Germany); **R. Grzhibikova** – Doctor (Charles University, Czech Republic); **R. Guzmán Tirado** – Doctor of Philology, Professor (the University of Granada, Spain); **J. Dohnal** – Ph.D. in Philological Sciences, Doctor of Philosophy, Associate Professor (the Institute of Slavonic Studies, Masaryk University, Czech Republic);

E. Kollarova – Professor, Candidate of Sciences (Institute of Russian-Slovak Cultural Studies of the Catholic University in Ruzomberok, Slovakia); **B. Yu. Norman** – Doctor of Philology, Professor (the Belarusian State University, the Republic of Belarus); **Ž. Fink Arsovski** – Doctor of Philology, Professor (the University of Zagreb, Croatia);

V.A. Shenshina – Lecturer of Helsinki University (Finland)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

The Editorial Board address: Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98

Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru

Site: www.vestnik-mgou.ru

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of the MSRU (Chairman of the Council)

O.V. Nikitin – Doctor of Philology, Professor, Vice-Principal for scientific work of the MSRU (Deputy Chairman of the Council)

A.V. Abramov – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, the Head of the editorial department of the Bulletin of the Moscow State Regional University

A.G. Asmolov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University

B.E. Belozero – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Dnepropetrovsk National University (Ukraine)

L.N. Bogolubov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics, Professor

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of the MSRU

K.F. Zatulín – the Head of Institute for Diaspora and Integration (Institute of the CIS Countries)

A.S. Konichev – Doctor of Biology, Professor of the MSRU

P.A. Lekant – Doctor of Philology, Professor of the MSRU

M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor of Moscow State University

L.L. Nelyubin – Doctor of Philology, Professor of the MSRU

V.F. Nitsevich – Doctor of Politics, Professor, the Head of the Oryol Branch Russian Academy of National Economy and Public Administration

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics., Professor of the MSRU
Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, editor-in-chief of “Literaturnaya Gazeta”

V.S. Pus’ko – Doctor of Philosophy, Professor of the Bauman Moscow State Technical University

Hu Gumin – Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages of Ukhun University (China)

ISSN 2072-8522

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «Russian Philology». 2014. № 3. – M.: MSRU Publishing house. – 156 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26173

Index of the series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

© MSRU, 2014.

© MSRU Publishing house, 2014.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Коренева Ю.В.</i> ЦЕННОСТЬ АГИОГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	8
<i>Савостина Д.А.</i> СУБЪЕКТ И СУБЪЕКТИВНОСТЬ ИМПЕРАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1 ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА)	14
<i>Самсонов Н.Б.</i> ПРОКСИМАЛЬНОЕ И ТЕМАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЯ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА	22

ПУБЛИКАЦИИ АСПИРАНТОВ

<i>Богданова М.А.</i> ХОРОШО — СЛОВО КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ	26
<i>Бугаенко М.А.</i> НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА	31
<i>Иванова М.А.</i> ПОКАЗАТЕЛИ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ КАК «УСЛОВИЕ» ОБОСОБЛЕНИЯ.....	36
<i>Иванова Т.Ю.</i> СПЕКТР МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ОТРИЦАНИЯ В ДРАМАТУРГИИ А.Н. ОСТРОВСКОГО	44
<i>Назарова Н.Ю.</i> ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕКСТОВОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	50
<i>Назарчук Е.В.</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАГМЕНТА «ВОКАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ» В РОМАНЕ И.С. ШМЕЛЁВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»	57
<i>Рыкин Е.Ю.</i> ХАРАКТЕР ОЦЕНКИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КОНСТРУКЦИЙ С ТВОРИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ ОГРАНИЧЕНИЯ)	62
<i>Фадеева Е.В.</i> СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ДИСКОМФОРТА НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	66
<i>Хлупина М.А.</i> ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ СОЛЖЕНИЦЫН В ТЕКСТАХ С.Д. ДОВЛАТОВА	74

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРА

<i>Джанумов С.А.</i> НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В ПИСЬМАХ А.С. ПУШКИНА 1832 – 1836 ГОДОВ.....	79
---	----

Калох Вид Н. ЯЗЫК АПОКАЛИПСИСА В ДРАМЕ М.А. БУЛГАКОВА «БЕГ»: АЛЛЮЗИЯ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ	85
Симонова Л.А. ОТ «ЖИЗНИ ЖОЗЕФА ДЕЛОРМА» К «СЛАДОСТРАСТИЮ»: ХАРАКТЕР АВТОБИОГРАФИЗМА ПРОЗЫ Ш. СЕНТ-БЁВА	93
Строганова И.А. РОМАННАЯ ПРОЗА М. ОСОРГИНА В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	98

ПУБЛИКАЦИИ АСПИРАНТОВ

Жигалов А.Ю. РУССКАЯ ПРАГА: СРЕДНЕВЕКОВАЯ КНИЖНОСТЬ В ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ 1920-1930 ГГ.....	104
Обручникова И.В. НОВОАНГЛИЙСКИЕ РОМАНЫ Г.Б. СТОУ В ОЦЕНКЕ АМЕРИКАНСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ	108
Савинова М.Н. ПРИЁМЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КИНЕМАТОГРАФИЧНОСТИ В «ЛЕДЯНОМ ПОХОДЕ» Р. ГУЛЯ.....	116
Снычева Е.А. МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ РАСТИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ ПОЛИКСЕНЫ СОЛОВЬЁВОЙ «ПЛАКУН-ТРАВА»	121
Сотова Т.О. СБОРНИК СТИХОВ «ФАРФОРОВЫЙ ПАВИЛЬОН» Н.С. ГУМИЛЁВА. МИРОВОЗЗРЕНИЕ КИТАЙСКИХ ПОЭТОВ И ОТНОШЕНИЕ К НИМ ПЕРЕВОДЧИКА	130
Якушкина Н.М. ПОЭТИЧЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ И.И. КОЗЛОВА К ЧЛЕНАМ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ: ДАНЬ ТРАДИЦИЯМ КЛАССИЦИЗМА И ОСОБЕННОСТИ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ.....	141

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Голенко Ж. МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ХІ ПОСПЕЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2013. ГЕРМЕНЕВТИКА. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ. ТЕКСТОЛОГИЯ – В НОВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ» (МОСКВА, МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА, 20 – 21 ДЕКАБРЯ 2013 Г.).....	147
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Э.Я. ФЕСЕНКО «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА В ПОИСКАХ ГЕРОЯ». – М.: АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ, 2013. – 653 С. – (GAUDEAMUS)	151
Наши авторы	154

CONTENTS

SECTION I. RUSSIAN LANGUAGE

<i>Y. Koreneva.</i> Value of Hagiographic Text: Cultural Linguistic Aspect.....	8
<i>D. Savostina.</i> The Subject and Subjectivity of Imperative Statements (on the Material of Poetic Texts of Russian Literature of the 1st Half of the 20th Century)	14
<i>N. Samsonov.</i> Proximal and Thematic Values of the Third Person.....	22

PUBLICATIONS OF POST-GRADUATE STUDENTS

<i>M. Bogdanova.</i> ХОРОШО — The Word of the Category of Assessment.....	26
<i>M. Bugaenko.</i> Lexical-semantic Group of Names of Persons According to Their Activities in the Russian Language of the 18th Century	31
<i>M. Ivanova.</i> Indications of Subjective Modality as a “Reason” for Isolation	36
<i>T. Ivanova.</i> Spectrum of Modal Means of Negation in Plays by Alexander Ostrovsky	44
<i>N. Nazarova.</i> Transformation of Psychological Semantics in Contemporary Text Communication.....	50
<i>E. Nazarchuk.</i> Semantic Peculiarities of the Fragment “Vocal Action” in the Novel “Summer of the Lord” by I. Shmelev	57
<i>E. Rykin.</i> Nature of Evaluation in the old Russian Text (on the Example of Constructions with Instrumental Case of Restriction).....	62
<i>E. Fadeyeva.</i> Means for Language Expression of Communicative Discomfort at Different Levels of Linguistic Analysis.....	66
<i>M. Khlopina.</i> The Case Name Solzhenitsyn in S. Dovlatov’s Texts.....	74

SECTION II. LITERATURE

<i>S. Dzhanumov.</i> Folk Proverbs and Sayings in A. Pushkin’s Letters of the 1832–1836s.....	79
<i>N. Kalokh Vid.</i> The Language of Revelation in M. Bulgakov's Drama «Flight»: Allusion as a Stylistic Device	85
<i>L. Simonova.</i> From "Life, Poetry, and Thoughts of Joseph Delorme" to "The Sensual Man": the Nature of Autobiographical Prose Sh. Sainte-Beuve.....	93
<i>I. Stroganova.</i> M. Osorgin Novel Prose in Modern Studies.....	98

PUBLICATIONS OF POST-GRADUATE STUDENTS

A. Zhigalov. Russian Prague: the Study of Old Russian Literature (Works of Emigrants Scientists)	104
I. Obruchnikova. New England Novels by H.B.Stowe in American Literary Criticism	108
M. Savinova. Literary Cinematographic Techniques in the Book «The Ice March» by R. Gul	116
E. Snycheva. Multifunctionality of Plant Images in the Collection of Poems by Polixena Solovieva «Willow-herb»	121
T. Sotova. N. Gumilev's Book of Poems "Porcelain Pavilion". Outlook of the Chinese Poets and Translator's Attitude of the Towards them	130
N. Yakushkina. I. Kozlov's poetic epistle to members of the Royal Family: A tribute to the traditions of classicism and romantic poetics.....	141

THE SCIENTIFIC LIFE

International Conference «XI Pospelov's readings - 2013. Hermeneutics. Interpretation. Textology - in the new millennium» (Moscow, Lomonosov Moscow State University, 20 - 21 December 2013)	147
--	-----

REVIEW

Review on E. Fesenko's book "Russian literature of the 19th century in search of a hero." - M.: Academic Project, 2013. - 653 pp. - (Gaudeamus)	151
Our authors	154

РАЗДЕЛ I. РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811. 161.1'37: 075.8

Коренева Ю.В.

Московский государственный областной университет

ЦЕННОСТЬ АГИОГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Автор статьи рассматривает агиографическое произведение с лингвокультурологической точки зрения и воспринимает агиографический текст как культурную ценность. При этом акцентируется внимание на том, что ценностная сторона житий святых раскрывается только при дискурсивно-обусловленном подходе к ним. Подчёркивается включённость жития в сферу русской религиозной литературы и, следовательно, в религиозный православный дискурс. Концептосфера агиографии в этой связи представляется совокупностью лингвокультурных концептов, центральным из которых является макроконцепт Святость.

Ключевые слова: агиография (жития святых), жанр, лингвокультурология, концепт, религиозный.

Y. Koreneva

Moscow State Regional University

VALUE OF HAGIOGRAPHIC TEXT: CULTURAL LINGUISTIC ASPECT

Abstract. The author of this article studies hagiographic text through cultural linguistics and perceives the life of saint as cultural value. At the same time draws attention to the fact that the value side of hagiographies is revealed only through discursively-conditional approach. The author emphasizes the involment of hagiographies in the sphere of Russian religious literature and Orthodox discourse. In this regard the conceptosphere of hagiography is represented as complex of cultural linguistics concepts, in this complex Holiness is a central one.

Key words: hagiography, genre, cultural linguistics, concept, religious.

Житийный жанр обычно именуется житийным, а агиографическим в соответствии с прямым значением этого определения (описание святости), хотя святость как богословское понятие изучается в

© Ю.В.Коренева, 2014.

агиологии. Агиология включает в себя агиографию как совокупность текстов, в которых рассказывается о святом подвижнике.

Жития святых с функциональной точки зрения необходимы для просвещения новоначальных, укрепления в православной вере, демонстрации идеального жизненного пути человека. В зависимости от духовного подвига, предпринятого святым в его земной жизни, формируется типология житийных произведений. В современном православном религиозном дискурсе классический тип жития соседствует с жизнеописанием; классический канон жития сегодня практически не используется, мы имеем скорее биографию подвижника, часто сопровождаемую ссылками на реальные документы.

В истории изучения русской агиографии имеются литературоведческие, собственно исторические, философские, религиоведческие и богословские работы разного плана: [3; 4; 5; 6; 13; 17; 18; 19; 26; 36; 37; 39; 41; 43; 45 и др.].

Лингвистическое изучение житийного произведения касается как текстологии: [14; 27; 32; 33; 42 и др.], так и анализа грамматической (морфологической, синтаксической и графико-орфографической) структуры житийных текстов: [23; 30 и др.]. Другие лингвистические исследования ориентированы на анализ лексики: [16 и др.], на анализ стилистических особенностей житийного текста: [2; 10; 21; 22; 28; 38 и др.] или на изучение истории развития русского литературного языка [15]. Жития святых, как и другие жанры русской литературы, в том числе церковной, как и нехудожественные тексты в современной лингвистической науке, изучаются с позиций линг-

вистики текста: [20; 29; 44 и др.], через призму философии, религии и культурологии [12; 40 и др.].

Культурологический подход к житию указывает на необходимость соединения религиозного и лингвистического исследовательского взгляда. Средневековая русская христианская культура – культура литургического мышления, ведь после принятия христианства «книжность была доступна народным массам через богослужение» [25]. Православие является определяющим ориентиром в создании древнерусского литературного произведения вне зависимости от его жанровой закреплённости. Религиозное пространство русской культуры связано с формированием религиозного сознания народа, трансформацией народного менталитета от природного язычества к освящённому Святым Духом через Слово Божие цивилизационному устройству общества. Вся русская литература, вплоть до XVII века была церковной или церковно-ориентированной, даже первые сатирические произведения не отменяют это положение (подробнее: [24; 34]). О русской средневековой культуре написано очень много, упомянем здесь небезызвестную работу А.Я. Гуревича [11] и обстоятельное исследование С.С. Неретиной [31]. Житийный жанр через призму культурологии может быть охарактеризован, наряду с любым другим жанром, как социокультурная совокупность текстов, эксплицирующих определённую специфику (читай: функцию) языкового сознания.

Агиографическое произведение как текст реализует собой православную религиозную концептосферу, имеющую сложное и неоднородное строе-

ние, оперирующую концептами различного объёма и глубины. Концепты же, в свою очередь, входят в состав концептосферы либо целиком, т. е. всей семной совокупностью, либо частично, только некоторыми семами. Прагматическая направленность житийных текстов – реализация религиозных значений тех слов, которые тематически и семантически принадлежат одной области – макроконцепту **Человек**.

Русская православная культура и православная картина мира, с одной стороны, существует как самостоятельный пласт культуры и сознания, с другой, является частью русского менталитета и концептосферы русского языка. Соотношение языка и культуры приводит исследователей к обозначению духовных составляющих обоих явлений, потому что «1) язык есть одна из форм выражения культуры, имеющая самостоятельную культурную ценность; 2) язык и культура соотносятся как вариант и инвариант» [8, с. 461]. И сама культура «понимается как некая концептосфера» [8, с. 462], «когнитивное содержание культуры выражается в культурных концептах» [8, с. 463]. «Оязыковление» концепта, как правило, мнится в рамках лексической семантики, причём «слово для самого говорящего есть средство объективировать свою мысль» [35, с. 212]. Такая функциональность слова придаёт ему не только когнитивный статус, но и показывает в слове заложенную в него культурно-творческую потенцию человеческой мысли, так что «слово представляет собой культурное творение, отражающее традиции, обычаи, мораль, систему норм и ценностей той или иной эпохи» [7, с. 7]. Религиозный

православный дискурс в силу своей «ценностно-смысловой энергетики» [1, с. 196] концептуализирует слово и наполняет культурным и событийным содержанием стоящий за ним комплекс смыслов.

В контексте современных когнитивных и дискурсивных исследований агиографические произведения – жития святых – могут расцениваться как письменная реализация религиозного и языкового сознания. Агиографический текст рассматривается нами как результат когнитивно-дискурсивной деятельности книжника, в таком тексте содержится определенное религиозно-историческое знание, обусловленное жанровым и религиозным канонами. Это знание о мире эксплицируется языковыми единицами, называемыми нами лингвоконцептами. Все лингвоконцепты агиографии имеют лингвокультурный статус и могут быть названы лингвокультуремами. Лингвокультуремы (как единство лингвистического и экстралингвистического, т.е. знание и понимание «культурного ореола слова» [9, с. 56]) преподобнического жития – это совокупность лингвоконцептов той части агиографической концептосферы, которая реализует категорию святости через монашеское житие и в этой реализации главную роль играют духовно-личностные концепты антропологического типа, такие как *Молитва, Старец, Смирение, Трезвение, Чудо* и др.

Именно такие лингвоконцепты-лингвокультуремы в своей совокупности концентрируются вокруг макроконцепта **Святость** и раскрывают его содержание как на уровне конкретного текста (святость преподобного Сергия Радонежского, святость преподобного

Льва Оптинского), так и на двух других, более высоких, уровнях: уровне агиографического жанра (святость преподобных, святость благоверных, святость исповедников и других святых) и уровне дискурса (святость как центральное религиозное понятие и как цель христианской жизни). Реализация в житии макроконцепта *Святость* как агиологического и лингвокультурного явления определяет ценность агиографического произведения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
2. Антонова М.Ф. Некоторые особенности стиля «Жития Стефана Пермского»// ТОДРЛ. – Т. 34. – Л., 1979. – С. 127-133.
3. Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. ОЛДПИ. – Спб., 1882. – XII, 616, VIII с.
4. Белякова М.М. «Повесть о Петре Ордынском» в историко-литературном контексте (к вопросу о датировке произведения)// ТОДРЛ. – Т. 46. – Спб., 1993. – С. 74-87.
5. Батурова Т.К. Рецензия на книгу В.Н. Аношкиной «Православные основы русской литературы XIX века»// Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2012. № 2. – С. 83-83.
6. Васильев В.К. Сюжетная типология жанра жития в русской литературе XI – XVI веков: Автореф. дисс ... канд. филол. наук. – Томск, 2007. – 26 с.
7. Вендина Т.И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. – М.: Институт славяноведения РАН, 2007. – 336 с.
8. Виноградов В.А. Языковая семантика в пространстве культуры// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4(2). – С. 461-464.
9. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). – М., 1997. – 331 с.
10. Грихин В.А. Проблемы стиля древнерусской агиографии XIV-XV вв. – М., 1974. – 64 с.
11. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – 20е изд., испр. и доп. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
12. Давыдов И.П. Православный акафист русским святым (религиоведческий анализ): Дисс ... канд. философ. наук. – М., 2003. – 257 с.
13. Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. – Л., 1973. – 303 с.
14. Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. – М., 1976. – 368 с.
15. Иванова М.В. Древнерусская агиография конца XIV–XV веков как источник изучения истории русского литературного языка: дисс ... д-ра филол. наук. – М., 1998. – 393 с.
16. Иванова Т.А. Лексические особенности жизнеописаний новопрославленных святых Русской Православной Церкви: Автореф. дисс ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 16 с.
17. Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. – Варшава, 1902. – 389 с.
18. Киселева М.С. Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности. – М.: «Индрик», 2000. – 256 с., 9 илл.
19. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – М.: Наука, 1988. – 512 с. (Репринт издания 1871 года).
20. Ковалев Н.С. Древнерусский литературный текст: Смысловая структура и эволюция в аспекте категории оценки: Дисс ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 1997. – 332 с.
21. Коновалова О.Ф. Панегирический стиль русской литературы конца XIV – начала XV веков (на материале Жития

- Стефана Пермского, написанного Епифанием Премудрым): Дисс. канд. филол. наук. – Л., 1970. – 425 с.
22. Кошкин И.С. Стиль «плетение словес» и его эволюция в русской агиографии XVI в. (На материале двух житий Иосифа Волоцкого и Жития Михаила Клопского): Дисс ... канд. филол. наук. – СПб., 1994. – 354 с.
 23. Крылова Т.В. Житие Лазаря Муромского. Анализ грамматической нормы. Автореф. дисс ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 36 с.
 24. Левшун Л.В. История восточнославянского книжного слова XI – XVII вв. – Минск: экономпресс, 2001. – 352 с.
 25. Лихачёв Д.С. Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы // Исследования по древнерусской литературе. – Л., 1986. – С.79-95 [Электронный ресурс]. // URL:<http://www.philology.ru> (дата обращения: 24.07.2011).
 26. Лихачёв Д.С. Изображение людей в житийной литературе конца XIV – XV в. // ТОДРЛ. – Т.12. – М.– Л., 1956. – С. 105-115.
 27. Лихачёв Д.С. Текстология (на материале русской литературы X – XVII вв.) – М.–Л., АН СССР, 1962. – 606 с.
 28. Митина (Коренева) Ю.В. Лексика с религиозной семантикой и её стилистические функции в житийных памятниках XV века: Автореф. дисс ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 17 с.
 29. Мурьянов М.Ф. Гимнография Киевской Руси. 2-е изд./ Отв. ред. М.Н. Громов, Т.А. Исаченко. – М.: Наука (Памятники религиозно-философской мысли Древней Руси), 2004. – 451 с. – .
 30. Ненашева Л.В. Графически и орфографические особенности памятников русской письменности XV века. Автореф. дисс.... д-ра филол. наук. – М., 2010. – 40 с.
 31. Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. История: миф, время, загадка. – М.: Гнозис, 1994. – 208 с.
 32. Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. / Отв. ред. В.В. Виноградов. – М., 1968. – 404 с.
 33. Панин Л.Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. – Новосибирск: Издательство НИИ МИОО НГУ, 1995. – 217 с.
 34. Панченко А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. – СПб.: Юна, 1999. – 520 с.
 35. Потебня, А.А. Мысль и язык. – М.: Лабириント, 2007. – 256 с.
 36. Проблема жанра в литературе Средневековья /Отв. ред. А.Д. Михайлов. – М.: Наследие (Литература Средних веков, Ренессанса и Барокко / РАН ИМЛИ. Вып. 1), 1994. – 392 с.
 37. Прохоров Г.М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. – Л., 1987. – 294 с.
 38. Рогожникова Т.П. «Житие Стефана Пермского» Епифания Премудрого. Лингвостилистический анализ: Дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1988. – 254 с.
 39. Родионов О.А. Византийские жития святых-исихастов и древнерусская агиография конца XIV – начала XV в.: Характер и истоки параллелизма: дисс. ...канд. ист. наук. – М., 1998. – 150 с.
 40. Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии (серия «Византийская библиотека», раздел «Исследования»). – С.Пб: Алетейя, 1997. – 295 с.
 41. Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты) // ОИДР. – М., 1915. – 494 с.
 42. Соболева А.Е. К текстологии Жития Александра Свирского: загадка списка РНБ. Тит. № 302// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 730-732.
 43. Федотов Г.П. Святые Древней Руси/ Предисл. Д.С. Лихачева и А.В. Меня. Комментар. С.С. Бычкова. – М.: Моск. рабочий, 1990. – 269 с.

44. Чевела О.В. Герменевтика литургической поэзии: историко-лингвистическое исследование: – Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2010. – 50 с.
45. Яхонтов И. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. – Казань, 1881. – 377 с.

УДК 811.161.1' 367.7

Савостина Д.А.*Московский государственный областной университет***СУБЪЕКТ И СУБЪЕКТИВНОСТЬ ИМПЕРАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА)**

Аннотация. В статье определена специфика императивных высказываний как грамматического средства субъективности и экспрессии на материале поэтических текстов русской литературы первой половины XX века. Автор показывает особенности императивной модальности, способы выражения субъекта, решает вопрос о соотношении субъекта речи и субъекта потенциального действия. Анализ языкового материала показывает, что модальность императивного высказывания следует считать объективно-субъективной категорией, а субъект – контаминацией коммуникативного и синтаксического аспектов языка. *Ключевые слова:* императивное высказывание, императив, объект, субъект речи, субъект потенциального действия, модальность.

D. Savostina*Moscow State Regional University***THE SUBJECT AND SUBJECTIVITY OF IMPERATIVE STATEMENTS
(ON THE MATERIAL OF POETIC TEXTS OF RUSSIAN LITERATURE
OF THE 1ST HALF OF THE 20TH CENTURY)**

Abstract. The article reveals the specific of imperative statements as grammatical means of subjectivity based on the material of poetic texts of Russian literature of the 1st half of the 20th century. The author studies the features of imperative modality, the ways of expressing the subject of speech and the subject of potential action. After analyzing the language material, the author concludes that imperative modality should be considered as an objective and subjective category, and that subject should be considered as a contamination of communicative and syntactic aspect of the language.

Key words: imperative statement, imperative, object, subject of speech, the subject of potential action, modality.

Формы императивного значения в поэтических текстах русской литературы 1-ой половины XX века – это «грамматические субъективы» с повышенным уровнем экспрессивной коннотации. Волеизъявление, побуждение к действию, как правило, сопровождается какой-либо эмоцией,

© Савостина Д.А., 2014.

исходящей от говорящего, в данном случае – от субъекта волеизъявления. «Повелительное наклонение, выражая волю говорящего, побуждающую собеседника стать производителем, субъектом какого-нибудь действия, принадлежит к эмоционально-волевому языку и характеризуется особой интонацией» [5, с. 464].

Важно решить вопрос о способах выражения субъекта и объекта, а также охарактеризовать их соотношение с модальным планом императивного высказывания.

Императивная модальность, на наш взгляд, может быть признана категорией объективно-субъективной, поскольку, с одной стороны, говорящий устанавливает отношение процесса к действительности, с другой стороны, говорящий выражает собственное отношение к сообщаемому. «Кроме заложенного в системе форм предложения объективно-модального значения, относящего сообщение в план реальности-ирреальности, каждое высказывание, построенное на основе той или иной отвлечённой схемы предложения, обладает субъективно-модальным значением. Если объективно-модальное значение выражает характер отношения сообщаемого к действительности, то субъективно-модальное значение выражает отношение говорящего к сообщаемому» [6, с. 543]. В пользу императивной модальности как объективно-субъективной категории свидетельствуют рассуждения Ю.С. Степанова: «"Субъективная" модальность может быть приписана только лицу «я» и выражена в самом предикате. Напротив, «объективная» модальность может быть вынесена вне предиката в «модальную рамку» и означает, в сущности, не модальность, а кажимость» [11, с. 242]. В императиве нам представляется это следующим образом. Субъективная модальность: импульс волеизъявления исходит от говорящего, выражает его отношение к сообщаемому. Объективная модальность: модальность не вынесена за рамки предиката, но

исполнение действия, заложенного говорящим в предикат, зависит не от субъекта речи, а от объекта волеизъявления, потенциального субъекта действия. «Воля субъекта к реализации действия другим субъектом по существу обозначает модальное отношение (желательности, нежелательности, возможности, невозможности) субъекта волеизъявления к действию и модальное отношение опосредованного долженствования или возможности-невозможности между субъектом потенциального действия и действием, т. е. долженствования или возможности с точки зрения субъекта волеизъявления» [3, с. 55-56]. Г.А. Золотова указывает на три аспекта модальности: объективно-модальный (отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего), субъективно-модальный (отношение говорящего к содержанию высказывания) и внутрисинтаксический (отношение субъекта действия к действию) [8, с. 140-157]. В императиве реализуются первые два аспекта. Внутрисинтаксический аспект не очевиден, так как через императивный предикат мы не можем понять отношение потенциального исполнителя к действию, ему предписанному. Говорящий, высказывая волеизъявление, отнюдь не уверен в исполнении своей просьбы, реализация действия возможна, но не обязательна и координируется потенциальным агенсом. Таким образом, перед нами ситуация двойной субъективации, императив бивалентен, он «окружён» субъективностью со стороны говорящего и со стороны адресата, от личного (то есть субъективного) решения которого зависит реализация императивного действия.

*Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета: Первый
прими: не живи настоящим, Толь-
ко грядущее – область поэта. Помни
второй: никому не сочувствуй, Сам
же себя полюби беспредельно. Третий
храни: поклоняйся искусству, Только
ему, безраздумно, бесцельно* (В. Брю-
сов). На отношение потенциального
агенса к действию могут косвенно ука-
зывать сопутствующие, вспомога-
тельные, компоненты речевой ситуа-
ции – описание реакции на побуждение в
следующем за императивом контексте
(как правило, ситуация диалога) или –
шире – общий сюжетный смысл про-
изведения. «*Вставай, проклятьем зак-
лейменный*» – *радостная выстрелила
весть. В ответ миллионный голос: «Го-
тово!» «Есть!»* (В. Маяковский).

Если говорящий обращается к не-
одушевлённым предметам, к персо-
нифицированным силам природы,
реализация императивного действия
ставится под сомнение по причинам
экстралингвистическим. *Солнце! Отец
мой! Сжался хоть ты и не мучай!* (В.
Маяковский); *Готовь, земля, цветам
из рос напиток, Дай сок стеблю...* (И.
Северянин); *Хорони, хорони меня, ве-
тер!* (А. Ахматова) Исключение со-
ставляют тексты, в основу которых
положено олицетворение как основ-
ной приём раскрытия идейного за-
мысла произведения. *И так однажды
разозлясь, что в страхе всё поблекло, в
упор я крикнул солнцу: «Слазь! Доволь-
но шляться в пекло!» <...> Я крикнул
солнцу: «Погоди! Послушай, златолобо,
чем так без дела заходить, ко мне на
чай зашло бы!» Что я наделал? Я погиб!
Ко мне, по доброй воле, само, раскинув
луч-шаги, шагает солнце в поле. <...>
В окошки, в двери, в щель войдя, вали-*

*лась солнца масса, ввалилось; дух пере-
ведя, заговорило басом: «Гоню обратно
я огни впервые с сотворенья. Ты звал
меня? Чаи гони, гони, поэт, варенье!»*
(В. Маяковский)

В области субъективной модально-
сти императива нам видится явление
контаминации, сочетания трёх прояв-
лений субъективности: 1) субъектив-
ность как грамматическая категория,
выражающаяся в отношении действия
к действительности, определяемого го-
ворящим, и в отношении говорящего к
действию, 2) субъективность как по-
тенциальная возможность/невозмо-
жность осуществления действия адре-
сатом императивного высказывания, то
есть зависимость реализации действия
от индивидуального решения объек-
та речи, 3) субъективность как общее
качество, присущее любому поэтиче-
скому тексту, общим пространством
которого управляет автор, подчиняя
своей, субъективной, воле замысел,
композицию, выбор языковых средств
(Ср.: субъективный – ‘1. относящийся
к субъекту, свойственный субъекту; 2.
связанный с выражением отношения,
эмоций, желаний говорящего’ [2, с.
462]). Императивная модальность вы-
ходит за рамки лингвистической ка-
тегории и определяется также экстра-
лингвистическими факторами. При
этом апеллятивное высказывание не
может существовать без субъекта во-
леизъявления и без субъекта потен-
циального действия. От последнего
зависит непосредственно реализация
императивного действия.

Субъект – понятие многоплановое,
неоднозначное. Словарная статья даёт
четыре значения: ‘1. То же, что подле-
жащее. 2. В логике – предмет суждения,
который определяется и раскрывается

в своём содержании предикатом. 3. Тот (то), кто (что) познает, мыслит и действует, в отличие от объекта, как того, на что направлены мысль и действие. 4. Человек как носитель каких-либо свойств [4, с. 1074]. «Субъект предложения – синтаксически независимый субстанциальный компонент субъектно-предикативной структуры, обозначающий носителя предикативного признака» [7, с. 133].

В побудительных предложениях с предикативным центром, выраженным императивным глаголом, очевидна проблема «соотношения субъекта предикативного признака и субъекта оценки, субъекта речи, взаимодействие планов персонажа и рассказчика» [7, с. 155]. Лирический герой в поэтических текстах, от лица которого ведётся повествование, то есть субъект речи, наделяющий императив модальностью оценки, желательности исполнения действия, не может быть синтаксическим субъектом. «Синтаксический субъект обнаруживается в сочетании слов, между которыми существуют отношения «предмет и его признак» <...> в плане означаемого синтаксический субъект – это носитель признака; в плане означающего – это грамматически господствующее слово по отношению к слову, в котором заключён признак» [10, с. 139]. Учитывая проблему соотношения грамматической формы предложения и формы заключённого в нём суждения, следует отнести субъект речи в область суждения, в план рассказчика, выведя его при этом за границы поля персонажа. Эмпирический уровень восприятия текста позволяет читателю составить представление о присутствии субъекта речи на основании экстра-

лингвистических причин: импульс волеизъявления должен от кого-то исходить. В ряде текстов информация о говорящем может быть восполнена из косвенной речи, из контекстного окружения. Ср.: *Бросьте! Забудьте, плюньте и на рифмы, и на арии и на розовый куст, и на прочие мелехлюндии из арсеналов искусств* (В. Маяковский); *Вам говорю я – <...> говорю вам — пока вас прикладами не прознали: Бросьте!* (В. Маяковский), *Сказав планетам: «Приготовьте Мне век», спустился я в Москве* (И. Северянин); *Она так ласково взгрустнет, Как векише, сердцу скажет: «Прыгай!»* (И. Северянин); *На звёзды смотрит он: «Поймите Мою любовь к царице чар!» Он обращается к Кандас: «Пойми, Балькис меня отвергла...»* (И. Северянин); *Царь Эфиопский Валтасар Вскричал рабам: «Поторопитесь! <...> Снимайте пыльные тюки...»* (И. Северянин). Таким образом, мы разделяем понятия «субъект речи» и «субъект-потенциальный исполнитель действия» применительно к разным аспектам языка; говорящего понимаем как субъекта суждения, как коммуникативного субъекта, а агенса как синтаксического субъекта грамматической формы императивного предложения.

В семантико-синтаксической характеристике императивного предложения позиция говорящего занимает значительное место. Субъект речи осуществляет различные коммуникативные функции: 1) каузирует выполнение действия потенциальным агенсом; 2) констатирует своё волеизъявление, направленное на осуществление действия субъектом, не участвующим в акте коммуникации; 3) демонстрирует желание, намерение

самому осуществить действие. Перечисленные функции характерны также для оптативных конструкций, что подтверждает генетическое родство форм повелительного и сослагательного (условного, желательного) наклонений. В зависимости от коммуникативной функции говорящего субъект потенциального действия приобретает соответствующий способ выражения и частное значение. «В функции «субъекта желающего» говорящим предопределяется значение первого синтаксического лица при формах субъекта *я, мы, мне, нам*. Функция «субъекта каузирующего» предполагает наличие в предложении адресата, то есть значение второго синтаксического лица с формами субъекта *ты, вы, тебе, вам*. Функция «субъекта констатирующего» прослеживается в предложениях со значением третьего синтаксического лица, содержащих субъект в форме личного местоимения третьего лица (*он, она, оно, они, ему, ей, им*) или субстантива в им. / дат. падежах» [1, с. 21]. Таким образом, основным средством выражения отношения высказывания к участникам коммуникативного акта служит морфологическая категория лица глагола.

Субъект потенциального действия в высказываниях с предикатом, выраженным глагольной императивной формой, приобретает агентивный характер, поскольку приписываемый ему процессуальный признак выражается глаголом [10, с. 143-144]. Персональность («отнесённость разноразличных коммуникативных средств языка в составе высказывания или отнесённость самого высказывания к одному из трёх лиц речевого акта» [12, с. 25]) императива определяет форму

синтаксического субъекта через отнесённость высказывания к говорящему, к собеседнику или к 3-ему лицу, не являющемуся участником коммуникативного акта. Субъект потенциального действия может совпадать в плане выражения с подлежащим и выражаться формами местоимений или субстантивом (*Если царевич за мной придет, Ты объясни ему дорогу. Пусть он в степи меня нагонит* (А. Ахматова); *И пусть над нашим смертным ложем Взовьётся с криком воронье* (А. Блок)), либо быть выражен имплицитно, но подразумеваться через отношение независимого процессуального признака к 1-ому, 2-ому или 3-ему лицу. Вербальная невыраженность субъекта синтаксически значима, она указывает на его определённо-личное, неопределённо-личное или обобщённо-личное значение. Необходимости в обозначении субъектного детерминанта нет, так как субъект очевиден из глагольной формы императива. Например:

Определённо-личный субъект (соотносится с формами 1, 2 –го лица): *Знай одно: что завтра будешь старой. Пей вино, правь тройкой, пой из Яра. Синеокою, цыганкой будь. Знай одно: никто тебе не пара – И бросайся каждому на грудь* (М. Цветаева); *Прощай, возьми ещё колечко. <...> Лети, как пролетала, тая, Ночь огневая, ночь былая... Ты, время, память притуши. А путь снежком запороши* (А. Блок); *Возьми и небо заново вышей, Новые звёзды придумай и выставь, чтоб, иступлённо царапая крыши, в небо карабкались души артистов* (В. Маяковский); *Пересмотрите всё моё добро, Скажите – или я ослепла? Где золото моё? Где серебро? В моей руке лишь горстка пепла!* (М. Цветаева); *И морю*

говорит (Ариост): – **Шуми** без всяких дум. И деве на скале: – **Лежи** без покрывала... **Рассказывай** ещё – тебя нам слишком мало <...> Покуда в жилах кровь, **рассказывай, спеши...** (О. Мандельштам); **Летишь** в экспрессе — **жди** крушенья! Ткань доткана — что ж, в ключья **рви!** Познав восторг — **познай** страданья (И. Северянин); Молвит баба: – **Дайте** мне всю программу разом! (В. Маяковский); **Земной оградой** сердце **не томи, Не пристращайся** ни к жене, ни к дому, У своего ребёнка хлеб **возьми**, Чтобы его отдать чужому. И будь слугой смиреннейшим того, Кто был твоим кромешным супостатом, **И назови** лесного зверя братом, **И не проси** у Бога ничего (А. Ахматова).

Неопределённый субъект (соотносится с формами 3-го лица множественного числа). **Пусть назовут** безмолвную зимой **И вечные навек захлопнут** двери. **И всё-таки** узнают голос мой. **И всё-таки** опять ему поверят (А. Ахматова), **Пусть** по Америке – по Северной, по Южной – **гонят** брюх ваших мячище футбольный! (В. Маяковский); **Может быть, теперь** пивную **Выстроят** на этом месте?! **Пусть не смеют**, – я сломаю! **Отомщу** за честь старушки! (И. Северянин); **Смерти нет** – это всем известно, **Повторять** это стало пресно, **А что есть** – **пусть расскажут** мне (А. Ахматова).

Обобщённый субъект (представлен в ситуации, когда на месте субъекта может оказаться любой). **Железо куй**, пока горячее. **Жалеть о прошлом** – дело рачье (В. Маяковский); **Если кроха протухла, плеснитса, выбрось** весь прогнивший кус (В. Маяковский); **Вскрыла** жилы: **неостановимо, Невостановимо** хлещет жизнь. **Подставляйте** миски и тарелки! **Всякая тарелка будет** –

мелкой (М. Цветаева); **Верьте** Музыке: **проведёт** Сквозь гранит. **Ибо Музыка** – динамит (М. Цветаева); **Запирайте** этажи, **Нынче** будут грабежи! **Отмыкайте** погреба – Гуляет нынче гольтиба (А. Блок); **Можно** убедиться, что земля поката – **сядь** на собственные ягодицы и **катись!** (В. Маяковский)

Косвенную экспликацию субъект может получить в формах вокатива (**Вздохни, вздохни ещё, чтоб** душу взволновать, **Печаль моя!** Мы в сумерках блуждаем **И, обречённые** любить и умирать, **Так редко** о любви и смерти вспоминаем (Г. Иванов); **На заре** морозной **Под шестой берёзой** **За углом** у церкви **Ждите, Дон-Жуан!** (М. Цветаева)).

Синтаксический субъект может совпадать с подлежащим, выраженным формой определительного местоимения, соотносимого через форму императива со 2-ым лицом множественного числа: **Бегите все** на зов! на лов! (А. Блок); **Идите все, идите** на Урал! (А. Блок); **Входите все.** **Во внутренних** покоях **Завета нет, хоть тайна** здесь **лежит** (А. Блок).

Отдельного рассмотрения заслуживает субъект императивных предложений с формой сослагательного наклонения. Как отмечает В.Е. Иосифова, «субъект действия в побудительных предложениях с формами сослагательного наклонения может быть представлен неодинаково. В одних выражается личными местоимениями, в других – обращениями, в третьих – тем и другим, а иногда и совсем не обозначается. При императивном употреблении этих глагольных форм наблюдается соответствующее грамматическое приспособление их к этой функции в виде специфической интонации и сочетания с грамматическими показате-

лями лица адресата подобно формам повелительного наклонения» [9, с. 35].

Персональность может поддерживаться окружающим контекстом; местоимение (или субстантив), употреблённое только в одном предложении текста, соотносится с императивными формами в остальных предложениях, по структуре двусоставных неполных (При жизни **Вы** его любили, И в верности клялись навек, Несите же венки из лилий На свежий снег. Над горестным его ночлегом Помедлите на краткий срок, Чтоб он под этим первым снегом Не слишком дрог. Дыханием души и тела Согрейте ледяную кровь! Но, если в Вас уже успела Остыть любовь – К любовнику – любите брата (М. Цветаева); **Работай, работай, работай: Ты** будешь с уродским горбом (А. Блок)). Косвенную формальную экспликацию агенс может получить через формы косвенных падежей, в этом случае следует говорить о плане суждения («Поцелуйте дочку!» Вот и всё – Как скупо! – Быть несчастной – глупо. Значит, ставим точку. Был у **Вас** бы малый Мальчик, сын единый – Я бы **Вам** сказала: «Поцелуйте сына!» (М. Цветаева) – косвенные падежные формы *Вас, Вам* эксплицируют соотношение императивных глаголов с формой 2-го лица: **Вы поцелуйте*). В текстах, где в формах косвенных падежей эксплицирован субъект речи, говорящий «провоцирует» агенс совершить действие в собственных интересах, то есть говорящий перестаёт быть только участником коммуникативного акта, он становится своеобразным объектом действия, побуждает направить действие на себя. *Милльоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы. Попробуйте, сразитесь с нами!* (А. Блок); *Вернись ко*

мне скорее: Мне страшно без тебя (О. Мандельштам); *Приду и стану на порог, Скажу: «Отдай мне мой платок!»* (А. Ахматова); *Душа черства. И с каждым днём черствей. – Я гибну. Дай мне руку. – Нет ответа* (Г. Иванов); *Приди ко мне, ко мне приникни И позабудься на груди* (И. Северянин).

Таким образом, при анализе императивного высказывания следует говорить о полисубъектности и разграничивать такие понятия, как субъект речи (говорящий, субъект коммуникативного акта, относящийся к плану суждения, осуществляющий различные коммуникативные функции) и синтаксический субъект (потенциальный исполнитель действия, относящийся к грамматическому плану предложения). Высказывание может относиться к говорящему, к собеседнику или к третьему лицу, что выражается в предложении в формах 1-го, 2-го, 3-го лица. Синтаксический субъект может быть выражен эксплицитно и имплицитно, что соотносится на грамматическом уровне с двусоставными и односоставными структурно-синтаксическими конструкциями предложений.

Модальная контаминация, полисубъектность обуславливают активное употребление императивных конструкций как средства субъективности и экспрессии художественных текстов поэтами 1 половины XX века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алтабаева Е.В. О выражении субъекта в оптативных предложениях // Грамматическое значение предложения и семантика высказывания: Межвуз. сб. науч. трудов. – М., 1987. – С. 16-24.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 2005. – 576 с.

3. Берляева Т.Н. Средства выражения предикативных значений предложения // Грамматическая и семантическая структура предложений с инфинитивом и предикативами волеизъявления. – Межвуз. сб. науч. трудов. – М., 1983. – С. 54-63.
4. Большой толковый словарь русского языка: Ок. 60 000 слов / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 2004. – 1268 [12] с.
5. Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). – М., 1972. – 616 с.
6. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970. – 768 с.
7. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 2007. – 368 с.
8. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973. – 352 с.
9. Иосифова В.Е. Побудительные высказывания с формами сослагательного наклонения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2009. № 2. – С. 31-36.
10. Лекант П.А. К вопросу о синтаксическом субъекте // Очерки по грамматике русского языка. – М., 2002. – С. 138-146.
11. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика. – М., 2007. – 360 с.
12. Химик В.В. Коммуникативное лицо и некоторые особенности его выражения в глагольных формах // Грамматическое значение предложения и семантика высказывания: Межвуз. сб. науч. трудов. – М., 1987. – С. 24-32.

УДК 81'366.563

Самсонов Н.Б.*Московский государственный областной университет***ПРОКСИМАЛЬНОЕ И ТЕМАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЯ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА**

Аннотация. В семантике 3-его лица предлагается разграничивать проксимальное и тематическое (предметное) значения. Языковые средства выражения 3-его лица реализуют проксимальное значение при определённых синтаксических условиях, к которым относятся связь глагольных форм с личными существительными и независимое употребление глагольной формы множественного числа в качестве главного члена неопределённо-личного предложения. Тематическое значение сопутствует проксимальному, а в его отсутствие выступает в качестве единственного значения 3-его лица. 3-е лицо – это лицо синтаксическое: оба значения не проявляются вне синтаксической конструкции.

Ключевые слова: третье лицо; личная семантика; проксимальное, собственно-личное и предметно-личное значения; тематическое значение; категория лица; категория одушевлённости; личные существительные.

N. Samsonov*Moscow State Regional University***PROXIMAL AND THEMATIC VALUES OF THE THIRD PERSON**

Abstract. In semantics of the 3rd person it is offered to differentiate proximal and thematic (subject) values. Language means of expression of the 3rd person realize proximal value under certain syntactic conditions to which communication of verbal forms with personal nouns and the independent use of a verbal form of plural as the main member of the indefinite-personal sentence belong. Thematic value accompanies proximal, and in its absence acts as a unique value of the 3rd person. The 3rd person is a syntactic person: both values aren't shown out of a syntactic construction.

Key words: third person; personal semantics; proximal, personal and objective-personal values; thematic value; category of a person; category of an animateness; personal nouns.

В предыдущей статье в «Вестнике МГОУ» [5] мы попытались обосновать необходимость разграничения двух основных семантических разновидностей категориального значения 3-его лица – значения собственно-личного (или проксимального, по терминологии О.С. Ахмановой [1, с. 300]) и предметно-личного. цель этой статьи – показать различие и общность

указанных значений и их выражение различными языковыми средствами. В противопоставлении проксимального и предметно-личного значения отражается грамматическая оппозиция одушевлённости / неодушевлённости. Однако не она является основанием нашего противопоставления: категория одушевлённости шире, чем категория лица: например, не каждое

© Самсонов Н.Б., 2014.

одушевлённое существительное является личным. Близкий нам подход к определению личных значений находим у В.В. Виноградова. Характеризуя личные и неличные формы глагола, он пишет: «Как неличная форма выступает форма 3-го лица, особенно в единственном числе. Её личное значение только потенциально. Оно обусловлено обязательным наличием или подразумеванием субъекта. Оно целиком синтаксично» [2, с. 375]. В этих словах намечена перспектива исследования семантики 3-его лица, причём не только в глагольных формах, но во всём комплексе средств выражения. Поясним наше понимание цитаты и определённых ей направлений анализа.

У личного значения глагольных форм 3-его лица В.В. Виноградов выделяет две ключевые, на наш взгляд, особенности: оно 1) потенциально и 2) синтаксично.

1. Идея потенциальности личного значения предполагает, во-первых, что это значение не единственное в глагольной семантике 3-его лица. Говоря *делает* или *растут*, мы ещё не знаем, приписываются ли эти действия лицу, ср.: *Мальчик **делает** уроки – Самолёт **делает** круг. Чужие дети быстро **растут*** (посл.) – ***Растут** объёмы производства*. Интересно, что с глагольными формами других лиц такого не происходит: все они имеют только собственно личное значение. *Делаю, делаем, делаешь, делаете* не относятся к не-лицам и вообще к объектам неодушевлённым, т. к. их пара – одушевлённые местоимения *я, мы, ты, вы*.

Итак, глагольные формы 3-его лица, в сравнении с формами других лиц, обладают важным отличием: они многозначны. Сказанное можно от-

нести и к местоимениям *он, она, оно, они*. Каждое из них может быть указанием на лицо (*Он любит шутить*) и на не-лицо (*Он построен год назад*). Поэтому мы далее расширим наблюдения, анализируя значения не только глагольных форм, но и местоимений.

Из положения о потенциальности личного значения вытекает интересная мысль: если в глагольной форме 3-его лица не проявляется личное значение, то проявляется какое-то другое значение (другие значения), ведь незначимых форм, согласно структурно-семантическому подходу, в языке/речи не существует. Этим другим, неличным является предметное значение, однако называть его так не совсем правильно, потому что этот термин адресует нас к категориальному значению имени существительного, и с этой точки зрения всё грамматический предмет – и *самолёт*, и *мальчик*. Можно предложить рабочий термин, ориентируясь на функциональную семантику предметного значения при выражении его формами 3-его лица, – тематическое значение. Не обозначая собственно лицо, языковые средства 3-его лица представляют предмет речи, т. е. её тему. Возьмём предложение *Ряса грязно и масляно лоснилась в сумраке, скупо освещённом огоньком лампы в углу и огнём дешёвенькой, жёлтого стекла, лампы на столе* (М. Горький). Несмотря на многочисленное распространение основы и полипропозитивность этого предложения, наиболее точным ответом на вопрос, о чём оно, будет *о рясе*.

Тематическое значение, в отличие от проксимального, присутствует во всех специальных и неспециальных языковых средствах выражения 3-его лица [4, с. 40]. Однако при реализа-

ции в речи оно затемняется, а лучше сказать – затмевается проксимальным значением, когда это последнее актуализировано, как происходит при употреблении слов, вводящих чужую речь: *Тогда вздохнула графиня и говорит мне: «Теодор, – это то есть, поихнему, Федор, – Теодор, подойди сюда ко мне поближе»* (А. Гайдар).

Во-вторых, мысль о потенциальности личного значения заключается в том, что оно реализуется в речи не всегда. Оно всего лишь может проявляться при наличии определённых условий.

2. Условия проявления личного значения, по В.В. Виноградову, только синтаксические («наличие или подразумевание субъекта») – это не что иное, как связь с другими языковыми средствами либо определённая синтаксическая позиция.

Связь с личными существительными – показатель собственно личного значения у глагольной формы, ср.: *Священник в одной рясе, без ризы непривычно тонкий, по-домашнему и по-женски простоволосый, стоит лицом к закрытым царским вратам, глубоко поклоняется им* (И. Бунин). – *Из этих событий на первом месте стоит моё первое в жизни путешествие, самое далёкое и самое необыкновенное из всех моих последующих путешествий* (И. Бунин). И наоборот, связь с глаголами речи и мысли обнаруживает личное значение у существительных и личных местоимений. Неживые объекты «оживут» в сочетании с этими глагольными формами, что характерно для тропа олицетворения: *...Огонь мой чуть горит И, видя свой конец, так Роще говорит...* (И. Крылов); *«Ты очень жалостлив», – сказала Трость,*

в ответ... То же при метонимическом переносе: *«Эхо Москвы» сообщает, газеты врут, журнал опровергает.*

Существует и особая синтаксическая позиция, которая неразрывно связана с проксимальным значением 3-его лица. Это независимая позиция главного члена неопределённо-личного предложения. В.В. Виноградов намеренно разделяет и даже противопоставляет характеристику форм 3-его лица по числу, так как формы множественного числа, в отличие от единственного числа, регулярно и активно употребляются в независимой позиции с неопределённо-личным значением: *Поколе совесть в нас чиста, То правда нам мила и правда нам свята, Её и слушают и принимают...* (И. Крылов); – *Помилуй! – говорит, – по твоему велению Я Соловьём в лесу здесь названа; А моему смеяться смеют пенью!* (И. Крылов). Неличное, собственнотематическое значение в таких конструкциях проявиться не может.

Реализация проксимального и тематического значений 3-его лица у существительных – чисто синтаксическое явление, оно связано с синтаксической функцией существительного. В функции подлежащего двусоставного предложения употребляются как личные, так и неличные существительные, и проксимальное значение свойственно только личному существительному. А вот наблюдение за ролью независимого главного члена безглагольной синтаксической конструкции позволяет обнаружить интересный факт. Неличные имена могут выполнять функцию как именительного представления: *Уже мы едем в той стране, Где говорят: – У нас, в Сибири... Сибирь! Не что-то там вдали, Во мгле моей дороги длин-*

ной, Не бог весть где, не край земли, А край такой же срединный, Как на Урале был Урал, А там – Поволжье, Подмосковье, И всё, что ты уже терял За неустанной встречной новью (А. Твардовский), – так и главного члена номинативного предложения: **Сибирь!** Леса и горы скопом, Земли довольно, чтоб на ней Раздаться виширь пяти Европам Со всею музыкой своей (А. Твардовский). Личные же существительные не выступают в роли главного члена номинативных предложений, а функционируют только в качестве именительного представления: *Мой бедный Ленский, сердцем он Для оной жизни был рождён* (А. Пушкин).

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Языковые средства выражения 3-его лица реализуют проксимальное значение при определённых синтаксических условиях, к которым относится связь глагольных форм с личными существительными и независимое употребление глагольной формы множественного числа в качестве главного члена неопределённо-личного предложения. Тематическое значение сопутствует проксимальному, а в его отсутствие выступает в ка-

честве единственного значения 3-его лица – это значение предмета речи, её темы. Следовательно, данное значение тоже синтаксическое, не проявляющееся вне синтаксической конструкции. Получается, что 3-е лицо целиком синтаксично.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 608 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 2001. – 718 с.
3. Лекант П.А. Категории рационального и эмоционального в русском языке и русской речи// Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2012. № 5. – С. 44 – 48.
4. Самсонов Н.Б. О специальных и неспециальных средствах выражения семантики третьего лица// Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2013. № 6. – С. 40 – 43.
5. Самсонов Н.Б. Третье лицо в коммуникативной ситуации// Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2014. № 2. – С. 20 – 24.

ПУБЛИКАЦИИ АСПИРАНТОВ

УДК 81'367.624

Богданова М.А.

Московский государственный областной университет

ХОРОШО — СЛОВО КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ

Аннотация: *Хорошо* представляет собой ряд функциональных омонимов: безличный и личный предикатив, слово категории оценки, наречие, частица, модальное слово. Основанием для выделения слов категории оценки в отдельную категорию служит наличие форм времени (в отличие от наречий), которые синтаксически выражаются связками, и сочетание с инфинитивом. Слова категории оценки выражают, соответственно, значение оценки действия, обозначаемого инфинитивом, а не состояния, которое выражает безличный предикатив. Сочетания инфинитива со словами категории оценки являются предикативными.

Ключевые слова: слова категории состояния, слова категории оценки, предикатив, модели в структуре функционально-семантического поля оценки, система и признаки категории оценки, структура предложения.

M. Bogdanova

Moscow State Regional University

ХОРОШО — THE WORD OF THE CATEGORY OF ASSESSMENT

Abstract: *Хорошо* is a series of functional homonyms: impersonal and personal predicative, word of the category of assessment, adverb, particle, modal word. Basis for distinguishing word of the category of assessment in a separate category is the availability of forms of time (unlike adverbs) that are syntactically expressed by link verbs, and the combination with the infinitive. Words of the category of assessment express, respectively, the importance of evaluating the actions referred to infinitive and not the state, which is expressed by impersonal predicative. The combinations of the infinitive with the word of the category of assessment are predicative ones.

Key words: words of category of state, words of the category of assessment, predicative, models in the structure of the semantic field of functional assessment, system and features words of the category of assessment, sentence structure.

В последнее время в русской грамматике обсуждается вопрос о выделении в языке категории слов оценки

© Богданова М.А., 2014.

как самостоятельной части речи [1; 4]. Главный показатель *хорошо* как категории оценки – обязательная сочетаемость с инфинитивом.

Г.А. Золотова выделяет три основных признака категории оценки:

1. Слова категории оценки не обозначают предмет, свойство, присущее предмету, или признак действия. Они выражают субъективную оценку действия, ситуации или, что встречается реже, предмета как результата действия или его функциональной потенции. То есть семантически слова категории оценки обособлены от основного категориального значения соответствующих частей речи.

2. Предикативно-оценочная функция в конструкциях с инфинитивом является ещё одним, синтаксическим критерием для выделения слов категории оценки в группе безличных предикативов.

3. Предложения, имеющие в своём составе слова категории оценки, обладают полисубъектностью, которая реализуется через создание потенциальной позиции субъекта оценки, могущей быть заполненной соответствующим лексико-синтаксическим способом [1, с. 281].

Например:

Хорошо здесь жить. (А. Чехов).

Однако, основываясь на наших рассуждениях, уместно рассмотреть данную особенность как грамматическую и позиционировать *хорошо* как слово категории оценки в сопоставлении с безличным предикативом *хорошо*.

Возникает вопрос, почему категория оценки не включена в разряд безличных предикативов, к которым отнесены слова категории состояния. Вопрос резонный: сходства очевидны.

И безличный предикатив, и категория оценки употребляются в качестве главного члена односоставного безличного предложения. И та, и другая

часть речи имеет синтаксический признак времени, показателем которого выступает связка.

Однако налицо и семантическое различие между безличным предикативом и словом категории оценки. Последнее оценивает не состояние, а процесс, обозначенный инфинитивом.

Например:

Вот вам бы на колокол-то хорошо пожертвовать по причине вашего недомогания (М. Горький);

Тебе, матушка, хорошо говорить. А ведь его гульба-то вот где (Л. Толстой).

Другой вопрос: если слова категории оценки всегда относятся к инфинитиву, почему их нельзя включить в класс наречий?

Ответ на этот вопрос можно получить, имея в виду опыт выделения слов категории состояния (в принятой нами терминологии – безличный предикатив) как самостоятельной части речи. Слова категории состояния были выделены В.В. Виноградовым в самостоятельную часть речи на основании того, что категории состояния присуще синтаксическое значение времени, которое является проявлением предикативности и определяет роль категории состояния как главного члена односоставного глагольного безличного предложения. Те же аргументы можно отнести к словам категории оценки: *Хорошо отдыхать на природе.* – *Хорошо было отдыхать на природе.* – *Хорошо будет отдыхать на природе.* Связка со значением времени никак не может быть отнесена к инфинитиву, лишённому темпоральности.

В повседневной речи встречается большое количество слов со значением оценки, это связано с тем, что, по словам Т.В. Маркеловой, «ценностное от-

ношение к миру в его языковой семантической интерпретации пронизывает кровеносными сосудами всю систему языка» [6, с. 76].

Категория оценки представляется «как субъективно-объективная категория с многокомпонентной структурой, включающей субъект, объект, основание оценки и оценочный предикат» [9, с. 8].

Категорию оценки можно определить как разряд безлично-предикативных слов на -о, обладающих значением оценки действия, обозначенного инфинитивом, или разновидность безличных предикативов.

Т.В. Маркелова [7] назвала инфинитивно-оценочной модель в структуре функционально-семантического поля оценки.

Например:

Барыня добрая, хорошо служить (А. Островский).

Хорошо иметь в себе столько чувства человеческого достоинства... (М. Горький).

Г.А. Золотова назвала зависимость семантики слов на -о от синтаксических условий «конструктивно-обусловленной» [2].

В некоторых предложениях с общеоценочными словами *хорошо*, *плохо* и подобными часто встречается значение рекомендации.

Например:

Мне один англичанин – он директор на фабрике – говорил, что от насморка хорошо шампанское natoщак пить (А. Островский);

Нехорошо гостей дурно принимать... (А. Толстой).

Действие, обозначенное инфинитивом, воспринимается как обобщённое. Подобные предложения выражают

ситуацию оценки, которая не имеет пространственных или временных характеристик. Однако она приближена к настоящему времени.

Таким образом, обобщённое значение синтаксического времени даёт толчок к формированию своего рода обобщённости оценки: совершать тот или иной поступок в любое время, в любом месте и в любой ситуации или плохо, или хорошо. Заметим, что обобщённость ограничивается или вообще устраняется, когда в предложении появляются формы прошедшего или будущего времени эксплицитной связки *быть*:

От насморка хорошо будет шампанское natoщак пить;

Нехорошо было гостей дурно принимать.

Оценочно-предикативные высказывания реализуются в соответствующей синтаксической позиции – безлично-инфинитивной.

Например:

Хорошо бы завести автомобиль в сто двадцать сил и макинтош – чем страшнее, тем модней, и катать по Европе (А. Толстой).

Вопрос об отнесении предложений, имеющих схему «инфинитив–предикатив», к двусоставным или же к односоставным остаётся спорным до сих пор. К односоставным такие предложения относят А.Н. Гвоздев, Е.С. Скобликова, а «Русская грамматика, 1980» расценивает их как двусоставные.

О.Н. Кастронова утверждает, что оцениваться может [4]:

– положение в пространстве:

Хорошо лежать и читать (А. Толстой);

– движение в пространстве:

А вы пошли бы прилегли на постельку, до времени нехорошо народу показываться (А. Толстой);

– физическое выполнение действия, процесса:

Тебе, Анатолий, хорошо пить отвар из ромашки с цитварным семенем (А. Толстой);

– восприятие зрительное, слуховое:

Хорошо теперь цыган послушать! (А. Толстой);

– эмоциональное отношение или переживание:

И вам, Клавдий Петрович, нехорошо за мной ухаживать (А. Толстой). В данном примере сам глагол несёт в себе положительное значение.

В некоторых случаях встречается эмоциональное, экспрессивное отрицание, которое на первый взгляд выглядит как наречие или слово категории оценки при инфинитиве, однако значения оценки не выражает.

Например:

Вам хорошо рассуждать. Вы жили на своем веку, а я? (А. Чехов);

Вам хорошо так говорить, а я вот третий чай подавай да завтракать собирай (Л. Толстой) – предполагается противопоставление во второй части предложения или фразы: кому-то легко о чём-то думать, что-то делать, другому же в этой ситуации оказывается не так просто.

Оценочные ситуации невозможны без своих составляющих: субъекта, объекта, мотивов (оснований) оценки и оценочного предиката. Субъект может представлять собой конкретное лицо, группу лиц или социум, дающий характеристику некоторому предмету с помощью выражения данной оценки.

Я.В. Олзоева утверждает, что «семантика оценки как ценностного отношения говорящего <...> интегрирует оценочные (“ценностные”) значения языковых единиц разных уровней: лек-

сических, словообразовательных, морфологических (лексико-грамматические классы слов, падежные формы), просодических, синтаксических» [8, с. 11].

Оценочное значение реализуется в предложении, потому что именно в нём заключена смысловая нагрузка и только в предложении имя выражает значение.

В простых предложениях оценка ситуации (акта, сказанного) ориентирована на особенности действия, обозначенные в инфинитиве. Эти инфинитивы актуализируют направленность оценки и всего того, что распространяет предложение и характеризует сложившуюся ситуацию.

Например:

Душонку свою скаредную спасу, а общее житие земли нашей разорится. Хорошо или нет мимо власти царствовать? (А. Толстой) – здесь мы имеем пример односоставного безличного предложения.

Таким образом, категория оценки выделяется из группы безличных предикативов с конструктивно обусловленным оценочным значением. Под “конструктивной обусловленностью” мы понимаем обязательное сочетание *хорошо* с инфинитивом. Слова категории оценки употребляются в высказываниях, построенных по инфинитивно-оценочной модели.

Г.А. Золотова сказала: «Понятно, что категория оценки, представляемая здесь семантико-грамматическим классом слов на -о, образует лишь часть обширной системы средств выражения оценки в русском языке и лишь одно из звеньев проблематики оценки» [1, с. 281].

В предложении слово категории оценки *хорошо* выполняет функцию

именной части составного именно-го сказуемого и выражает следующие значения: *'положительная оценка'* потенциального действия, процесса, а в разговорном стиле с неодобрительным оттенком: *'легко'*, *'не трудно'*. Стилистически нейтрально.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 2007. – 368 с.
2. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского языка. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
3. Золотова Г.А. О категории оценки в русском языке. // Русский язык в школе – 1980. – № 2. – С. 84–88.
4. Кастиорнова О.Н. Частеречный статус слов категории оценки в русском языке: Дисс. канд. филол. наук. — Мичуринск, 2005. — 201 с.
5. Лекант П.А. Части речи как грамматические категории / Грамматические категории слова и предложения. – М.: Издательство МГОУ, 2007. – 215 с.
6. Маркелова Т.В. Лексема-узел «одобрять» как средство выражения оценочного значения // Филологические науки. – № 3. – 1999. – С. 76–86.
7. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства её выражения в русском языке: Автореф. дисс. д-ра филол. наук. – М., 1996. – 549 с.
8. Олзоева Я.В. Инфинитивно-подлежащие предложения в системе предложений с семантикой оценки действия в современном русском языке. – М.: МГОУ, 2005. – 112 с.
9. Савельева А.А. Фразеологизмы семантической оппозиции «Сила» VS. «Слабость» в современном русском языке (аксиологический аспект): Автореф. дисс. канд. филол. наук. – М., 2012. – 27 с.

УДК 811.161. 1 (091)

Бугаенко М. А.*Московский государственный областной университет***НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА**

Аннотация. Объектом исследования в данной статье являются наименования лиц по профессиональной деятельности в русском языке XVIII века. Исследование проводится на материале деловых документов XVIII века, которые содержат большое количество новообразований указанного периода. Выделяются группы номинаций лиц по профессиональной деятельности в зависимости от области труда, а также от особенностей трудовой деятельности. Особое внимание уделяется функционированию в текстах составных наименований со словом *мастер*. Автор прослеживает изменения в употреблении слов данной группы в истории русского языка.

Ключевые слова: наименование лиц по профессиональной деятельности, лексическое значение, профессия, языковые единицы.

M. Bugaenko*Moscow State Regional University***LEXICAL-SEMANTIC GROUP OF NAMES OF PERSONS ACCORDING
TO THEIR ACTIVITIES IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 18TH CENTURY**

Abstract. The article deals with classification of names of persons according to their field of activity in the Russian language of the 18th century. Several lexical-semantic groups of thematic group "names of persons according to their activities" are identified. In this paper, the historical and definitional analyses are presented. Using the material of business documents of 18th century the author reveals the peculiarities of the process of borrowings as one of the main sources of forming of thematic group "names of persons according to their field of activity", as well as traces how the value and the use of the words of the group have changed in the modern Russian language.

Key words: lexical-semantic group, language units, names of persons according to their activities, classification of lexemes, lexical meaning of a word.

Выявление и анализ языковых единиц, называющих лиц по профессиональной деятельности, является весьма актуальным, поскольку статус человека, его профессиональные функции помогают яснее представить социальную структуру общества того или иного времени.

Многие наименования лиц по профессиональной деятельности вошли в состав русского языка в XVIII веке, что объясняется социально-экономическими преобразованиями в Российской Империи: возникновением новых языковых контактов, развитием промышленности, экономики, торговли и т. д. В результате данных преобразова-

ний появлялись новые виды трудовой деятельности, а значит, в языке возникли новые наименования профессиональных занятий.

В данной статье анализируются лексемы, выбранные из текстов законов, опубликованных в «Полном собрании законов Российской Империи» (тт. IV-XXIII). Рассматриваемые номинации входят в лексико-семантическую группу «профессиональная деятельность». Сам термин **профессия** имеет следующее значение — «основной род занятий, трудовой деятельности» [3, с. 626]. Данное определение указывает на то, что профессиональная деятельность требует специальных трудовых умений и навыков, а также приложения физических или умственных усилий.

В зависимости от области, в которой трудится человек, а также от особенностей его трудовой деятельности, можно выделить следующие группы номинаций:

1. Лексемы, называющие людей, которые работают с землёй: **земледелец, жнильщик, косец, хлебопашец**: «Не худо было бы давать награждение земледельцамъ <...>» [4: XVIII; 245]; «<...> вместо многихъ жнильщикоуъ одинъ человекъ показанными косами хлебъ убратъ можетъ» [4: VII; 669]; «О возвращении изъ Русскихъ Провинций Лифляндскихъ и Курляндскихъ **косцевъ** въ ихъ землю и о наблюдении за кошениемъ хлеба» [4: VII; 669]; «О положении однодворцовъ въ равный противъ всехъ Государственныхъ **хлебопашцевъ** денежный окладъ» [4: XVI; 802]. В данную группу входит синонимическая пара **земледелец** – **хлебопашец**, слова обозначают людей, занимающихся возделыванием земли для выращивания

хлеба. Обе лексемы функционировали в текстах деловых документов XVIII века параллельно.

2. Лексемы, называющие людей, которые изготавливают своими руками отдельные предметы, ремесленников: **бочар** — «тот, кто изготавливает бочки» [7, с. 1985]; **купор** — «тот, кто изготавливает, закупоривает бочки и следит за их состоянием; бондарь, бочар» [7, с. 2000]; **гончар; горшечник; канатчик; канительного дела мастер** — «тот, кто выделывает канитель» [7, с. 1997]; **кирпичник; котельник** — «тот, кто делает котлы» [7, с. 1998]; **оконник** — «мастер, изготавливающий оконницы» [6; XII: 226]; **оловянщик** — «тот, кто делает и продаёт оловянную посуду» [6; XII: 360]; **слесарь, шпалерный мастер** — «делающий обои или торгующий ими» [1; VI: 587]: «При такомъ заведении нужно иметь только одного искуснаго виноградаря, **купора, бочара** и 20 человекъ рабочихъ <...>» [4: XXV; 72]; «А которые у домовъ Царскаго Величества и <...> на Ижоре мельницъ у гончарнаго дела, а именно <...> **гончарамъ** <...> выдавать муки по полуосьми <...>» [4: V; 3]; «Имена художествамъ жителей: <...> **оловянщики, <...> горшечники <...>** [4: VI; 306-307]; «**Канатчиковъ** каждому 30 алтынъ» [4: IV; 795]; «О представлении **канительнаго дела мастерам** плоченаго серебра и канители <...>» [4: IV; 401]; «Объ определении въ С. Петербургъ къ городоному строению работниковъ <...> oprичь <...> **кирпичниковъ <...>**» [4: IV; 466]; «Фонарнаго и оконничнаго дела: **мастеръ – 1, <...> оконничниковъ – 30, оловянщикъ – 1**» [4: IX; 651]; «<...> вышепомянутаго **шпалернаго мастера** удержатъ еще три года <...>» [4: VIII; 329]. В данную

группу входят синонимические пары **гончар** – **горшечник**, **бочар** – **купор**. Лексическое значение первого слова в каждой паре немного шире, чем значение второго.

3. Лексемы, называющие людей, работающих на фабриках и заводах: **доменной засыпщик** — ‘работник, засыпающий в плавильную печь руду и топливо’ [7, с. 1995]; **капсельщик** — ‘мастер на фарфоровом заводе, работающий с капсулами’ [7, с. 1995]; **кардовщик** — ‘рабочий, который чешет, начесывает шерсть или сукно кардами’ [7, с. 1995]; **красильник** — ‘тот, кто занимается крашением’ [7, с. 1998]; **милицейстер** — ‘тот, кто занимается чеканкой монет, монетчик’ [7, с. 2000]; **молотовый мастер** — ‘художник, искусник при расковке криц и вытягивании железа в полосы на железных заводах’ [5; III: 339]; **основальщик** — ‘сновальщик, кто основу располагая, prepares для тканья’ [5; VI: 419]; **пробирный мастер** — см. пробирный — ‘относящийся к месту, где испытывают доброту и содержание на примеси золота и серебра в какой-нибудь руде’ [9; III: 457], **суконный мастер** — ‘суконщик, суконный фабрикант, или мастер, или рабочие, ткачи’ [1; VI: 327]: ‘<...> понеже означенной Генераль-Майоръ требуетъ сверхъ определенныхъ ко отправлению изъ Екатеринбургга еще <...> **доменных засыпщиковъ** 1 <...>’ [4: XVI; 933]; ‘<...> стараться получить изъ другихъ Государствъ <...> 10 **капсельщиковъ** <...>’ [4: XVII; 88]; ‘Объ определении на Санктпетербургский Монетной дворъ еще одного **Милицейстера**’ [4: XX; 352]; ‘<...> Правления указомъ велено изъ вышепоказанныхъ <...> мастеровыхъ людей, а именно: **молотовыхъ масте-**

ровъ 2 <...>’ [4: XVI; 933]; ‘Ныне при той фабрике во всегдашнемъ действии <...> при всехъ станахъ <...> **кардовщиковъ** 10, <...> **основальщиковъ** 2 <...>’ [4: XXIV; 342]; ‘О покупке въ портахъ золота и серебра и о награждении **пробирныхъ мастеровъ** по количеству покупаемого металла’ [4: VIII; 280]; ‘О принятии и употреблении къ делу нанятыхъ овчаровъ и **суконныхъ мастеровъ**’ [4: V; 462].

4. Наименования профессий, связанных с созданием предметов искусства. Сюда входят следующие лексемы: **граввер** — ‘специалист по резьбе на металле, камне, дереве; художник, делающий гравюры резьбой или травлением’ [7, 1989]; **золотарь** — ‘1. Позолотчик. 2. Золотых и серебряных дел мастер, ювелир’ [7, с. 1995]; **золотошвея** — ‘мастеровой, умеющий вышивать по разным тканям золотом сученым, битью, блёстками, и прочему шитью своему различные узоры’ [5; III, 80]; **маляр** — ‘живописец, художник; тот, кто рисует, расписывает красками || ремесленник, мастеровой, занимающийся окраской, раскраской чего-либо’ [7, с. 2000]: ‘Учреждая при Академии Художествъ гравировальный ландшафтный классъ <...> имъ Щедринымъ для гравирования разныхъ видовъ избраны пять человекъ **граверовъ**’ [4: XXV; 809]; ‘Число мастеров, мастеровыхъ и работниковъ: <...> одинъ **золотарь** и ему ученикъ’ [4: XVII; 88]; ‘бить и блестяски разныхъ манеровъ <...> въ чемъ **золотошвейи** <...> имеютъ всегда нужду’ [4: XIV; 419]; ‘Годныхъ служителей: <...> **маляровъ**’ [4: VI; 307].

5. Названия работников, занимающихся тяжёлым физическим трудом: **дрягиль** — ‘грузильщик, носильщик, работник при бирже’ [9; I: 765], **лом-**

щик — ‘рабочий по добыче камня, мрамора и т. п.’ [7, 2000]; **носильщик** — ‘тот, кто занимается переноской тяжестей или людей» [7, 2005]: ‘Въ разныя должности известныя подѣ названіемъ <...> **носильщиковъ, дрягилей** <...>’ [4: XXII; 456]; ‘Объ отправленіи воинской команды на Элтонское озеро для охранения **ломищиковъ** и **первозищиковъ соли** <...>’ [4: XXIII; 295].

В рассмотренных примерах встречаются составные наименования типа ‘суконный мастер, пробирный мастер’ и т. п. Ф.П. Филин замечает: «В начале XVIII в. для названий лиц по профессии были характерны, как и в XVII в., составные обозначения со словом **мастер**, например: **игольные мастера, канатные мастера, медные мастера** и т. д. Иногда в такое сочетание включается слово **дело**, например: **жестяного дела мастера**. В дальнейшем наблюдается тенденция к замене подобных составных обозначений одним именем существительным» [2, с. 53-54]. При этом значение слова и составного наименования остаются тождественными. В деловых документах в течение XVIII века обе формы функционировали параллельно. Например, в тексте приказа от 17 декабря 1707 года «О клеймении Немецкаго платья и шапокъ» обнаруживаются сразу две формы выражения лексического значения ‘кто имеет промысел от шитья на продажу шапок’ [5: VI; 854] — **шапочник** и **шапочный мастер**: ‘Въ Китае въ ветошныхъ и въ шапочныхъ рядахъ Немецкое платье и шапки, которыя делаютъ портные и **шапочные мастера**, и въ те ряды продаютъ, клеймить, для того что платье и шапки многие делаютъ не противъ Немецкаго образа. И для того въ техъ рядахъ выбрать по

человеку, изъ знатныхъ и добрыхъ людей, и у старостъ и у рядовыхъ взять на нихъ выборы, и велеть портнымъ мастерамъ и **шапочникамъ**, те кафтаны и шапки для клейма приносить къ нимъ въ ряды <...>’ [4: V; 397].

В рассмотренном контексте слово **мастер** имеет следующее значение: ‘ремесленник, человек, занимающийся каким-либо ремеслом, мастерством или рукоделием, особенно сведущий или искусный в деле своём’ [1: II; 902]. Однако помимо этого значения в словаре В.И. Даля отмечается еще одно значение данной лексемы — ‘старший, во всяком ремесленном заведении или по каждой части производства на фабриках, заводах, наблюдающий за подмастерьями и рабочими’ [1: II; 902]. Пример употребления составного наименования с указанным значением слова **мастер** можно найти, например, в тексте «Устава благочиния» от 8 апреля 1782 года: ‘Въ каждомъ квартале иметь **трубочистнаго мастера**’ [4: XXI; 474]. Здесь **трубочистный мастер** — ‘хозяин, держащий работников трубочистов’ [1: II; 399]. Лексема **трубочист** имеет другое значение — ‘тот, коего ремесло состоит в чищении печных труб’ [5: VI; 794].

Анализ рассмотренных лексем показал, что по своему происхождению названия профессий в основном являются исконно русскими. Из 36 проанализированных в данной статье лексем лишь 5 являются заимствованными, т. е. заимствования составляют 14% от общего числа рассмотренных языковых единиц: 1. **Гравёр** — заимствовано в XVIII веке из французского языка от слова *graveur*; 2. **Дрягиль** — из немецкого языка от слова *Träger*; 3. **Минцимейстер** — из немецкого языка от

слова Münzemeister (Münze — монета и Meister — начальник, т. е. дословно можно перевести как монетный мастер); 4. *Маляр* — из немецкого языка от слова Mahler. 5. *Слесарь* — из немецкого языка от слова Schlosser.

Судьба проанализированных лексем в современном русском языке оказалась различной. Некоторые названия изменили свою семантику. Например, у слова *маляр* на первый план выступило значение «ремесленник, мастеровой, занимающийся окраской, раскраской чего-либо» и утратилось значение «художник, живописец». Другие языковые единицы со временем ушли в пассивный словарный запас языка (*дрягиль, мицмейстер, оловяшник*).

Национальная языковая картина мира не была бы полной без группы лексики, называющей лиц по их профессиональной деятельности. Изучение и классификация номинаций лиц по роду деятельности вносит вклад в развитие лексикологии в сфере номинации. Исследование возникновения, развития и изменения лексических значений слов русского языка XVIII века позволяет яснее представить один из самых важных периодов развития русского языка.

2. История лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX века / Отв. ред. член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин. — М.: Наука, 1981. — 374 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / 4-е изд. — М.: Азбуковник, 1997. — 944 с.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649-1825 гг. В 50 томах. Под редакцией М.М. Сперанского. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — Т. 4-25.
5. Словарь Академии Российской, по алфавитному порядку расположенный. — СПб., 1806-1822. — Ч. 1-6.
6. Словарь русского языка XI-XVII вв. — Москва: Издательство «Наука». — Вып. 1 (1975 г.) — Вып. 28 (2008 г.)
7. Словарь русского языка XVIII века. — Санкт-Петербург: Издательство «Наука». — Вып. 1 (1984 г.) - Вып. 17 (2007 г.) [2002] [Электронный ресурс]. — URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 26.11.2013 г.)
8. Яковлева А.Н. Номинации лиц по профессиональной принадлежности в современном русском языке (семантические особенности и пути формирования): Автореф. дисс ... канд. филол. наук. — Ярославль, 2009. — 23 с.
9. Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. — СПб., 1803-1806. — Ч. 1-6.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — СПб., М., 1880-1882. — Т. 1-4.

УДК 81'1

Иванова М.А.*Владимирский государственный университет***ПОКАЗАТЕЛИ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ
КАК «УСЛОВИЕ» ОБОСОБЛЕНИЯ**

Аннотация: Способность иметь в своём составе экспликативные субъективной модальности – общее свойство всех обособленных членов. В ряде случаев наличие этих экспликативных в составе второстепенных членов предложения становится основным «условием» обособления. Исключение показателей субъективной модальности может приводить к утрате обособления, а иногда к нарушению структуры всего предложения и существенно изменению его смысла. Это происходит благодаря тому, что показатели субъективной модальности ослабляют связь обособляемого члена с составом предложения и способствуют возникновению полупредикативности.

Ключевые слова: полупредикативность, субъективная модальность, обособление, обособленные члены, простое предложение, экспликация.

M. Ivanova*Vladimir State University***INDICATIONS OF SUBJECTIVE MODALITY AS A “REASON” FOR ISOLATION**

Abstract. The possession of the indications of the subjective modality is a common characteristic of all isolated parts. Sometimes the presence of these indications in secondary parts of the sentence becomes a main reason for the isolation. An exclusion of the indications might cause a loss of isolation or even a disruption of the sentence structure and a significant change of meaning. It happens due to the fact that the indications of the subjective modality weaken the connection of the isolated part with the sentence and cause a change to a semi-predication.

Key words: semi-predication, subjective modality, isolation, isolated parts, simple sentence, indication.

Вопросы, связанные с обособлением, актуальны в современной лингвистике. Учёные в целом согласны с мнением, что обособление можно рассматривать как крайнюю степень синтаксического отделения внутри предложения [5, с. 382] и что обособление придаёт второстепенному члену относительно самостоятельное положение в предложении [2, с. 418]. Тем не менее дополнительного изучения требует во-

прос, какие грамматические механизмы действуют в обособленных конструкциях, благодаря чему возможна относительная самостоятельность второстепенных членов.

Вероятно, эта самостоятельность связана с тем, что в обособленных оборотах наличествуют категории, отличные от категорий простого предложения. Семантическое свойство обособленного члена предложения называют полупредикативностью; это

сопутствующая предикативность, существующая в предложении только на фоне его предикативной основы [7, с. 303]. Полупредикативность связана с категориями относительного синтаксического времени, сопутствующей модальности и персональности. Каждая из этих категорий может иметь свои экспликативы в составе обособленного оборота, которые могут влиять на обособление. В этой статье мы рассмотрим вопросы, связанные с влиянием экспликативов субъективной модальности на обособление.

Субъективную модальность мы понимаем как грамматическую категорию, выражающую отношение говорящего к сообщаемому с помощью различных грамматических и лексико-грамматических средств. Субъективная модальность присутствует в каждом обособленном обороте. В некоторых случаях она оказывается имплицитной, тогда о ней можно говорить как о фоне для категории в целом, как о нулевой или нейтральной субъективной модальности. То, что говорит / пишет отправитель речи, используя показатели субъективной модальности, могло бы быть выражено и без них; справедливо и обратное высказывание: то, что отправитель речи сообщил без показателей субъективной модальности, могло бы быть выражено с их помощью, то есть и присутствие, и отсутствие показателей субъективной модальности является значимым и отображает отношение говорящего к собственному высказыванию.

Специальные средства выражения особой семантики обособленных единиц А.М. Пешковский называл «условиями обособления» [5, с. 379]. К этим

средствам относятся и экспликативы субъективной модальности в составе обособленного оборота. В.И. Фурашов считает, что «способность сочетаться с экспликативами полупредикативности, наряду с обособляющей интонацией, может быть осмыслена как универсальный формальный признак всех обособленных членов предложения» [7, с. 314]. Можно выделить по меньшей мере четыре класса слов, эксплицирующих субъективную модальность: вводно-модальные слова, модальные частицы, союзы и наречия. Приблизиться к лучшему пониманию взаимосвязи полупредикативности и субъективной модальности позволит анализ предложений с обособленными оборотами, в которых наличие экспликатива субъективной модальности является основным «условием» обособления. В таких предложениях устранение этого показателя приводит к утрате обособления или к изменению смысла высказывания.

Полупредикативность имеет градацию: обособленные члены обладают свойством полупредикативности в разной степени её проявления [7, с. 305]. Например, показатели субъективной модальности могут употребляться и в составе деепричастных оборотов: *Петля по земле после фронта и госпиталей, вращаясь, так сказать, в массах, немало повидал я красивых женщин, хотя бы на той же Кубани любимая моя медсестра была последнего ряда, одно время даже самой красивой на всём белом свете казалась* (В. Астафьев), но наличие экспликативов субъективной модальности (в данном случае вводно-модального сочетания *так сказать*) не оказывает решающего влияния на

обособление деепричастных оборотов. Это связано с морфологической природой деепричастий, которые в предложении семантически обычно ориентированы на субъект и находятся на вершине полупредикативной иерархии. Полупредикативные возможности причастий значительно ниже, не говоря уже о прилагательных или существительных.

Существует большая группа второстепенных членов предложения, у которых не отмечается такой сильной, как в причастных и деепричастных оборотах, тенденции к синтаксическому отделению внутри предложения. В таких случаях показатели субъективной модальности могут стать решающим основанием для того, что член предложения становится обособленным и приобретает полупредикативность. Это справедливо, например, для согласованных определений, выраженных прилагательными. Так, в предложении *Все те небольшие удовольствия, которые доставляла ей мать, она принимала с благодарностью* нет полупредикативного оборота, но нетрудно путём подстановки вводно-модальных слов превратить необособленное определение *небольшие* в обособленное. Характерно, что для этого могут быть использованы вводно-модальные слова из большинства выделяемых семантических групп. Ср.: *Все те, небольшие конечно, удовольствия, которые доставляла ей мать, она принимала с благодарностью* (Н. Лесков). *Все те, по его мнению небольшие, удовольствия, которые доставляла ей мать, она принимала с благодарностью. Все те, небольшие кстати говоря, удовольствия, которые доставляла ей мать, она принимала с благодарностью. Все*

те, небольшие повторяю, удовольствия, которые доставляла ей мать, она принимала с благодарностью. Все те, небольшие прямо сказать, удовольствия, которые доставляла ей мать, она принимала с благодарностью. Наличие вводно-модального слова при согласованном определении способствует синтаксическому отделению последнего. Показатель субъективной модальности ослабляет связь определения с составом предложения, является «условием» обособления, причиной возникновения в предложении полупредикативности.

Роль модальных слов в обособленных конструкциях довольно значительна: «они либо усиливают семантическую весомость и известную полупредикативность обособления в составе предложения, либо являются средством, способствующим обособлению ряда членов предложения, расширяя своё модальное значение только на обособленный член» [8, с. 91]. В ряде случаев исключение вводно-модального слова из обособленного оборота влияет не только на семантику и эмоциональное отношение [3, с. 47] последнего, но оказывается существенным и для структуры предложения. Хотя вводные слова не связаны синтаксически с членами предложения, они тем не менее в некоторых случаях выполняют конструктивную функцию. Так, в предложении *Лара хотела убить человека, по Пашиным понятиям, безразличного ей, а потом очутилась под покровительством этого человека, жертвы своего неудавшегося убийства* (Б. Пастернак) присутствует обособленное определение *безразличного ей*, в состав которого входит вводно-модальное сочетание

со значением 'указание на источник сообщения' **по Пашиным понятиям**. Устранение из предложения показателя субъективной модальности (*Лара хотела убить человека безразличного ей, а потом очутилась под покровительством этого человека, жертвы своего неудавшегося убийства*) приводит к тому, что обособленное определение превращается в необособленное.

К тому же положение согласованного определения после определяемого существительного не соответствует прямому порядку слов, оказывается не совсем естественным. Более привычно это предложение могло бы существовать в следующем виде: *Лара хотела убить безразличного ей человека, а потом очутилась под покровительством этого человека, жертвы своего неудавшегося убийства*. Примечательно, что если бы в составе этого определения, оказавшегося в препозиции, находилось то же самое вводно-модальное сочетание, предложение потеряло бы свою смысловую гармоничность, в таком случае оказалось бы неочевидным, к чему относится вводно-модальное сочетание: *Лара хотела убить, **по Пашиным понятиям**, безразличного ей человека...* Скорее всего, вводно-модальное сочетание в данном случае относится к сказуемому: *по Пашиным понятиям*, её действия приводят к убийству (ср.: *Лара хотела убить, **по Пашиным понятиям**, а по её мнению, лишь напугать безразличного ей человека*). Кстати, обратный порядок слов ещё А.М. Пешковский выделял как одно из «условий обособления», поскольку «обособление тоже связано с перемещением второстепенного члена в центр синтаксического сознания» [5, с. 380].

Таким образом, значение, например, недостоверности, привносимое в предложение вводно-модальными словами, бывает иногда предназначено только для одного слова, обычно для одного признака, названного прилагательным, в таком случае говорящий чаще всего выносит наименование признака в постпозицию, что соответствует инверсивному порядку слов, и определение ещё больше теряет связь с определяемым словом и обособляется: *Монастырский чин и устройство христианского духовенства явило дивный пример согласования двух идей, **повидимому враждующих**, – иерархии и равенства* (А. Герцен). *Он решил, что она намекает на свои предположения о беременности, **вероятно, мнимой**, и сказал...* (Б. Пастернак).

Показателями субъективной модальности в составе обособленных согласованных определений могут быть не только вводно-модальные слова, но и, например, частицы: *Поэтому отношения между народом и Государем в России, **особенно допетровской**, основывались на взаимном доверии и на обоюдном искреннем желании пользы* (Б. Кистяковский); союзы: *Надо дожидаться какого-нибудь, **хотя бы относительного**, успокоения и порядка* (Б. Пастернак); наречия: *Тут Персиков немного обмяк, потому что лицо, **достаточно известное**, звонило из Кремля, долго и сочувственно расспрашивало Персикова о его работе и изъявило желание навестить лабораторию* (М. Булгаков).

Эти четыре группы неслучайно можно встретить в составе обособленных оборотов в качестве показателей субъективной модальности. Если присмотреться к семантике союзов, то

становится очевидным тот факт, что союзы очень часто выражают субъективно-модальные значения, ведь союзы выражают отношения между соединяемыми предложениями или их членами. Каждый союз является носителем определённого квалифицирующего значения. Союз «характеризует (определяет, квалифицирует) то отношение, которое устанавливается между соединяемыми частями конструкции, а в некоторых случаях (при подчинении) – и само содержание подчиняемой части» [6, с. 714]. Выбор союзного средства всегда неслучаен, он связан с логической, рациональной, субъективной оценкой, которую говорящий / пишущий даёт отдельным фрагментам окружающей действительности. Этот выбор уже представляет собой некое умозаключение, поскольку, квалифицируя отношение между соединяемыми фрагментами, говорящий подвергает информацию логической обработке. Используя тот или иной союз, пишущий / говорящий проясняет для нас свои коммуникативные интенции, связанные с определённым обособленным оборотом.

То же справедливо и для использования говорящим модальных частиц; оно определяется его коммуникативными намерениями – воздействовать на адресата речи, выразить субъективное отношение к содержанию высказывания. Частицы – «слова, максимально ответственные за удачу общения» [4, с. 14]. Частицы являются специализированным средством выражения субъективной модальности предложения. Это – следствие их грамматической сущности: частицы «обычно не имеют вполне самостоятельного реального или материального значе-

ния, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических (а следовательно, и логических и экспрессивных) отношений» [1, с. 663].

Наречие, в отличие от вводно-модальных слов, союзов и частиц, является членом предложения, поэтому его наличие при согласованном определении становится почти всегда бесспорным «условием» обособления, которое отмечал ещё А.М. Пешковский: «прилагательное, стоящее после своего существительного и имеющее при себе другие второстепенные члены (хотя бы один), почти всегда обособляется [4, с. 384]. *Темнота, уже чёрная, дышала неживым холодком, лишённым запахов* (М. Горький).

Не только определения, выраженные прилагательными, могут иметь в своём составе показатели субъективной модальности. Вводно-модальные слова, союзы, модальные частицы и наречия встречаются как показатели субъективной модальности, влияющей на обособление, и в составе несогласованных определений: *Вот вам и убыток, по меньшей мере рублей на десять, так как гроб пришлось бы делать дорогой, с газетом* (А. Чехов). *Кожа лица его, особенно лба, перебежала, выражая усилие доосмыслить, о чём его спросили* (А. Солженицын); *Это последнее право было крайне важным, хотя дизентерию лечили во многих приисковых амбулаториях раствором марганцовокислого калия и тем же раствором, только погуше, смазывали гнойные раны или от морожения* (В. Шаламов); *Надя, уже в шляпе и пальто, пошла наверх, чтобы ещё раз взглянуть на мать, на всё своё...* (А. Чехов).

Нередко показатели субъективной модальности являются конструктивно необходимыми для обособленных приложений. Это особенно очевидно, когда приложение относится к неопределенному местоимению или синсематичному существительному: *И, может быть, даже сам старый, ноздреватый, источенный временем Гамбринус пошевеливал бровями, весело глядя на улицу, и казалось, что из рук изувеченного, скрючившегося Сашки жалкая, наивная свистулька пела на языке, к сожалению, ещё не понятном ни для друзей Гамбринуса, ни для самого Сашки (А. Куприн). Кто-то, возможно, черноволосый распорядитель, во всё горло кричал там, наверху... (В. Беляев).*

В некоторых случаях предложения с обособленными приложениями, содержащими, например, частицу **даже**, не могут обойтись без этого показателя субъективной модальности по условиям контекста. Например, предложение *Всё, даже острая человеческая мысль, существовало для него как повод для наслаждения* (К. Паустовский) невозможно без частицы **даже**, поскольку определяемое и зависимое слова находятся в отношениях общего и частного, род сказуемого соответствует роду определяемого слова: определяемое и зависимое слова не могли бы сосуществовать в таком виде в предложении не только как подлежащее и приложение, но даже и в качестве однородных членов.

Долгое время считалось, что дополнения не могут обособляться вследствие их прочной связи с грамматически господствующими словами, однако введение в состав обособляемого члена специализированных средств – показателей сопутствующей

модальности и одновременно персональности – расслабляет семантическую связь и делает обособление возможным [7, с. 313]. Существует целый ряд случаев, когда, например, частицы, являющиеся показателями субъективной модальности, примыкая к дополнениям, оказываются «условием» обособления последних. Так, например, частица **даже** нередко конструктивно необходима для обособленного оборота. При устранении из обособленного оборота частицы **даже** смысл высказывания может измениться вплоть до противоположного. В предложении *Никогда, даже в закрытой карете, его не возили в город* (Ю. Олеша) сообщается, что герой никогда не был в городе. Убрав **даже** (*Никогда в закрытой карете его не возили в город*), мы не только лишим предложение полупредикативного оборота, но и изменим его смысл: получается, что герой бывал в городе, только возили его туда на транспорте, отличном от закрытой кареты. То же самое можно наблюдать, например, в предложении *Терёшка кучер никогда ничего лишнего не высказывал, даже и во хмелю* (А. Пушкин). Имеется в виду, что в любом состоянии Терёшка не высказывал ничего лишнего. При исключении частицы **даже** из состава обособленного оборота окажется, что кучер не высказывал ничего лишнего в состоянии опьянения, но это не исключает, что будучи трезвым, он мог сказать много лишнего.

Союзы могут быть показателями субъективной модальности и являться «условием» обособления дополнений: *Наука отвергла бы моё утверждение о том, что мне была понятна неправильность превращения меня, хотя бы и одеждой, в девочку* (Ю. Олеша).

Показатели субъективной модальности могут употребляться в составе обособленных обстоятельств, выраженных именным сочетанием: *Дело шло об одном молодом человеке, который где-то, чуть ли не в кондитерской, встречает девушку поразительной красоты, гречанку; её сопровождает таинственный и странный, злой старик* (И. Тургенев); *Ни в коем случае ничего посылать не надо, по меньшей мере в течение месяца* (С. Довлатов).

В некоторых случаях исключение показателя субъективной модальности не приводит к тому, что обособленный член превращается в необособленный, тем не менее наличие экспликатора необходимо, а его отсутствие компенсируется специальной «обособляющей» интонацией. К таким экспликаторам относятся, например, союзы *именно, то есть*: *А ресторан зажил своей обычной ночной жизнью и жил бы ею до закрытия, то есть до четырёх часов утра, если бы не произошло нечто, уже совершенно из ряда вон выходящее и поразившее ресторанных гостей гораздо больше, чем известие о гибели Берлиоза* (М. Булгаков). Союз *то есть* выражает отношения пояснения, которые устанавливаются между частями высказывания: закрытие ресторана происходит в четыре часа утра. Из состава обособленного оборота *до четырёх часов утра* можно было бы исключить союз *то есть*, в таком случае обстоятельства времени можно было бы прочитать либо с перечислительной интонацией, либо с интонацией обособления второго из них. А.М. Пешковский считал, что поскольку в подобных примерах «члены относятся не друг к другу, а к одному и тому же третьему члену, то для уста-

новления их взаимной связи у языка нет других средств, кроме мелодико-ритмических» (и некоторых союзов, как *то есть, именно, а именно*)» [5, с. 379]. Наличие такого отношения двух частей к одной главной А.М. Пешковский также относил к «условиям» обособления.

Показатели субъективной модальности могут употребляться в составе обособленных обстоятельств, выраженных наречием и инфинитивом. Такие показатели крайне важны как «условие» обособления второстепенных членов, связанных с определяемым словом примыканием. Как отмечал А.М. Пешковский, наречия, например, крайне редко способны подчинять себе другие второстепенные члены и тесно связаны с определяемым словом [5, с. 389], но при наличии показателя субъективной модальности эта тесная связь ослабляется и наречие оказывается способным к обособленному употреблению: *Вообразил, что отлично могу играть на биллиарде, – играл часов по пяти, разумеется – бездарно* (М. Горький). Также и инфинитив обычно не склонен к обособлению, но при наличии показателей субъективной модальности может обособляться: *Вот я позвал их к себе, будто бы просто чаю попить, побеседовать, а потом завёл их в болотце и показал...* (М. Пришвин).

Итак, универсальными свойствами всех обособленных членов является обособляющая интонация и их способность иметь в своём составе экспликаторы субъективной модальности: вводно-модальные слова и сочетания, частицы, союзы, наречия. В ряде случаев наличие этих экспликаторов в составе согласованных опреде-

лений, выраженных прилагательными, несогласованных определений, приложений и обстоятельств является основным «условием» обособления. Исключение показателей субъективной модальности может приводить к утрате обособления, а иногда к нарушению структуры всего предложения и существенному изменению его смысла. Это происходит потому, что показатели субъективной модальности ослабляют связь обособляемого члена с составом предложения и способствуют возникновению полупредикативности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.
2. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Вопросы грамматического строя. – М., 1955. – С. 389-435.
3. Лекант П.А. Категории рационального и эмоционального в русском языке и в русской речи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2012. № 5. С. 44–48.
4. Николаева Т.Н. Функции частиц в высказывании. – М., 1985. – 169 с.
5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 2009. – 432 с.
6. Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М., 1980. – 784 с.
7. Фурашов В.И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. – Владимир: ВГУ, 2010. – 368 с.
8. Черткова М.С. Вводные слова в составе обособленных конструкций // Русский язык в школе. – 1969. – № 5. – С. 88–92.

УДК 811.161.1'367

Иванова Т.Ю.*Московский государственный областной университет***СПЕКТР МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ОТРИЦАНИЯ
В ДРАМАТУРГИИ А.Н. ОСТРОВСКОГО**

Аннотация. Статья посвящена анализу связи отрицания и модальности. Рассмотрены различные аспекты модальности, и проанализированы модальные значения, характерные для отрицательных конструкций в драматургических текстах А.Н. Островского: значение реальности-ирреальности, значение вероятности-достоверности, включая нейтральное значение констатации, а также ряд частных модальных значений: невозможность, нецелесообразность, неизбежность, непричастность, бесполезность, запрет, недопущение, несогласие, противоречие.

Ключевые слова: отрицание, модальность, модальное значение, объективность, достоверность, субъективность.

T. Ivanova*Moscow State Regional University***SPECTRUM OF MODAL MEANS OF NEGATION
IN PLAYS BY ALEXANDER OSTROVSKY**

Abstract. The article is devoted to an analysis of the connection of negation and modality. The author considered different aspects of modality and analyzed modal meanings, which are characteristic to negative constructions in plays by Alexander Ostrovsky: real-unreal meaning, probability-validity meaning, including neutral meaning of statement, and a whole series of particular modal meanings: impossibility, inexpediency, inevitability, non-participation, disutility, interdiction, refusal, disagreement, contradiction.

Key words: negation, modality, modal meaning, objectivity, validity, subjectivity.

Целью данной статьи является рассмотрение связи отрицания и модальности как языковых категорий, а также анализ спектра модальных значений, присущих отрицанию в драматургических текстах А.Н. Островского.

Прежде чем приступить к рассмотрению этих вопросов, необходимо обратиться к определениям этих категорий, принятым в современной лингвистической науке.

Категория отрицания в лингвистике рассматривается в связи с категорией утверждения. А. М. Пешковский, который первым выделил отрицание в самостоятельную языковую категорию (1914) и чьи идеи оказали большое влияние на представления современной лингвистической науки об отрицании, писал о категории отрицания: «Сущность этой категории, имеющей колоссальное психологическое и главным образом логическое значение (ведь утверждение и отрицание вза-

имно обуславливают друг друга, а где нет утверждения, там нет и истины, там нет и человеческой мысли), с синтаксической точки зрения сводится к тому, что связь между теми или иными двумя представлениями при помощи этой категории сознаётся отрицательно, т. е. сознаётся, что такая-то связь, выраженная такими-то формами слова и словосочетаний, реально не существует» [9, с. 386].

Модальность – это языковая категория «со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности (отношения сообщаемого к его реальному осуществлению)» [1, с. 237].

Соотношение категории модальности с категорией отрицания различные лингвисты оценивают по-разному. Ряд учёных придерживается точки зрения, согласно которой отрицание не обладает модальностью (А.А. Шахматов, В.Н. Бондаренко и др.), в то же время другие учёные считают, что отрицанию не чужды модальные оттенки (А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, П.А. Лекант и др.).

В.В. Виноградов определял суть категории модальности как «отношение к действительности» [2, с. 55] и выделял ряд основных модальных значений: долженствование, намерение, желательность и другие.

Говоря о модальности отрицательных форм, Виноградов выделил ряд специфических модальных значений, характерных для отрицательных частиц [3, с. 550]: 1) контрастно-утвердительная, когда утверждается наличие противоположного отрицаемому качества, состояния или действия или, реже – сильного ограничения качества,

признака. Например, [Фоминична] *Молодость-то не бездонный горшок, да и тот, говорят, опоражнивается*, здесь метафорически отрицается бесконечность молодости; 2) чисто-отрицательная с различием в степени и в энергии отрицания, например: [Подхалюзин] *И уж не быть ей теперь за благородным, потому денег нет*.

Кроме того, существуют и другие модальные оттенки, например, значение потенциальности, которое *не* придаёт формам настоящего-будущего времени глаголов совершенного вида: [Кулигин] *Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу за Волгу и всё наглядеться не могу*, отрицанию подвергается потенциальная возможность когда-либо насмотреться на Волгу.

В «Русской грамматике-1980» модальность была разделена на две категории: объективную и субъективную. Причём к объективной стали относиться «значения реальности (синтаксический индикатив: синтаксические настоящее, прошедшее и будущее времена) и ирреальности (синтаксические ирреальные наклонения: сослагательное, условное, желательное, побудительное и долженствовательное)» [10, с. 214], а к субъективной «отношение говорящего к сообщаемому» [10, с. 214].

По «Русской грамматике-1980», объективная модальность присуща любому предложению, а субъективной может не быть, если говорящий не выражает своего отношения к сообщаемому.

П.А. Лекант отметил, что резкое противопоставление объективной и субъективной модальности неприемлемо, поскольку следует «говорить не о различных видах, типах или даже категори-

ях модальности, а о различных аспектах категории модальности» [5, с. 97].

Руководствуясь этим принципом, П.А. Лекант выстраивает иерархию значений в рамках категории модальности:

1) значение реальности-ирреальности, обязательное для всех предложений вообще, его показатели – интонация, глагольные формы наклонения;

2) значение вероятности-достоверности, показатели – вводно-модальные конструкции или их отсутствие, если речь идёт о нейтральном значении констатации;

3) частные модальные значения [5].

Очевидно, что первое из выделенных значений относится к объективному аспекту категории модальности, а второе и третье – к субъективному.

С точки зрения реальности-ирреальности, большинство форм отрицания обладает реальной модальностью, что находит отражение в изъявительном наклонении и в повествовательной интонации. Например: с частицей **не**: [Варвара] *Я и не знала, что ты так грозы боишься. Я вот не боюсь*; с отрицательным предикативным словом **некуда**: [Кабанова] *Некуда нам торопиться-то, милая, мы и живём не спеша*; с отрицательным модальным словом **нельзя**: [Борис] *В дом войти нельзя: здесь незваные не ходят*.

Но при этом возможны и случаи, когда, несмотря на то что предложение не обладает повествовательной интонацией, модальность остаётся реальной: если отрицание представлено отрицательным риторическим высказыванием [См. 4]. Например: [Устинья Наумовна] *А они-то разве благородные? То-то и беда, яхонтовый! Нынче заведение такое пошло,*

что всякая тебе лапотница в дворянство норовит.

Также отрицание может обладать и ирреальной модальностью, это можно видеть в предложениях с частицей **не** и императивом глагола. Например: [Большов] *Да, очень мне нужно слушать вашу фанаберию. Захотел выдать дочь за приказчика, и поставлю на своём, и разговаривать не смей; я и знать никого не хочу* – ирреальное значение требования; [Аграфена Кондратьевна] *Липочка! Луна! Ну, будет! Ну, перестань! (Сквозь слёзы.) Ну, не сердишь ты на меня (плачет)... бабу глупую... неучёную... (Плачут обе вместе). Ну, прости ты меня... серёжки куплю – ирреальная модальность просьбы.*

К субъективному аспекту модальности, как было сказано выше, относятся значение вероятности-достоверности и частные модальные значения.

Е.Н. Орехова отмечает, что именно значению достоверности-вероятности принадлежит центральное место в кругу всех субъективно-модальных значений, так как оно отражает «степень авторского знания относительно соответствия или несоответствия содержания высказывания реальному положению дел» [7, с. 10].

Высказывания с разными формами отрицания, с точки зрения вероятности-достоверности, способны принимать три градационных значения: значение вероятности, значение достоверности, значение констатации. Например: вероятность: [Васильков] *Вы, кажется, не совсем верно понимаете практический век и плутовство считаете выгодной спекуляцией*, показатель – вводное слово со значением предположения; достоверность: [Кучумов] *Конечно, я жениться не могу,*

жена есть. Ох, ох, ох, ох!, показатель – вводное слово со значением уверенности; констатация: [Анна Петровна] *Я принуждать Машеньку не могу – это её воля. Вы скажите Михаилу Ивановичу, чтобы он постарался понравиться Машеньке – я буду очень рада.*

Говоря о частных модальных значениях, характерных для отрицания в русском языке, мы считаем возможным обратиться к классификации субъективно-модальных значений, присущих риторическим высказываниям отрицательной разновидности, выдвинутой А.В. Канафьевой [4, с. 112]. Согласно этой классификации, для отрицательных конструкции характерны следующие модальные значения: невозможность, нецелесообразность, неизбежность, непричастность, предположение действий, нежелательных для говорящего, бесполезность, запрет, несогласие. Распространение действия этого перечня модальных значений с отрицательных риторических высказываний на все формы, в которых выражается языковая категория отрицания, целесообразно, поскольку всем формам отрицания присущи модальные значения и ещё В.В. Виноградов писал, что: «однородные интонационно-модальные схемы предложения могут накладываться на предложения разной формально-грамматической структуры. Иначе говоря, разнородные формальные типы предложений могут быть как бы вдвинуты в одну и ту же интонационно-модальную схему» [2, с. 59]. Кроме того, необходимо отметить, что высказывания отрицательной разновидности обладают широчайшим среди форм отрицания спектром модальных значений.

Таким образом, можно выделить следующие характерные для отрицания модальные значения:

а) невозможность:

Например, с отрицательным модальным словом **невозможно**: [Мерич] *Я вам желаю всякого счастья. Но мне кажется, что с таким человеком оно для вас невозможно* – невозможность, обусловленная внешними обстоятельствами; с отрицательной частицей **ли**: [Борис] *Сохрани, господи! Сохрани меня, господи! Нет, Кудряш, как можно. Захочу ли я её погубить!* – невозможность, обусловленная внутренним состоянием говорящего;

б) нецелесообразность:

осознание действия как бесполезного, ненужного. Например, с отрицательным предикативным словом **незачем**: [Кукушкина] *Незачем ей и привыкать. Я их не в горничные готовила, а замуж за благородных людей.*

в) неизбежность:

зависимость объекта от обстоятельств. Например, с отрицательным предикативным словом **некуда**: [Восмибратов] *Нам ежели бога забыть, творца нашего милосердного, нам в те поры, сударыня, податься некуда;*

г) непричастность к действию, состоянию, положению других.

Например, с отрицательным местоимением с предлогом **ни при чём**: [Огудалова] *Не знаю, Мокий Парменыч. Я тут ни при чём, её воля была;*

д) предположение действий, нежелательных для говорящего.

Например, с частицей **что ли**: [Дикой] *Отчёт, что ли, я стану тебе давать! Я и поважней тебя никому отчёта не даю;*

е) бесполезность:

неважность, ненужность с точки зрения говорящего каких-то отношений, действий, состояний. Например, с

фразеологическим оборотом с отрицательным значением **ни на грош**: [Большов] *А то торгуем, торгуем, братец, а пользы ни на грош*; с отрицательной частицей **что ль**: [Варвара] *А что за охота сохнуть-то! Хоть умирай с тоски, пожалеют, что ль, тебя!*

ж) запрет, недопущение.

Например: с отрицательной частицей **не** и императивом: [Аграфена Кондратьевна] *Да ты у меня и заикаться не смей! Я тебе и родительского благословенья не дам*; с частицей **разве**: [Аграфена Кондратьевна] *Каково детище-то ненаглядное! Прошу подумать, как она мать-то честит! Ах ты, болтушка бестолковая! Да разве можно такими речами поносить родителей?*; с отрицательным модальным словом **нельзя**: [Борис] *Видеть её никогда нельзя, а ещё, пожалуй, разговор какой выйдет, её-то в беду введёшь.*

з) несогласие, противоречие.

Данное значение реализуется при отрицательном ответе на вопрос, при отрицательном ответе на просьбу и при негативной реакции на чью-то реплику. Специализированным средством выражения этого модального значения можно назвать слово общего отрицания **нет**, но могут использоваться и другие формы отрицания. Например, отрицательный ответ на вопрос со словом общего отрицания **нет**: [Смельская] *Ты ему сказала?* – [Негина] *Нет, он не знает. Я боюсь, что он сюда приедет, уж ехать бы скорей*; негативная реакция на реплику со словом общего отрицания **нет**: [Дулебов] *Так можно пугнуть: что, мол, по этапу на место жительства* – [Мигаев] *Нет, уж пугать-то их, ваше сиятельство, не приходится: себе дорожке*; отрицательный ответ на просьбу

с отрицательным модальным словом **нельзя**: [Катерина] *Возьми меня с собой отсюда!* – [Борис] *Нельзя мне, Катя. Не по своей я воле еду: дядя посылает, уж и лошади готовы; я только отпросился у дяди на минуточку, хотел хоть с местом-то тем проститься, где мы с тобой виделись.*

Итак, нами был рассмотрен вопрос о связи отрицания и модальности и проанализированы модальные значения, характерные для отрицания в драматургических текстах А.Н. Островского. По результатам проведенного исследования можно с уверенностью сказать, что отрицание и модальность находятся в тесной связи, отрицательные конструкции с разными формами отрицания могут выражать широкий спектр модальных значений как объективного, так и субъективного аспекта модальности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 4-е. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
2. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды. – М.: Наука, 1975. – С. 53-87.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове)/ под ред. Г. А. Золотовой – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 740 с.
4. Канафьева А.В. Риторическое высказывание: форма, семантика, функции. Монография. – М.: МГОУ, 2011. – 200 с.
5. Лекант П. А. К вопросу о модальных разновидностях предложения // Грамматические категории слова и предложения. – М.: МГОУ, 2007. – С. 95-103.
6. Лекант П.А. Модальная парадигматика глагольных односоставных предложений в русском языке // Грамматические

- категории слова и предложения. – М.: МГОУ, 2007. – С. 160-168.
7. Орехова Е. Н. Типы субъективно-модальных значений. – М.: МГОУ, 2013. – 39 с.
8. Орехова Е.Н. Объективная модальность риторического высказывания// Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы десятой международной конференции (Владимир, 24-26 сентября 2013 года), посвященной 60-летию кафедры русского языка. – Владимир, Транзит-ИКС, 2013. – С. 419-422.
9. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – 8-е изд., доп. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
10. Русская грамматика. Том II / под ред. Н.Ю. Шведовой – М.: Наука, 1980. – 714 с.
11. Уварова Е.М. Ирреальная модальность и категория времени в поэтическом тексте (на материале лирических стихотворений М. Цветаевой)// Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2012. № 6. – С. 29-33.

УДК: 81`371

Назарова Н.Ю.*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина***ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ
В СОВРЕМЕННОЙ ТЕКСТОВОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями порождения и восприятия психологической семантики в структуре слова и текста как отражения условий современной языковой коммуникации. Преобразование содержания многих лексем отражается на состоянии системы языка, способах передачи информации, развитии речевой деятельности. Функциональная нагрузка ключевых слов в тексте обусловлена наличием в них основного исходного и актуализированного приращенного содержания, о чём свидетельствует лингвистический анализ и лексикографические данные. Нарастание психологической семантики в процессе текстообразования может носить положительное и отрицательное значения для современного языкового общения.

Ключевые слова: коммуникация, текст, семантика, психология речи, лексические оппозиции, ключевые слова, типы текстов.

N. Nazarova*G. Derzhavin Tambov State University***TRANSFORMATION OF PSYCHOLOGICAL SEMANTICS IN CONTEMPORARY
TEXT COMMUNICATION**

Abstract. The article discusses the issues related to peculiarities of origin and perception of psychological semantics in the structure of a word and text as reflection of contemporary linguistic communication. Transformation of content of many tokens affects the language system, ways of giving information, development of speech activity. Functional load of keywords in text caused by presence of the main original and updated increased content, which is shown by linguistic analysis and lexicographical information. The increase of psychological semantics in the process of text formation may have positive and negative meanings for contemporary linguistic communication.

Key words: communication, text, semantics, psychology of speech, lexical oppositions, key words, text's types.

Современные исследования текстовой коммуникации непосредственно связаны с изучением семантической структуры, средств и способов её языкового выражения, с анализом процессов порождения и восприятия, взаимодействия единиц системы язы-

ка в различных речевых ситуациях.

Речевая деятельность языковой личности является определяющей для функциональной значимости текста, формирование содержания которого обусловлено наличием исходного и приращённого смыслов в слове [18, с. 296]. Как отмечает Н.С. Болотнова,

смысловое развёртывание текста осуществляется через «систему концептуального выдвижения отобранных автором и особым способом организованных речевых средств, призванных возбудить творческое воображение читателя в нужном для писателя русле» [5, с. 393].

Речевое общение в современных условиях представляет собой многоаспектное по содержанию и форме явление, поэтому изучение его актуально для различных научных направлений в области философии, психологии, лингвистики, социологии, культурологии, политологии и др. Каждое из них рассматривает общение с позиций своих научных теорий, выделяет специфические аспекты для изучения и, соответственно, формирует понятийный аппарат, систему терминов, приёмы и методы. Поэтому, как справедливо отмечал А.А. Леонтьев, в современной науке существует огромное количество несовпадающих определений данного понятия [15, с. 26]. Важным является то, что коммуникация – «акт общения, связь между двумя и более индивидами, основанная на взаимопонимании; сообщение информации одним лицом другому или ряду лиц» [16]. В связи с этим речевая деятельность человека является самой сложной формой общения, которая зависит от социального положения, возрастных особенностей, гендерной принадлежности, пространственно-временных условий, психологического состояния и реакций коммуникантов и т. д.

Сущность коммуникативного процесса в лингвистике всегда непосредственно связывали с функцией языка, который «предназначен для того,

чтобы служить орудием общения людей, и устроен таким образом, чтобы быть естественно усвояемым, эффективным и адекватным средством обмена информацией и накопления». Выделенные К. Бюлером функции языка (репрезентативная, экспрессивная, апеллятивная), признанные в филологической науке фатическая, металингвистическая и поэтическая функции, а также шесть компонентов коммуникативных актов (автор, адресат, код, контакт, содержание сообщения, сообщение) Р.О. Якобсона [20, с. 385] лежат в основе базовых понятий и сущности психологии речи, речевой деятельности коммуникантов. Таким образом, одним из компонентов, составляющих семантический объём слова и текста, является психологическое содержание.

Кроме того, в практике коммуникативных исследований принято учитывать критерии, рассматривать процесс общения, давать оценку его участникам, поэтому актуальными являются следующие признаки: физиологическая, психологическая, социальная идентичность; статус; отправитель и получатель информации; характер самоидентификации; уровень коммуникативной, лингвистической и культурной компетенции; взаимоотношения коммуникантов (история взаимоотношений, степень знакомства, психологический настрой, ролевые отношения, соотношение комплектов ценностей, степень асимметрии [14, с. 112]). Данный подход во многом способствовал развитию, например, психоэстетики как одного из актуальных направлений, занимающегося исследованием особенностей порождения и восприятия художественных текстов.

Основная задача психопоэтики – «изучение системы психолингвистических закономерностей, образующих объективную основу для адекватного восприятия авторского содержания реципиентами» [19, с. 4]. При этом взаимодействие психологических субъектов в процессе говорения и понимания, по словам Е.С. Кубряковой, отражает менталитет пользователей речи [13, с. 5].

Появление психологического семантического признака в различных типах текстов зависит от многих факторов, поэтому лингвисты изучают собственно аспекты теории текста, его семантики, формы и функции [6, с. 73], интерпретации текста [1, с. 5; 3, с. 13], диалогичности как функционально-семантической категории текста [10, с. 312], интегративности текста [9, с. 37; 6, с. 89] и др.

Коммуникативная функция текста определяется и зависит от реально существующих речевых условий, психологии речи и особенностей психики языковой личности, а также от избранной ею формы получения, обмена информацией.

Для современной речевой практики характерно употребление публицистических текстов, которые непосредственно связаны с наличием исходной психологической семантики. Прямым обозначением такого смысла являются лексические оппозиции, содержание которых многообразно отражает исторические условия существования социума. Многие из них порождаются личными и общественными отношениями людей, носят характер традиционного и индивидуального признака. Среди них наиболее естественными принято считать отношения в малых

социальных группах, с учётом гендерной принадлежности и возрастных особенностей участников, их статуса, роли в коллективе, семье и т. д.

В газетных публикациях современности часто используют актуальную психологическую семантику для привлечения читательского внимания. Например, в еженедельнике «Комсомольская правда» в рубрике «Мужчина и женщина» опубликована статья «Осторожно, психопат!» [11, с. 30] с подзаголовком «Я влюбилась невпопад». Лексический состав предисловия прямо указывает на основное содержание статьи:

«Часто под маской настоящего мужчины или загадочной женщины скрывается опасный тип. Практически у каждого человека в биографии есть роковая страница: работа, любовь или даже – чур меня! – создание семьи с человеком, который с виду ну суший идеал. У него обаятельный голос, наружность и манера держаться. Он с ходу очаровывает и вас, и всех ваших друзей, коллег и родственников до третьего колена. Заботливый. Подчёркнуто мужественный. Ну идеал просто!»

Тематическое единство формирует за счёт сочетания терминов и ключевых слов, которые приобретают в тексте необходимую семантику:

термины – биография, страница, тип, семья, идеал, наружность, манера держаться, коллега, родственник, подчёркнуто (лексика из различных тематических групп в системе языка приобретает терминологический характер при описании психотипа человека);

ключевые слова с потенциальной психологической семантикой – часто, маска, настоящий, загадочный, скры-

ваться, опасный тип, каждый, роковой, любовь, чур, с виду, обаятельный, очаровывать, заботливый, подчёркнуто, мужественный (преобладают оценочные слова).

Далее в тексте происходит развитие данного способа выражения основного семантического, психологического признака: *сблизившись с этим персонажем; ахнете: «Батюшки, какая скотина!»; далеко ходить не надо; до сих пор гадают; гадать не нужно; артистично рассуждал о перспективах; не обнаружила у себя в шкафу значки и 60 тысяч рублей.* Как вывод приводятся слова известного американского психолога Роберта Хаэра из книги «Пугающий мир психопатов», который сформулировал ряд признаков и сформировал следующее представление о психопате: разговорчивость, поверхностность, эгоцентризм, отсутствие чувства вины и сожаления, отсутствие сопереживания, коварство и игра в слова («не правильно меня поняли»), антисоциальное поведение. Следует отметить, что перечисленные признаки характерны для многих психотипов и дают полное представление о семантике этого слова, но могут быть отнесены к словам *аферист, циник, а также хитрец* и т. п.

По мнению авторов «Словаря современного русского литературного языка», слово *психопат* семантически связано со словом *рассказать*, поэтому оно дано в словарной статье с пометой «стар.» [24, с. 595]. Производное от данного слова *психопатологический* в сочетании с *явление* определено как ‘родственное галлюцинации, но отличающееся от неё отсутствием связи с реальным пространством’ [23, с. 1616].

Можно ли считать в этом случае корректным заголовочное и последующее употребление словосочетания *психопат обыкновенный* для современного коммуниканта на страницах достаточно популярного издания, покажет лингвистический, лексикографический анализ текста, т. е. оценка его ключевой лексики.

Провокационным можно считать и противопоставление заголовка терминологического содержания с ироничностью подзаголовка статьи: *Осторожно, психопат! – Я влюбилась невпопад.* Настораживает в этом случае и звуковое совпадение ключевых слов *психопат* и *невпопад* – в статье, где речь идёт о судебном процессе, об убийстве человека, о чём свидетельствует профессиональная оценка: ‘Психологической науке давно известен этот феномен: *обыкновенный психопат*’ [11, с. 30].

Сочетание слов *обыкновенный* и *психопат* требует отдельного рассмотрения, поэтому необходимо обратиться к материалам словарей:

1. «Словарь современного русского литературного языка» [23, с. 1622]: *псих* (просторечное) определено как психически неуравновешенный человек, *психопат*. В качестве примера приводится фрагмент из романа М. Шолохова «Поднятая целина» (– *И не ори, пожалуйста! Сам псих и других такими делаешь*). Использование глагола *ори* подтверждает неадекватность речевого общения.

2. С.И. Ожегов «Словарь русского языка» (издание 16-е), под редакцией Н.Ю. Шведовой: *психопат* – ‘человек с большой психикой’ [17, с. 547].

3. В.И. Даль «Толковый словарь живого великорусского языка»: даётся

только определение слов *психология*, *психолог*, *психіатрія*, *психической*, *психологической* в единстве их семантической мотивации от понятий «душа», «душевно больной человек» [8, с. 534].

4. «Словарь русских народных говоров» свидетельствует о разнообразии различных наименований: *психа*, *психопатка* – ‘истеричка, психиатрическая больница’; *психнуть* – ‘не сдержав своего возмущения, негодования и т. п., выразить их в резкой форме, психануть’; *психоватый* – ‘психически неуравновешенный, ненормальный человек’; *психоводный* – ‘психически больной’; *психоза* – ‘психопатка, истеричка’; *психозный* – ‘не соответствующий действительности, ненормальный’; *психопадлый* – ‘то же, что психоватый’; *психуша* – ‘неуравновешенный, несдержанный человек, психически больной человек’ [21, с. 99].

Устойчивость однотипной семантики в данных словах подтверждает зафиксированное в сознании русского человека представление о болезни, т. е. о неадекватном поведении именно больного, душевно больного человека.

Слово *обыкновенность* предполагает однозначное его употребление как свойства и качества обыкновенного, т. е. ничем не выделяющегося, заурядного, привычного, часто встречающегося, обычного [22, с. 578].

В.И. Даль рассматривает данное слово как производное от *обыкъ* (обыкновенье, обычай), т. е. «почти всегдашний бывающій большею частью, сплошь и рядомъ» [8, с. 638]. К середине XX в. семантика слова сохранилась: *обыкновенный* – ‘обычный, ничем не выдающийся’ [17, с. 377].

Следовательно, речевая практика зафиксировала то, что эти два понятия

нельзя считать допустимыми как словосочетание, психологически нормированными, если они не используются в профессиональной среде, где психически больной человек диагностируется по ряду признаков, это является обычной процедурой. Происходит разрушение семантики в лексической подсистеме языка, и данный процесс, к сожалению, прогрессирует.

Более тематически оправданной, стилистически однотипной и стандартной для подобного типа газетных публикаций стала статья «45 – примеряй фату опять?» [12, с. 22]. Автор статьи Дарья Завгородняя рассматривает сложившиеся стереотипы о зрелой любви через отношение мужчин и женщин к браку: *В зрелом возрасте влюбиться невозможно; Я старая!; Я не Абрамович!* В качестве комментария к теме даётся рассуждение Марии Ремизовой под заголовком «А от мрачных мыслей – брачный контракт». Чтобы привлечь внимание читателей, ключевая информация заключается в следующей фразе: *Стоит ли крутить романы и идти замуж после 40-...* Но и здесь настораживают слова *крутить романы*, свойственные просторечному стилю.

Следует также определить целесообразность такого использования ключевой лексики при подаче информации, как и правомерность её расположения на страницах газеты под рубрикой «Мужчина и женщина». Известно иное отношение к этому сочетанию, противопоставлению, оно особо значимо для русской и мировой культуры и, следовательно, коммуникации. Данное явление, прежде всего, носит положительный психологический смысл, который в зависимости от

социальных и национальных условий, традиций приобретает часто иной, конкретный характер. Это отражается на коммуникативной функции, соотношении лексем в системе языка, а вместе с этим на дальнейшем развитии языковой культуры.

В связи с рассмотрением вопроса об особом характере функционирования в речевой коммуникации слов *мужчина* и *женщина*, становится актуальной проблема оценки информации, полученной в результате такого общения, к которому можно отнести не только осуществление диалога, но и формирование текста одним из представителей полов. Речь идёт об особом социолингвистическом феномене, отражающем мужскую и женскую речь, – гендерлекте [26, с. 3]. Поэтому восприятие семантики слова и текста, их информационного качества может быть различным, реальность подтверждается только в процессе коммуникации, а также временем развития языковой культуры. Соотношение исходной семантики и нового значения в слове проверяется речевой практикой, отсутствием коммуникативных барьеров, достижением целей общения, взаимопониманием, психологическим комфортом и безопасностью.

Авторская привязанность к определённой семантике безусловна, но, как известно, информация, хранимая в слове, пластична и устойчива, одновременно она поддаётся трансформации и сохраняет равновесие и динамическое развитие [2, с. 279].

Изменение семантики многих слов в системе языка продолжается и может оказывать влияние на их лексико-семантические связи. Языковая небрежность, недостаточная рефлексия

[4, с. 8], утрата исходного значения и знаний об истории употребления отдельных наименований привели к появлению новых отношений в лексической подсистеме.

Таким образом, соотношение авторских и читательских представлений о семантическом объёме слова и текста отражается на психологии общения, обеспечивает возможность приобретения информации, а также оценку психологических признаков текста объективного и субъективного характера. Это, в свою очередь, свидетельствует о реальном состоянии лексической системы языка и её потенциальных возможностях в коммуникативном процессе, об особенностях формирования языковой картины мира, языковой личности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. – 1978. – №4. – С. 6-13.
2. Бабенко И.И., Васильев И.К., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста: Учебник для вузов по специальности «Филология». – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 534 с.
3. Богин Г.И. Типология понимания текста. – Калинин: Изд-во КГУ, 1986. – 86 с.
4. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. – М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. – 516 с.
5. Болотнова Н.С. Смысловое развертывание художественного текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. Члены ред. Коллегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, Д.П. Скородников. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 392-396.

6. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 408 с.
7. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – 2720 с.
9. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. – М.: Наука, 1984. – 268 с.
10. Дускаева Л.Р. Диалогичность речи (письменной) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 312-315.
11. Завгородняя Д. Осторожно, психопат! Я влюбилась невпопад! [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 6 февр. 2014 г. URL: <http://www.kp.ru/daily/26191.3/3078750.html> (дата обращения: 30.03.2014).
12. Завгородняя Д. 45 – примеряй фату опять? [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 13 февр. 2014 г. URL: <http://www.kp.ru/daily/26194.3/3081310.html> (дата обращения: 30.03.2014).
13. Кубрякова Е.С. Проблемы представления о языке // Структуры представления знаний в языке: сборник научно-аналитических обзоров. – М., 1994. – С. 5-31.
14. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. – М.: Гнозис, 2011. – 224 с.
15. Леонтьев А.А. Психология общения. 2-ое изд., испр. и доп. – М.: Смысл, 1997. – 365 с.
16. Новый словарь иностранных слов. – by Edw ART, 2009 – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dic.academic.ru/html> (дата обращения: 30.03.2014).
17. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 6-е изд. испр. – М.: Рус. яз., 1984. – 797 с.
18. Пискунова С.В. Тайны поэтической речи (грамматическая форма и семантика текста): Монография. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – 408 с.
19. Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психопэтику. – Барнаул, 1993. – 209 с.
20. Русский язык. Энциклопедия / гл. редактор Ф.П. Филин. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1979. – 432 с.
21. Словарь русских народных говоров / гл. редактор Ф.П. Сороколетов. – Выпуск 33. – СПб.: Наука, 2003. – 361 с.
22. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти томах / под ред. В.И. Чернышева. Т. 8. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 1840 с.
23. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти томах / под ред. В.И. Чернышева. Т. 11. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 1842 с.
24. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти томах / под ред. В.И. Чернышева. Т. 12. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 1676 с.
25. Шанский Н.М. Художественный текст под лингвистическим микроскопом. – М.: Просвещение, 1988. – 160 с.
26. Шаров К.С. Мужчины и женщины в вербальной коммуникации: проблема гендерлекта [Электронный ресурс] // Вопросы филологии. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=566.html (дата обращения: 30.03.2014).

УДК 81.373 : 811.161.1

Назарчук Е.В.*Московский государственный областной университет***СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАГМЕНТА
«ВОКАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ» В РОМАНЕ И.С. ШМЕЛЁВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»**

Аннотация. В статье описывается фрагмент семантического поля *вокал* в романе И.С. Шмелёва «Лето Господне», а именно: глаголы и глагольные выражения со значением '*вокальное действие*'. Автор отмечает значительное расширение изучаемого фрагмента по сравнению с литературным кодифицированным языком за счёт слов, приобретающих переносное значение благодаря лексическому окружению и особой сочетаемости некоторых единиц. Анализ использованных лексических средств и сопоставление их с сюжетом произведения и идейными установками писателя приводят автора к следующему выводу: расширение фрагмента «Вокальное действие» произошло в силу того, что в романе активно используются единицы живой, разговорной речи.

Ключевые слова: семантическое поле, фрагмент, переносное значение, разговорная речь, контекст.

E. Nazarchuk*Moscow State Regional University***SEMANTIC PECULIARITIES OF THE FRAGMENT “VOCAL ACTION”
IN THE NOVEL “SUMMER OF THE LORD” BY I. SHMELEV**

Abstract. The article describes the fragment of the semantic field singing in the novel “Summer of the Lord” by I. Shmelev which includes verbs and verbal expressions with the meaning of ‘vocal action’. If compared with a codified literary language the fragment displays considerable extension. The author mentions the words which gained a contextually conditioned figurative meaning and/or were combined in a special way. The analysis of the lexical means and their comparison with the plot and the main ideas of the novel enable the author to account the extension for the peculiarities of real informal speech reflected in the novel.

Key words: semantic field, fragment, figurative meaning, informal speech, context.

В романе И.С. Шмелёва «Лето Господне» сферы народного и религиозного пения получают многогранное языковое оформление. Анализ лексических составляющих в их функциональном применении [6, с. 220], а также принятие во внимание авторского замысла позволяют сделать вывод о важности в тексте произведе-

ния слов семантического поля (СП) *вокал*.

Предметом нашего исследования является фрагмент «Вокальное действие» СП *вокал*. Как показывает проведённый анализ, в романе «Лето Господне» из всех лексем, имеющих соответствующее значение, глагол *петь* является самым частотным (35% случаев). Несколько реже употребляются

ся его дериваты, которые составляют 30,4% от всего количества единиц исследуемого фрагмента СП *вокал*. В целом нами отмечается высокая семантическая мотивированность производных глагола *петь*, многие из которых образованы приставочным способом, а, как известно, «чаще всего лексическое значение производящего слова и значение префикса чётко проявляются и сравнительно легко определяются» [9, с. 116].

Как было обнаружено, СП *вокал* в целом и изучаемый фрагмент в частности в романе «Лето Господне» значительно шире по сравнению с литературным языком, так как в их состав кроме кодифицированных языковых единиц включаются слова, приобретающие переносное значение благодаря лексическому окружению и особой, авторско-индивидуальной, сочетаемости некоторых единиц. Внимательный к живому слову, И.С. Шмелёв с высочайшим мастерством запечатлел «особенности... речевого... стереотипа людей» [8, с. 104].

Глаголы, не связанные с единицей *петь* на морфемном уровне, составляют примерно треть (28,8%) от всего количества лексем фрагмента. От нейтральной в стилистическом и собственно понятийном плане единицы *петь* они отличаются особой образностью и выразительностью и позволяют точнее и ярче описать движение голоса и манеру исполнения, а благодаря этому – и самого исполнителя. Можно сказать, что подобные глаголы передают впечатление героев (и самого автора) от пения. Такого рода единицы получают переносное значение, которое, «как правило, является репрезентантом категории эмотивности,

характерной для выражения эмоционального состояния говорящего» [3, с. 14]. Например, протодьякон – крепкий мужчина крупного телосложения, обладающий мощным, раскатистым и гулким басом – «потрясает ужасом: “Исполла э-ти де-спо-та-аааа...” [греч. “многая лета владыке” – приветствие архиерею; примечание наше. – Е. Н.] Рычанье его выкатывается в сени, гремит по стёклам, на улицу» [10, с. 175]. Мы видим, что вместо возможного в данном контексте глагола *возглашает*, прямо называющего вокальное действие, использована единица с оценочным значением *потрясает*. Она называет вокальное действие опосредованно, описывая впечатление героев от голоса протодьякона. Две другие глагольные формы (*выкатывается*, *гремит*) в сочетании с существительным *рычанье* делают образ этого героя ещё глубже и ярче. При этом девербатив *рычанье* в данном случае соотносится с глаголом *рычать* особым образом. Подходящее переносное значение ‘произносить, петь и т. п. грубым, резким голосом’ [2, с. 1648] имеет отрицательную коннотацию. Однако в тексте резко негативного отношения к герою или его манере петь не чувствуется. Вероятнее всего, протодьякон вызывает у Вани ужас, страх, при этом оставаясь для мальчика значительной и уважаемой фигурой. В силу этого семантика существительного *рычанье* представляет собой соединение прямого значения глагола *рычать*: ‘издавать громкие, угрожающие, низкого тона звуки, напоминающие звуки «р-р-р»’ [2, с. 1648], и двух переносных. Одно из них указано выше, а второе в словаре обозначено следующим образом: ‘О громе, грозе’ [2, с. 1648]. Мальчик

реагирует на голос протодьякона так, как обычно дети воспринимают грозу: с ужасом и трепетом. Оттого и сам голос кажется громоподобным.

Следует отметить, что в лексическое окружение, помогающее создать образ героя, входят также слова, которые описывают жесты и мимику героев, то есть средства невербальной коммуникации, включающей «в себя телодвижения, особенности поведения человека при осуществлении речевого акта, которые имеют особый смысл и помогают читателю наиболее полно восстановить ситуацию общения» [4, с. 41]. Описание действий, сопутствующих возгласению протодьякона, позволяет создать единую картину. Сначала он «отжевав-шись, ... откидывает ручищей копну волос» [10, с. 176]. Во время самого возгласения на его шее «дрожит-набухает жила» [там же]. А после протодьякон буквально падает без сил: от него «жар и дым. На трёх стульях раскинулся. Пьёт квас» [там же].

Контекстуальное расширение границ семантической структуры также наблюдается у глагола *тронуть*. Значение 'вокальное действие' у данной единицы появляется в диалоге Горкина и одного из певчих – баса Ломшакова: «Уж постарайся, Сеня, “Помощника”-то, – ласково просит Горкин. – “И прославлю Его, Бог-Отца Моего” поворчи погуще. – Ладно, поворчу... – хрипит Ломшаков из живота и вынимает подковку с маком. – В больницу велят ложиться, душит... Октаву теперь Батырину отдали, он уж поведёт орган-то, на “Господи Сил, помилуй нас”. А на “Душе моя” я трону, не беспокойся» [10, с. 30]. По всей видимости, *трону* значит в данном предложении 'вступлю, начну петь'.

Одной из особенностей фрагмента «Вокальное действие» в романе «Лето Господне» является тот факт, что глагол *петь* и его дериваты вступают во взаимодействие с единицами других основ, образуя контекстуально значимые сцепления. Для данного романа характерно употребление уточняющего компонента, который сообщает лексеме *петь* и образованным от него единицам дополнительные оттенки значения. Если глагол *петь* стоит в такой паре на первом месте, то второе слово чаще всего указывает на характер протекания действия (*пел-хрипел, напевае-т-дышит, напевае-т-на-свистывает*). Однако в одном случае синтагматический партнёр лексемы *петь* уточняет её значение: «И стал Злато-Град в великом страхе вопить и *молебны* о заступлении *петь-служить*» [курсив наш. – Е. Н.; 10, с. 375]. В данном случае глагол *служить* выступает синонимом к слову *петь* и указывает на то, какой смысл оно имеет. Данные толкового словаря подтверждают наше предположение: 'петь молебен – простореч. то же, что служить молебен' [1, с. 1119]. Вместе с тем глагол *петь* сам может пояснять другие глаголы речи, внося сравнительный оттенок, если стоит после них. Так, сочетания *приговаривает-поёт* и *выговорил-пропел* можно развернуть до *приговаривает так, словно поёт; выговорил так, как будто пропел*. При этом в зависимости от контекста глагол *петь* наделяет названные действия противоположными характеристиками. В первом случае герой *приговаривает отрывисто, стремительно, ритмично*, а во втором – мальчик *выговорил протяжно, напевно, лирично*.

Заметим, что в романе «Лето Господне» в состав изучаемого множества мы включаем как отдельные глаголы, так и глагольные словосочетания и выражения. Контекстуальные партнёры некоторых глаголов речи (*говорить*, *читать*) влияют на семантику словосочетания так, что вся конструкция приобретает значение 'вокальное действие'. Дифференциаторами в подобных случаях становятся дериваты глагола *петь* или слова из других фрагментов рассматриваемого СП. Например, *говорить нараспев*, *говорить певучим голосом*, *говорить / читать распевно*, *читать по-церковному-дьяконски*, *вычитывать что-то напевное*. Кроме того, иногда лексема *петь* как бы опускается и заменяется глаголом с фазисным значением, что, однако, не препятствует включению фразы в рассматриваемый фрагмент. Сказанное касается словосочетания *начинать [петь] хором*, которое, очевидно, можно сопоставить по значению с встречающимся в тексте словосочетанием *петь хором*. Отметим, что среди глагольных словосочетаний и выражений со значением 'вокальное действие' можно выделить как просторечные (*во все лёгкие-нелёгкие запустить*), так и книжные (*отверзть уста*).

Хотя фрагмент «Вокальное действие» является частью субполя «Вокал – Человек», в контексте изучаемого произведения СП *вокал* расширяется за счёт включения в него единиц, не связанных напрямую с человеком. В романе большое место отведено птицам, являющимся своего рода членами семьи, за которыми ухаживают и отец, и Ваня, и другие герои. При описании птичьего пения используется большое

количество лексем. Прежде всего, это глагол *петь* (*жавороночек запел*) и его дериваты (*реполов запоёт*). Однако разнообразие вокальных возможностей птиц ярче передают слова других основ. Так, жаворонки, канарейки, скворцы могут *звенеть*, *нащёлкивать*, *покличивать*, *трещать*, *скворчать*, *тукать*. Самыми выразительными становятся развёрнутые метафоры. И.С. Шмелёв, используя фонетические, лексические и синтагматические потенции слов, составил такие сочетания, которые дают возможность описать пение птицы как настоящее вокальное искусство: «А соловушка пел и пел, будто *лвётся водицей звонкой в горлышке у него*. Чокнул в последний раз, *рассыпал стихавшей трелью* – и замолчал» [курсив наш. – Е. Н.; 10, с. 267].

Отметим также, что глагол *петь* употребляется в романе и в сочетании с неодушевлёнными существительными, такими как *колокола*, *дрова*. Наиболее необычное семантическое наполнение глагол *петь* получает тогда, когда Горкин, описывая мастерство плотника, говорит: «Наш Мартын самому государю был известен... *песенки пел топориком*, Царство Небесное» [курсив наш. – Е. Н.; 10, с. 78]. На наш взгляд, лексемы *петь*, *песня*, обладая положительной коннотацией, были использованы автором для оценки каких-либо действий или их результатов. Мы считаем, что в данном контексте речь идёт о высоком уровне мастерства плотника Мартына, его искусности и непревзойдённом качестве его изделий. Эту мысль подтверждают данные словаря, в котором указывается выражение *дело не поёт* со значением 'не ладится, не спорится' [1, с. 1122].

Быт и бытие простого русского человека были близки писателю, и оттого они ярко и правдиво запечатлены на страницах романа. Автор смог передать народное слово, сохранив всю его самобытность. «Великий мастер слова и образа, Шмелёв создаёт здесь [в романе «Лето Господне»; примечание наше. – Е. Н.] в величайшей простоте утончённую и незабвенную ткань русского быта, в словах точных, насыщенных и изобразительных» [5, с. 176].

Таким образом, по нашему мнению, значительное расширение фрагмента «Вокальное действие» произошло именно в силу того, что текст романа изобилует живой русской речью, которая «с восхитительной лёгкостью меняет формы слова, его связи, синтаксические позиции, «оттеняет» значение» [7, с. 80]. Как было нами установлено, выбор лексических средств находится в прямом соответствии с сюжетными и идейными интенциями автора, который стремился правдиво описать жизнь купеческого дома конца XIX века и создать образ любимой им Руси.

ЛИТЕРАТУРА:

1. БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / Под ред. В.И. Чернышева, С.П. Обнорского, В.В. Виноградова [и др.]. – М.;Л.: АН СССР, 1959. – Т. 9. – 1484 с.
2. БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / Под ред. В.И. Чернышева, С.П. Обнорского, В.В. Виноградова [и др.]. – М.;Л.: АН СССР, 1961. – Т. 12. – 1679 с.
3. Войлова К.А. Слово *пустынный* как репрезентант производящей основы пустыня в языке произведений А.С. Пушкина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2001. № 3. – С. 12–16.
4. Звукова Е.Д. Вербально-невербальное изображение женщины в русской литературе XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2001. № 1. – С. 40–44.
5. Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелёв. – Мюнхен: Типография Обители преп. Иова Почаевского в Мюнхене–Оберменцинге, 1959. – 196 с.
6. Леденёва В.В. Черты идиолекта Н. Лескова // Структура и семантика художественного текста. Доклады VII-й Международной конференции. – М., 1999. – С. 220–231.
7. Лекант П.А. Гибридные слова и гибридные части речи // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «Русская филология». 2007. № 1. – С. 80–83.
8. Топтыгина О.Н. Место и роль старославянской по происхождению единицы в художественном пространстве И.С. Шмелёва (материалы к спецкурсу). Учебное пособие. – М.: «Петропуш», 2010. – 117 с.
9. Шаталова О.В. Роль аффиксации в структуре словообразовательного гнезда // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2008. № 3. – С. 114–117.
10. Шмелёв И.С. Лето Господне: повесть. – М.: Дет. лит., 2013. – 526 с.: ил. – (Школьная библиотека).

УДК 81-112

Рыкин Е.Ю.*Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых***ХАРАКТЕР ОЦЕНКИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
КОНСТРУКЦИЙ С ТВОРИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ ОГРАНИЧЕНИЯ)**

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена исследованию древнерусского текста с точки зрения определения оценочного значения. Отмечается, что специальным средством выражения оценки в древнерусском тексте являются конструкции с творительным падежом ограничения, включающие в себя существительное в творительном падеже, указывающее на основание, и прилагательное, являющееся показателем характера оценки. Автор более подробно рассматривает классификации данных конструкций по характеру оценки и приходит к выводу, что изучаемые сочетания могут выражать в древнерусском тексте пейоративные и мелиоративные, а также качественные и количественные оценки.

Ключевые слова: творительный падеж ограничения, характер оценки, мелиоративная оценка, пейоративная оценка, качественная оценка, количественная оценка.

E. Rykin*Alexander and Nikolay Stoletov Vladimir State University***NATURE OF EVALUATION IN THE OLD RUSSIAN TEXT (ON THE EXAMPLE
OF CONSTRUCTIONS WITH INSTRUMENTAL CASE OF RESTRICTION)**

Abstract. The article is devoted to the study of the old Russian text in terms of the evaluation value. It is noted that special means of expression evaluation in the old Russian text are constructions with instrumental case of restriction, that include a noun in the instrumental case which indicates the base, and the adjective, which is an indicator of the nature of the assessment. The author examines in detail the classifications of the constructions by the nature of the assessment and comes to the conclusion that the investigated combinations can express in the old Russian text not only pejorative and meliorative evaluations but also qualitative and quantitative evaluations.

Key words: instrumental of restriction, nature of evaluation, meliorative evaluation, pejorative evaluation, qualitative evaluation, quantitative evaluation.

Следует отметить, что проблема выражения оценочного значения представлена во многих лингвистических работах (см. Ю.Д. Апресян, И.В. Арнольд, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А. Вежбицкая, Т.И. Вендина, В.В. Виноградов, Е.М. Вольф, В.Г. Гак, В.А. Звегинцев, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубря-

кова, Н.А. Лукьянова, Т.В. Маркелова, А.Б. Пеньковский, М. Вас. Пименова, Т.В. Писанова, С.Д. Погорелова, Г.Н. Склярская, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева, В.К. Харченко, В.И. Шаховской, А.Д. Шмелёв и др.), однако в диахронии оценочное отображение действительности остаётся недостаточно изученным, хотя

анализ системы средств аксиологических (оценочных) значений присутствует в работах В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, Ф.П. Филина, Р.М. Цейтлин, П.Я. Черных и т. д.

По мнению М.Вас. Пименовой, одним из показателей оценочности в древнерусском тексте является существительное в творительном падеже в устойчивых сочетаниях типа *красен лицом, крѣлькъ тѣльмь, простъ умьмь, великъ славою, одрѣжим невѣриемъ*. [13, с. 73]. Данное значение творительного падежа в научной литературе (А.М. Пешковский, Т.П. Ломтев, Н.С. Поспелов и др.) получило название «творительный падеж ограничения». Существительное в творительном падеже ограничения входит в конструкцию (далее – КТПО), вторым элементом которой является качественное прилагательное. Отличительной особенностью КТПО является выражение исключительно оценочного значения, причём существительное в творительном падеже указывает на основание оценки (этическое, эстетическое, интеллектуальное, нормативное – более подробно см. [14]), а прилагательное – на характер оценки, который является предметом рассмотрения в данной статье.

По мнению А.А. Ивина, характер оценки определяется тем, квалифицирует ли она свой предмет как «хороший» или как «плохой», или же как «безразличный» [11, с. 29]. По данному основанию в древнерусском тексте можно выделить два противопоставления: мелиоративные – пейоративные оценки и качественные – количественные оценки.

Среди оценочной лексики различают мелиоративы и пейорати-

вы. О.С. Ахманова даёт следующее определение термину *мелиоративный* – обладающий положительным эмоционально-экспрессивно-оценочным созначением (окраской) или сообщающий (придающий) слову такое созначение [9, с. 226]. Мелиоративный характер оценки выражается прилагательными с корневыми элементами *-крас-, -мир-, -кротѣк-, -свершен-, -чист-* и др., например: *Видѣвъ же науклиръ жену Еустафиеву, яко красна бѣ лицемъ* зѣло. [7, с. 234]. *Явѣ, яко праведници, и кротци, и смирени сердцемъ, ти наследятъ землю тиху и безмѣвну* [3, с. 429]. *Бяше бо образомъ кротокъ, такова бо учителя кротка благоразумный ученикъ*. [3, с. 384]. *Красенъ бѣ взоромъ и чистъ душею, свѣршенъ разумомъ* [2, с. 222].

И.В. Турецкова так определяет пейорацию: «пейорация – отрицательная, эмоционально-нагруженная экспрессивная оценочность» [15, с. 7]. Пейоративную оценку мы можем наблюдать в КТПО, содержащих прилагательные с корневыми группами *-держ-, -черн-, -страш-* и др., например: *Тѣмъже вопию к тебѣ, одержимъ нищетою* [4, с. 390]. *Суть же образомъ черни, крилати, хвостъ имущи; въсходять же и подѣ небо, слушающе вашихъ боговъ* [5, с. 186]. *Флабуар же некый со многими срачины яростнѣ нападѣ на грѣки, в нихже бяху 5 страшныхъ возрастом и взором, и бѣяху граждан нещадно* [6, с. 252]

Рассмотрим противопоставление качественных и количественных оценок. Если качественная оценка выражает отношение субъекта к объекту с позиции *хорошо – плохо* [10, с. 23], то количественная оценка, по мнению А.Ф. Папиной, характеризует меру,

объём, величину описываемого предмета [12, с. 317].

Большинство примеров из собранного языкового материала содержит КТПО с качественной оценкой. К ним относятся КТПО типа *силенъ вѣроу, худ взоромъ, простъ образъмъ, тонокъ лицомъ, старъ разумомъ, силенъ духомъ, великъ храбростию, сладокъ языкомъ, бестужь лицомъ* и многие другие.

Наличие количественной оценки в КТПО доказывается возможностью трансформации данных конструкций в сочетании с количественными словами *много* и *мало*. К КТПО с количественной оценкой относятся конструкции с прилагательным *богатый* в качестве главного слова: *В дни царьства Траианя, идольстии жрътвѣ одръжащи, бѣ етеръ стратилатъ, именовъ Плакида, добра рода и славна, **богатъ** же зѣло паче всѣхъ **златомъ** и прочю службою* [7, с. 228]. *А нынѣ ты, мати, доспевай бракъ великъ, занежъ есми добыли зятя — славою славенъ и силою силенъ и богатствомъ **богатъ*** [1, с. 39]. *Тот островъ **богатъ** велми **всѣмъ**, и **людьми**, и **скотомъ*** [8, с. 34]. Во всех приведённых предложениях КТПО можно заменить сочетанием с количественным словом *много*. К данному типу КТПО относятся также конструкции с прилагательным *обилён* в роли главного слова: *Азъ бо одѣниемъ оскуденъ есмь, но **разумомъ обилень*** [4, с. 392]. *Градъ же Самариа великъ естъ велми и **обилень** естъ всѣмъ **добромъ*** [8, с. 93].

Таким образом, специальными средствами выражения оценочного значения в древнерусском тексте являются конструкции с творительным падежом ограничения, в которых существительное в творительном падеже выражает основание оценки, а

прилагательное указывает на характер оценки, включающий в себя мелиоративность – пейоративность и качественность – количественность. В заключение необходимо подчеркнуть, что проблема отражения аксиологической картины мира в специальных средствах выражения требует дальнейшего изучения в плане диахронии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. Девгениево деяние / подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси. XIII в. – М.: Художественная литература, 1981. – С. 28-65.
2. Житие Дмитрия Донского / подготовка текста, перевод и комментарии М.А. Салминой // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М.: Художественная литература, 1981. – С. 208-229.
3. Житие Сергия Радонежского / подготовка текста и комментарии Д.М. Буланина; перевод М.Ф. Антоновой и Д.М. Буланина // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М.: Художественная литература, 1981. – С. 256-429.
4. Моление Даниила Заточника / подготовка текста, перевод и комментарии Д.С. Лихачёва // Памятники литературы Древней Руси. XII век. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 388-399.
5. Повесть временных лет / подготовка текста и комментарии О.В. Творогова, перевод Д.С. Лихачёва // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. – М.: Художественная литература, 1978. – С. 23-277.
6. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. / подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси. 2-ая

- половина XV века. – М.: Художественная литература, 1982. – С. 216-267.
7. Сказание об Евстафии Плакиде / подготовка текста, перевод и комментарии О.П. Лихачёвой // Памятники литературы Древней Руси. XII век. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 226–245.
8. Хождение игумена Даниила / подготовка текста, перевод и комментарии Г.М. Прохорова // Памятники литературы Древней Руси. XII век. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 24-115.
- Литература:
9. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
10. Иванова Г.Ф. Ментальные сферы языка: оценка. – Уфа: БГПУ, 2007. – 124 с.
11. Ивин А.А. Основания логики оценок. – М.: Изд-во Московского университета, 1970. – 230 с.
12. Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: учебник для студентов – журналистов и филологов. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 368 с.
13. Пименова М.Вас. «Красотою украси...»: Выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. – 415 с.
14. Рыкин Е.Ю. Этическая и эстетическая оценки в древнерусском тексте (на материале конструкций с творительным падежом ограничения) // Дни Славянской письменности и культуры. Рождественские чтения во Владимире: Материалы международных научных конференций, посвящённых Рождественским праздникам и памяти православных просветителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. – Владимир: ВлГУ, 2012. – С. 494 – 497.
15. Турецкова И.В. Языковые средства манифестации пейоратива в словаре и тексте (на материале немецких пейоративных имён, характеризующих человека): Автореф. дис...канд. филол. наук. – Самара, 2011. – 24 с.

УДК 81'1

Фадеева Е.В.*Академия Федеральной службы охраны России (г. Москва)***СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ДИСКОМФОРТА НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Аннотация. Статья посвящена проблемам изучения такой ситуации диалогического взаимодействия как дискомфортное общение. Автор рассматривает данное явление не только как коммуникативно-аномальную ситуацию, но и приводит пример успешной коммуникативно-дискомфортной ситуации. Далее анализируются способы языкового выражения коммуникативного дискомфорта с системных позиций. Автор подтверждает примерами наличие языковых показателей коммуникативного дискомфорта на всех уровнях лингвистического анализа.

Ключевые слова: коммуникативный дискомфорт, метакоммуникативный показатель, уровни лингвистического анализа: фонетико-фонологический, морфемно-морфологический, лексико-семантический, синтаксический.

E. Fadeyeva*The Academy of Federal Security Guard Service of the Russian Federation (Moscow)***MEANS FOR LANGUAGE EXPRESSION OF COMMUNICATIVE DISCOMFORT AT DIFFERENT LEVELS OF LINGUISTIC ANALYSIS**

Abstract. The article is devoted to the problems of studying a situation of dialogue interaction called communicative discomfort. The author considers this phenomenon as both unsuccessful and successful communication. Then means for language expression of communicative discomfort are reviewed. The author exemplifies language indicators of communicative discomfort and proves their existence at all levels of linguistic analysis.

Key words: communicative discomfort, metacommunicative indicator, levels of linguistic analysis: phonetic and phonological, morphemic and morphological, lexical and semantic, syntactic.

Современные лингвисты широко обсуждают вопросы структурной, семантической и прагматической характеристик диалогической речи. Такая коммуникация регулирует межличностное общение, включая в себя речевой обмен с позиции говорящего и слушающего. Рассматривая проблемы взаимодействия коммуникативно-целевых характеристик речевого акта

и свойств используемых языковых средств, способствующих или мешающих осуществлению намерений коммуникантов, учёные разграничивают благоприятные и аномальные ситуации диалога, рассматривая успешные и неуспешные ситуации общения.

По мнению многих лингвистов, успех или неуспех коммуникации зависит от выбранных участниками общения языковых средств, с помощью

которых они решают свои коммуникативные или практические задачи. Основными понятиями коммуникативной лингвистики являются условия успешности речевого общения и принципы организации эффективной коммуникации. Таким образом, коммуникантам рекомендуется, общаясь, отбирать определённые языковые единицы для достижения искомых целей.

На наш взгляд, такой подход имеет несколько идеализированный характер. В речевом общении, безусловно, люди стремятся реализовать свои цели (и коммуникативные, и практические) и выбирают определённые тактики и стратегии диалогического взаимодействия. Для успешной коммуникации желательно, чтобы участники общения обладали некой коммуникативной грамотностью, коммуникативной компетентностью, дабы избежать коммуникативно-аномальных ситуаций. Коммуникативную грамотность И.А. Стернин определяет как знание коммуникативных законов, приёмов и правил эффективной (устной и письменной коммуникации) [11, с. 48]. Понятие коммуникативной компетентности сейчас активно обсуждается многими учёными. В основе различных трактовок этого понятия лежит стремление участников диалога к бесконфликтному речевому взаимодействию и, конечно, эффективному общению. Отличие коммуникативной компетентности от коммуникативной грамотности состоит в том, что предполагает наличие у коммуникантов способности регулировать межличностное взаимодействие в определённой ситуации общения, а не опираться на стандартные ситуации диалогического взаимодействия. Однако «в чистом виде»

успешная коммуникация – это такое эффективное общение, к которому, безусловно, следует стремиться, но которое в рамках диалогового взаимодействия встречается редко, так как в речи, в силу различных обстоятельств, происходят непредвиденные ситуации (сознательно создаваемые или нет), которые и приводят к коммуникативно-аномальным ситуациям.

Многие зарубежные и отечественные лингвисты посвятили свои работы исследованию аномальных коммуникативных ситуаций, в частности, Дж. Остин, Дж. Серль, Т.А. ван Дейк, Дж. Лич, Г.П. Грайс, Н.Д. Арутюнова, Б.Ю. Городецкий, Л.П. Семенов, В.З. Демьянков, И.М. Кобозева, Е.В. Падучева, А.А. Романов, Н.К. Кънева, И.Н. Горелов, К.Ф. Седов, Б.С. Кардинский и др.). Эти учёные занимались, в основном, коммуникативными неудачами, конфликтами, осечками, злоупотреблениями. [3, с. 51-53; 4, с. 209-258; 5, с. 56-65; 7, с. 32-35]. Предметом нашего пристального внимания являются ситуации, так называемого, коммуникативного дискомфорта (КД). На наш взгляд, данное явление ещё недостаточно изучено в современной лингвистике. Между тем ситуации такого рода занимают особое место в ряду типовых отклонений от некоторой «идеальной» ситуации общения. Представляется вполне очевидным то, что проблема коммуникативного дискомфорта не менее существенна при описании динамики коммуникативного акта, чем проблема коммуникативных неудач, уже хотя бы потому, что намеренное создание КД-ситуаций отражает достаточно важные вехи стратегической линии речевого поведения коммуникантов.

Причины и следствия коммуникативного дискомфорта подробно описаны в монографии Л.П. Семененко «Аспекты лингвистической теории монолога». Автор этой работы рассматривал проблему КД относительно источников его возникновения. Л.П. Семененко определяет коммуникативно-дискомфортную ситуацию как произвольное или непроизвольное отклонение от «идеально комфортной» коммуникативной ситуации. То есть существуют определённые препятствия, мешающие осуществлению комфортного общения, в рамках которого говорящие имели бы возможность в полном объёме реализовать свои коммуникативные намерения и /или ожидания [10, с. 74-105].

Е.М. Мартынова определяет понятие «коммуникативный дискомфорт» как «особое негативное интенциональное состояние, возникающее в рамках неуспешной или квазиуспешной коммуникации» [6, с. 17-20].

Приведём примеры коммуникативно-дискомфортных ситуаций.

(1) *Барбара смотрела в пол. Страдала. Что-то её мучило.*

– Я хочу тебе кое-что предложить, – проговорила Барбара.

«Лиловый костюм», с надеждой подумала Марина.

– Выходи за меня замуж! – Барбара вскинула глаза. Они были синие, страдающие, с осколками стекла.

Марина так давно ждала серьёзно-го предложения. И вот дождалась. От Барбары.

– А кем ты будешь: мужем или женой? – спокойно спросила Марина.

– А какая разница? – растерялась Барбара.

– Ну как же... Если ты жена, то ты для меня старая. Тебе уже 33 года. Я в

свои годы могу найти и помоложе. А если ты муж, то ты для меня бедный. И скупой.

– Почему бедный? У меня есть компьютер...

Марина не поняла: продолжает ли она в её тоне или отвечает серьёзно.

Барбара подняла лицо. По щекам шли слезы. [12, с. 38]

В рассматриваемом примере, очевидно, что один из коммуникантов (Барбара) испытывает дискомфорт. Ей трудно вести диалог. Авторское описание её негативного состояния свидетельствуют об этом: *смотрела в пол* (невербальный показатель подавленности), *что-то её мучило* (автор использует глагол, в котором присутствует компонент с отрицательной семантикой), глаза Барбары описываются как *страдающие, с осколками стекла* (вновь используется лексика с отрицательной семантикой, а глаза автор сравнивает с осколками стекла, образ которых ассоциируется не просто со слезами, но и с чем-то разбитым, разрушенным). В конце диалога коммуникант уже не может сдерживать эмоции – слёзы «выдают» её страдания. Несмотря на то что Барбара, в надежде что-то исправить в отношениях, пытается, «хватаясь за соломинку», снять испытываемый ею дискомфорт, «не замечая сарказма» Марины, понимает, что ее тактика и стратегия ведения диалога «не срабатывает» и общение заканчивается коммуникативной неудачей – Барбара не достигает своих практических целей. Второй коммуникант (Марина) тоже испытывает некий дискомфорт. Её ожидания (*получить в подарок лиловый костюм*) не реализуются, что говорит о том, что ни практические, ни коммуникативные цели

участников общения не совпадают. Более того, Барбара «наступает на любимую мозоль» Марины (та уже давно мечтает выйти замуж, ну уж явно не таким образом), что вызывает сарказм с ее стороны (возможно, даже скрываемую злость на Барбару), что тоже свидетельствует об испытываемом ею дискомфорте. Таким образом, в данном случае само поведение коммуниканта является показателем его дискомфортного состояния.

Рассмотрим ещё один пример ситуации коммуникативного дискомфорта.

(2) *Возвратясь домой, Волынцев был так уныл и мрачен, так неохотно отвечал своей сестре и так скоро заперся к себе в кабинет, что она решилась послать гонца за Лежневым. Она прибежала к нему во всех затруднительных случаях.* [13, с. 270-271]

Пример (2) отличается от (1). Здесь описание ситуации ведётся от лица внешнего наблюдателя. Очевидно, что данная ситуация неблагоприятна для общения. Участник коммуникации, испытывающий дискомфорт – Волынцев – выражает нежелание продолжать общение – неохотно ответив на вопросы сестры, он запирается в своём кабинете, таким образом, прекращая разговор. «Уныл и мрачен» – так автор описывает дискомфортное состояние Волынцева, что является показателем КД. Но следует отметить, что Волынцев не единственный участник общения, испытывающий дискомфорт. Возможно, что и его сестра тоже испытывает КД, о чём свидетельствует её попытка устранить коммуникативную неудачу, вызванную коммуникативным дискомфортом, который испытывал Волынцев – она послала за Лежне-

вым (третьим возможным участником коммуникации) в надежде на то, что последний сможет изменить ситуацию и снять дискомфорт.

Проанализировав данные примеры, можно сделать вывод о том, что коммуникативно-дискомфортные ситуации отличаются наличием особых сигналов (показателей), которые свидетельствуют о том, что участники такого речевого общения испытывают некое «неудобство», которое может помешать осуществлению планируемых целей и /или намерений. Ситуативные показатели дискомфорта общения мы рассмотрели в статье «Опыт типологического описания ситуаций коммуникативного дискомфорта по метакоммуникативным показателям» [14, с. 308-311].

Приведём ещё один пример КД-ситуации.

(3) – *А что всё-таки произошло? – спросил, входя в учительскую, Борис Евсеевич. – Терроризм в советской школе?*

И тут все, находившиеся в комнате, одновременно стали излагать каждый свою версию.

...

– *Все-таки размазня этот ваш Максим Эдуардович, – возмутился Чугунков. – Разве можно руку заламывать, если не умеешь! И вообще сообщать надо: Бабкину за длинный язык леца дашь – он хихикает, а Кирибеева я никогда не трону, наоборот, он у меня за старшего!*

– *Виталий Сергеевич! – насмешливо заметила Казаковцева. – Вы же спортсмен!*

– *Против лома, Елена Павловна, нет приёма! – твёрдо и серьёзно объявил Чугунков. – Взрослых мужиков*

приводите, я вам троих за минуту положу, в корсетах ходить будут! А сопляки, как волчата, – не отобьёшься. Стамеску в печень и – летите голуби!

– Что точно – то правильно! – подтвердила Евдокия Матвеевна с той безысходностью, какая охватывает советского зрителя после фильмов о преступлениях итальянской мафии.

– Когда я училась в школе, – Алла от волнения закурила прямо в учительской, – такое в кошмарном сне не могло привидеться!

– Даже когда я училась, такого не было! – простодушно и неудачно поддержала Елена Павловна.

– А когда я учился, – вдруг заговорил Борис Евсеевич, и повеяло седой древностью, – такого тоже, кажется, не было, но вот в 1864 году в первой киевской гимназии учитель французского языка ударил ученика Можайского, за что его посадили в карцер...

– Кого посадили-то? – уточнила Гиря.

– Ученика Можайского, а товарищи пытались его освободить. Начались беспорядки, вызвали полицию...

– А теперь бы посадили учителя! – неизвестно чему обрадовался Чугунков.

– А Макаренко в педагогических целях ударил своего воспитанника! – звонко и убеждённо сообщила Валя Ральф [8, с. 101-102]

В примере (3) участники речевого обмена оживленно обсуждают вопиющий случай, произошедший в школе. Каждый из них, безусловно, испытывает некое нервное напряжение, о чём свидетельствуют эмоционально окрашенные слова, отражающие психологическое состояние говорящих (в частности, *подтвердила Евдокия Матвеевна с той безысходностью, какая охватыва-*

ет советского зрителя после фильмов о преступлениях итальянской мафии); глаголы с негативным коннотативным значением (возмущался Чугунков); слова с отрицательной семантикой, относящиеся к сленгу (*размазня, сопляки, как волчата*); а также невербальный компонент коммуникации (*Алла от волнения закурила прямо в учительской*). В данной коммуникативной ситуации имеются показатели, которые сигнализируют о том, что коммуниканты испытывают дискомфорт, соответственно мы имеем дело с КД-ситуацией. Однако общение протекает в соответствии с правилами успешного диалогического взаимодействия: коммуниканты в полной мере реализуют свои коммуникативные намерения и /или ожидания. Об этом свидетельствуют следующие метакоммуникативные показатели (авторские описания коммуникативного акта) и реплики участников речевого обмена: *твёрдо и серьёзно объяснил Чугунков; Что точно – то правильно! – подтвердила Евдокия Матвеевна* и т. д. Достаточно напряженное (изначально) общение, постепенно переходит в позитивное русло: *неизвестно чему обрадовался Чугунков, звонко и убеждённо сообщила Валя Ральф*. Сам предмет обсуждения – драка ученика и учителя – уходит на второй план и коммуниканты «дружно» демонстрируют понимание и солидарность. Такую коммуникацию можно считать успешной. А это противоречит определениям КД-ситуации, рассмотренным выше.

Следовательно, мы считаем возможным уточнить понятие явления «коммуникативного дискомфорта» и трактовать его как ситуацию общения, в которой присутствуют метакоммуникативные сигналы напряжённого обще-

ния, которые могут помешать участникам реализовать свои коммуникативные намерения и /или ожидания. На наш взгляд, КД-ситуации, занимая свою особую нишу в ряду коммуникативных ситуаций, могут относиться как к успешному, так и неуспешному общению, что было проиллюстрировано примерами.

Исследуя сигналы дискомфорта общения, мы приходим к выводу, что средством выражения таких сигналов могут являться языковые показатели, используемые авторами текстов. Для выявления языковых показателей КД мы использовали корпус примеров, представляющих фрагменты диалога между персонажами художественных произведений или авторские описания тех или иных коммуникативных ситуаций. Мы убедились, что способы языкового выражения КД можно наблюдать на всех уровнях лингвистического анализа: фонетико-фонологическом, морфемно-морфологическом, лексико-семантическом, синтаксическом. [15].

Проиллюстрируем наше предположение некоторыми примерами.

(4) Елена Павловна опустила глаза на кулон с электронными часиками, подошла к доске, выбрала мел подлиннее и учительским почерком начала писать задание на дом, вызывая привычный ропот класса.

– Ой, как мно-о-ого! – заволновались дети, с малолетства приучающиеся к корректировке планов.

– Ну хорошо, – согласилась Казаковцева, – выучить новую лексику и повторить тему «Моя семья». Буду спрашивать! [8, с. 7]

Данный пример иллюстрирует языковое выражение КД на фонетико-фонологическом уровне лингвистического анализа. Об испытываемом

дискомфорта коммуникантов (учеников) свидетельствует их «дружное» употребление слова «много» в несколько необычной манере. Вариант фонемы «о» звучит протяжно, что не является типичным для русского языка, в отличие, например, от английского языка, где гласные звуки делятся на долгие и краткие. Таким образом, пытаясь нейтрализовать свой дискомфорт, дети применяют, видимо, уже отработанную тактику выражения своего недовольства. Ученики добиваются своих коммуникативных и практических целей, в отличие от учителя, которому приходится корректировать свои намерения и ожидания.

Далее мы рассмотрим пример языкового выражения КД на морфемно-морфологическом уровне лингвистического анализа.

(5) – *Слушал я, слушал, господа, про что вы толкуете, и вижу, что просто вы из пустого в порожнее перепускаете. Ну, положим, что у господ немцев есть хорошая, твёрдая воля, а у нас она похрамывает – вес это правда, но всё-таки в отчаяние-то отчего тут приходиться? Ровно не от чего...*

– Как не от чего? – парень в красной рубашке стал ерепениться – Столкновение будет!

– Ну что же такое, если и будет?

– Они нас вздуют...

– Ну, как же! – старик стал негодовать и нервно разливать чай.

– Да разумеется, вздуют! – парень выскочил из-за стола и начал бегать по избе. – И на вас, стариков, не посмотрят!

– Чтобы ты знал, мы, старики, ещё пороку дадим, а вот молодые... Эх, да чего с тобой ругаться, – он вышеркал из избы и сел на крыльцо дымить [9, с. 10].

Данная конфликтная ситуация не вызывает сомнения в том, что оба коммуниканта испытывают дискомфорт. В рассматриваемом примере способов его выражения достаточно много. Но мы хотели бы сосредоточить ваше внимание на употреблении слова *вышеркал*. Безусловно, ни в одном словаре такое слово не зарегистрировано. Большой толковый словарь даёт объяснение лишь слову *шаркать* – ‘производить шорох, шум, трение (при ходьбе, движении)’ – и приводит следующий пример: «Старик еле идёт, шаркает» [1]. Присоединение морфемы (приставки *вы-*) к основе слова *шаркать* образует новое слово, которое может означать, что коммуникант, сильно испытывающий дискомфорт, пытается прекратить коммуникацию как можно быстрее, но, в силу возраста, не может позволить себе выбежать из избы и унять своё негодование.

Вполне понятно, что существует огромное множество примеров, подтверждающих языковое выражение коммуникативного дискомфорта на лексико-семантическом уровне лингвистического анализа. Отрицательные эмоции, испытываемые человеком в ситуациях дискомфортного общения, ярко представлены в языке. О том, какими способами выражаются эти негативные эмоции, подробно писала Ю.С. Булгакова в своей статье «Особенности вербализации отрицательных эмоций в английском и испанском языках» [2, с. 110-114].

Проанализированные нами примеры указывают на то, что в ситуациях дискомфортного общения используется огромный пласт лексики: пейоративная лексика и выражения, ассоциированный или неассоциированный перлокутивный

эффект употребления которых – оскорбление / унижение партнёра; эмоционально окрашенные слова, отражающие психологическое состояние говорящего в КД-ситуациях; эмоционально окрашенные слова, в значениях которых присутствуют компоненты, отражающие физические показатели состояния коммуниканта в КД-ситуациях; метафорические обозначения дискомфортного состояния коммуниканта; фразеологизмы и т. д. [14, с. 311-312]. Примеры 1-3 ярко иллюстрируют языковое выражение КД на лексико-семантическом уровне лингвистического анализа.

В следующем примере описывается один из возможных способов языкового выражения дискомфортного общения на синтаксическом уровне лингвистического анализа.

(6) – *Это хамство! – неожиданно крикнула Гиря и швырнула красный карандаш. – Неужели никто не может сказать Казаковцевой, что в таких кофтах по школе-то не ходят!*

– *А как же ей ходить?* – удивился Борис Евсеевич.

– *Как все!* – ответила Гиря: *на ней был тёмно-зеленый костюм из чистой полушерсти* [8, с. 43]

Возмущённый коммуникант (Гиря) в своей «пламенной» речи использует восклицательные предложения, которые «выдают» дискомфорт, который она испытывает по отношению к своей коллеге. Вообще говоря о языковых средствах выражения коммуникативного дискомфорта на синтаксическом уровне, часто в КД-ситуациях участники общения используют побудительные предложения (в случаях, когда им необходимо нейтрализовать дискомфорт и достичь своих коммуникативных и практических целей в категори-

ческой форме), условные предложения (более мягкий способ реализации своих намерений и ожиданий), краткие ответы на вопросы собеседника, демонстрирующие нежелание продолжать коммуникацию.

В данной статье мы рассмотрели языковые средства выражения коммуникативного дискомфорта с системных позиций. Подтвердив примерами наличие языковых показателей дискомфорта общения на всех уровнях лингвистического анализа, мы приходим к выводу, что рассматриваемое нами явление диалогического взаимодействия представлено в речи довольно наглядно и способы языкового выражения коммуникативного дискомфорта выполняют метакоммуникативную функцию в описаниях таких ситуаций, являясь «сигналами КД».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gramota.ru> (дата обращения: 10.04.2014)
2. Булгакова Ю.С. Особенности вербализации отрицательных эмоций в английском и испанском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2009. №1. С. 110-114.
3. Городецкий Б. Ю. От лингвистики языка – к лингвистике общения // Язык и социальное познание. – М.: Центр. совет. филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. – с. 39–56.
4. Гудман Б. А. Идентификация референта и связанные с ней коммуникативные неудачи // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.24.: Прогресс, 1989. – с. 209 – 258.
5. Демьянков В. З. Недопонимание как нарушение социальных предписаний // Язык и социальное познание. – М.: Центр. совет. филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. – с. 56-65.
6. Мартынова, Е.М. Предпосылки возникновения коммуникативного дискомфорта, определяемые относительно трехуровневой структуры речевого акта // Язык и коммуникация: изучение и обучение: сборник статей. – Орёл: ОГУ, 2000. – Вып.6. – С. 17-20 (6).
7. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – с. 22-129.
8. Поляков, Ю. Работа над ошибками / Юрий Поляков. – М.: Астрель: АСТ, 2009. – 252, [4] с. – (Геометрия любви).
9. Рудов П.А. Информативный диалог конфликтного типа: структурно-семантический и коммуникативно-прагматические аспекты: автореф. дис ... кандидата филологических наук. Новосибирск, 2005. 20 с.
10. Семененко Л. П. Аспекты лингвистической теории монолога. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 1996. 324 с.
11. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж: Истоки, 2001. – 245 с.
12. Токарева, В. С. Лиловый костюм: [повести, рассказы]. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2011.– 315 с.
13. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. – Том 5. – М.: Наука, 1980 – 544с.
14. Фадеева Е. В. Опыт типологического описания ситуаций коммуникативного дискомфорта по метакоммуникативным показателям // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2013. №4(54). С. 307-313.
15. Шарафутдинова Н.С. Теория и история лингвистической науки [Электронный ресурс] // <http://samorazvitie.net> (дата обращения: 10.04.2014)

УДК 811.161.1'373

Хлупина М.А.*Московский государственный областной университет***ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ СОЛЖЕНИЦЫН В ТЕКСТАХ С.Д. ДОВЛАТОВА**

Аннотация. В статье на материале художественных, публицистических и эпистолярных текстов С.Д. Довлатова исследуется прецедентное имя *Солженицын*. Имя собственное *Солженицын* рассматривается как имя-идеологема, транслирующее в текстах Довлатова отношение к знаменитому писателю – от ненависти до восхищения. Имя *Солженицын* предстаёт как мифологема эпохи, так как писатель был кумиром нескольких поколений ищущей интеллигенции. Проанализированы средства, указывающие на изменение вектора оценки в текстах Довлатова.

Ключевые слова: С.Д. Довлатов, прецедентное имя *Солженицын*, языковая личность, идеологема.

M. Khlupina*Moscow State Regional University***THE CASE NAME SOLZHENITSYN IN S. DOVLATOV'S TEXTS**

Abstract. In the article, on the material of S. Dovlatov's artistic, publicistic and epistolary texts the case name Solzhenitsyn is analyzed. Name Solzhenitsyn is considered as a name-ideologem, transferring in Dovlatov's texts his the relation to the famous writer from hatred to admiration. Name Solzhenitsyn appears as a mythologeme of the era, since the writer was the idol of several generations seeking intellectuals. Analyzed are the tools that indicate change of the vector of Dovlatov's assessment in his texts.

Key words: S. Dovlatov, case name Solzhenitsyn, language personality, ideologem.

Исследование языковой личности писателя, такой стороны, как прагматикон, предусматривает анализ прецедентных имён в составе текстов. Характер употребления прецедентных имён отражает ценностные ориентиры личности. Имя собственное относят к прецедентным феноменам, называя точечным текстом. По мнению Ю.Н. Караулова, одним из способов ввода прецедентного текста является упоминание имени автора или персонажа произведения, когда «актуализируется так или иначе весь прецедентный

текст...» [7, сс. 216–218]. Нам представляется, что актуализация происходит в случае употребления имени персонажа, а также имени писателя в значении 'автор упоминаемого текста', но не с семантикой 'писатель как личность'. «...Не все прецедентные имена могут быть символами прецедентного текста»: например, прецедентные имена *Ломоносов*, *Суворов* указывают не на художественный текст, а на набор дифференциальных признаков, входящий в инвариант представления о носителе прецедентного имени [6, сс. 83–86, 94].

В число таких прецедентных имён можно включить значимое для С.Д. Довлатова имя его старшего современника, знаменитого писателя А.И. Солженицына. Наша картотека насчитывает 88 контекстов, в которых содержится исследуемое прецедентное имя, использованное в художественных, публицистических и эпистолярных текстах Довлатова.

По воспоминаниям коллег, Довлатов уважал Солженицына (хотя и позволял себе иронические высказывания о нём), отправлял ему свои книги. Реакция последовала с опозданием: «Пока Сергей был жив, Солженицын не отвечал. Теперь, говорят, прочёл и хвалит» [2, с. 43]. Таким образом, прецедентное имя *Солженицын* в текстах Довлатова не отражает коннотативного ореола, обусловленного личным контактом.

Современники Солженицына характеризуют его личность как феномен, овеянный легендами, но пишут также о том, что отношение к нему как к кумиру после публикации «Одного дня Ивана Денисовича» с течением времени сменилось разочарованием: «В те годы Солженицын был идиолом читающей публики» [1]; «...Поразительный феномен, кажется, не имеющий никаких аналогий в мировой литературе: мир не знал такого разрыва между высотой стремительного взлёта и глубиной падения, такой силой обольщения и такой горечью разочарования» [10].

Довлатов транслировал отношение представителей своего поколения к Солженицыну с помощью различных способов оформления номинации. Один контекст, передающий речь безвестного литератора, включает свидетельствующую об уважении полную

номинацию *Александр Исаевич Солженицын*: *Худой, бородатый старик почти кричал: <...> Я должен передать кое-что Александру Исаевичу Солженицыну... <...> Я разрешаю Солженицыну опубликовать без купюр мою фронтовую поэму «Люська»* (Заповедник) [5, т. 2, сс. 317–318]. Два контекста содержат отражающую субъективную позицию сокращённую формулу именования *Солж* со ссылкой на авторство И. Бродского: *Солжа, если что, позовут домой, а меня – нет* (письмо к Т. Зибуновой) [9]. В контексте, окрашенном авторской иронией по отношению к Солженицыну и его поклонникам, писатель фамильярно назван *Исаичем*: *Известно, между прочим, что Зарецкий тайно ездил к Солженицыну. Был удостоен разговора продолжительностью в две минуты. Поинтересовался, что Исаич думает о сексе? Получил ответ, что «всё сие есть блажь заморская, антихристова лжа...»* (Иностранка) [5, т. 3, с. 295]. Причина выбора такой номинации, возможно, заключается в желании Довлатова соблюсти свой художественный принцип: избежать повтора первых букв слов в пределах одного предложения (*Солженицын, секс*). Однако показателен сам факт употребления автором фамильярной формы имени, невозможной в речи *адептов* Солженицына при их почти религиозном поклонении писателю – *пророку* (*пророком* Солженицын назван в четырёх контекстах): *Кто смел замахнуться на пророка?! Его особа священна! Его идеи вне критики!..* (Ремесло) [5, т. 3, с. 169]; *Как умел, противоречил благоговейным и туповатым адептам великого Солженицына* (Марш одиноких) [5, т. 2, с. 568]. Сочетание лексем с книжной и разговорной окраской,

характеризующих почитателей творчества Солженицына, свидетельствует о критическом отношении Довлатова к ним: *адепт* (книжн.) – ‘приверженец, последователь какого-н. учения’ [8, с. 26]; *благоговейный* (высок.) – ‘исполненный благоговения’, *благоговение* (высок.) – ‘глубочайшее почтение’ [8, с. 55]; *туповатый* – см. *тупой* – ‘лишённый острого восприятия, несообразительный, а также свидетельствующий об умственной ограниченности’ [8, с. 814].

Несовпадение мнений о Солженицыне было причиной ссоры друзей, что эксплицировано средствами предикации: ...*Лосев (с которым я давно в разладе из-за моей недооценки Солженицына – здесь это бывает)...* (письмо к А. Арьеву) [4, с. 337]. Довлатов не идеализировал Солженицына: признавая масштаб личности писателя, называл его *великим*, но неоднократно указывал на необходимость объективной оценки идей, изложенных в текстах Солженицына. 13 контекстов с прецедентным именем включают лексему *критика* и однокоренные единицы: *Мы восхищаемся Солженицыным и потому будем критически осмысливать его работы* (Марш одиноких) [5, т. 2, с. 491]. Это заявление сделано от лица свободомыслящих эмигрантов довлатовского поколения (*мы*); о восхищении Солженицыным самого Довлатова в прошлом свидетельствует контекст, содержащий ироническое сравнение: *Всех тех людей в Нью-Йорке, которые не воруют, я знаю по именам и восхищаюсь ими так же, как в Союзе восхищался Солженицыным* (письмо к Владимовым) [4, с. 290]. Довлатов включил писателя в число недоступных кумиров: *Потом были другие ку-*

миры. Синявский... Наконец, Солженицын... <...> Синявский был недостижим. Солженицын – тем более (Литература продолжается) [5, т. 4, с. 349].

Портрет Солженицына в доме свидетельствовал не только о восторженном отношении к писателю, но и о принадлежности владельца к кругу диссидентов и сочувствующих им: «Солженицын был очень опальный, поэтому каждый держатель портрета не только выражал своё восхищение им, но и сам как бы демонстрировал приобщение к подвигу» [1]. В тексте повести «Наши» портрет Солженицына является знаком *умеренного диссидентства* дяди автобиографического героя: *У изголовья его висел небольшой портрет Солженицына. Когда приходили гости, дядя его снимал...* (Наши) [5, т. 2, с. 370], в «Чемодане» – отличительной чертой инакомыслящих:

– *Вам можно доверять. Я это сразу поняла. Как только увидела портрет Солженицына.*

– *Это Достоевский. Но и Солженицына я уважаю...* (Чемодан) [5, т. 3, с. 435].

В «Филиале» огромный портрет писателя охарактеризован одним из эмигрантов как ценный подарок: *Катастрофа! Я вёз участникам форума ценный подарок. Портрет Солженицына размером три на пять. Я вёз его на крыше моей «тойоты». В районе Детройта портрет отвязался и улетел* (Филиал) [5, т. 4, с. 122]. В контексте проявляется ирония автора.

Закономерно, что Солженицын, которого уважали инакомыслящие, вызывал ненависть и зависть носителей советской идеологии. Их негативная оценка передана в контекстах, воссоздающих речь Фурцевой (*Почему у*

Ростроповича на даче живёт **этот кошмарный Солженицын?! (Записные книжки)** [5, т. 4, с. 216]) и Катаева (...**Фотографии этого типа** красуются на первых страницах западных газет, а я, Катаев, всю жизнь служил режиму, коверкал свои произведения... (Чернеет парус одинокий) [5, т. 4, с. 357]). Имя **Солженицын** употреблено с указательным местоимением **этот** и оценочными лексемами **кошмарный, тип**, выражающими резко негативное отношение.

Довлатов в публицистическом тексте довёл до абсурда расчётливость **функционера и приспособленца**, который хотел извлечь выгоду из своего восхищения Солженицыным при изменении государственного строя: **В записках говорится, как редактор журнала наедине с Лосевым перевозил Солженицына.** <...> – **Я у Лосева справку возьму...** <...> **Что я восхищался Солженицыным.** <...> **И буду я по-прежнему редактировать журнал** (Уроки чтения) [5, т. 4, с. 309–310].

В пяти контекстах Довлатов сопоставил себя (или автобиографического героя) с Солженицыным: **Литературным власовцем заделался не хуже Солженицына** (Заповедник) [5, т. 2, с. 314]. В реплике майора Беляева, представителя карательной системы, содержится негативнооценочная характеристика **литературный власовец**, которую получил Солженицын во время кампании против него [10].

Семь контекстов отражают противопоставление Солженицына и Довлатова, указывают на различия в их судьбах и масштабах таланта (Довлатов объясняет отличие своей «тюремной повести» «Зона» от книг Солженицына): **Разумеется, я не Солженицын.**

Разве это лишает меня права на существование? <...> Солженицын был заключённым. Я – надзирателем. <...> **Поверьте, я не сравниваю масштабы дарования. Солженицын – великий писатель и огромная личность. И хватит об этом** (Зона). Использование парцелляции «приводит к дополнительной актуализации ремы, позволяет автору сконцентрировать внимание читателя на важном фрагменте текста...» [3, с. 23].

Анализ текстов различных жанров показал значимость прецедентного имени **Солженицын** в структуре языковой личности С.Д. Довлатова. Запечатлённое Довлатовым в текстах отношение к А.И. Солженицыну изменилось с течением времени от восхищённого до критического, что было типичным для свободомыслящих представителей творческой интеллигенции, современников Солженицына, и эти изменения сказались на коннотативном фоне прецедентного имени.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Войнович В. Портрет на фоне мифа [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.ru/PROZA/WOJNOWICH/portret> (дата обращения: 14.02.2014).
2. Генис А. Довлатов и окрестности // Генис А. Частный случай: филологическая проза. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – С. 15–216.
3. Добрычева А.А. Парцелляция осложняющих компонентов предложения в прозе Сергея Довлатова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2013. № 6. – С. 19–23.
4. Довлатов С.Д. Жизнь и мнения. Избранная переписка. – СПб.: ООО «Журнал “Звезда”», 2011. – 384 с.
5. Довлатов С.Д. Собрание сочинений: в 4 т. – СПб.: Азбука-классика, 2006.

6. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Филология, 1997. – Вып. 1. – С. 82–103.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – 7-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1991. – 917 с.
9. Письма С.Д. Довлатова к Т. Зибуновой [Электронный ресурс]. – URL: <http://zibunova.narod.ru/> (дата обращения: 14.02.2014).
10. Сарнов Б. Феномен Солженицына [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.rus.ec/b/421612/read> (дата обращения: 14.02.2014).

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРА

УДК 801.81:82,-155"1832-1836"Пушкин

Джанумов С.А.

Московский городской педагогический университет

НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В ПИСЬМАХ А.С. ПУШКИНА 1832 – 1836 ГОДОВ

Аннотация: В статье выявляются многочисленные факты обращения к русским народным пословицам и поговоркам в письмах А.С. Пушкина 1832 – 1836 годов, рассматриваются принципы их использования в эпистолярном наследии поэта, их соотношение с его художественным творчеством, поскольку многие из народных изречений, встречающиеся в его письмах, творчески им использованы в его произведениях. Эти письма – существенная часть его эпистолярного наследия, важная для изучения фольклоризма, личности, событий и фактов жизни поэта. Делается вывод о том, что пословицы и поговорки естественно и органично входят в текст писем, приводятся в связи с определённой жизненной ситуацией, т. е. именно так, как они бытуют в народе.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, пословицы, поговорки, письма, упоминание, творческое использование.

S. Dzhanumov

Moscow City Teachers' Training University

FOLK PROVERBS AND SAYINGS IN A. PUSHKIN'S LETTERS OF THE 1832–1836S

Abstract. The article deals with numerous instances of referring to Russian proverbs and sayings in letters written by A. Pushkin in 1832-1836s and provides further analysis of the principles of their creative usage in the epistolary heritage of the poet in relation to his belles-lettres works, because many of folklore adages, that can be found in his letters, are used by him in the creative way in his fiction. These letters are essential part of his epistolary heritage, which is important for studying of folklorism, personality, events and facts of poet's life. It is concluded that proverbs and sayings naturally and organically come into the text of the letters, are used in the connection of different life events, closely resembling the way such sayings are traditionally used by Russian people.

Key words: A. Pushkin, proverbs, sayings, letters, mentioning, creative usage.

Данная работа завершает цикл статей, посвящённых фиксации и функциям народных пословиц и поговорок в письмах А.С. Пушкина [1, с. 135-143], [2, с. 56-64]. Ввиду ограниченного объёма статьи, обратившись к эпистолярному наследию поэта, мы выбрали хронологически определённый период: с 1832 по 1836 год включительно, так как в письмах, датированных январём 1837 года, народных пословиц и поговорок нами не обнаружено (все эти письма помещены в XV и XVI томах Полного собрания сочинений А.С. Пушкина в 16-ти томах [7, т. XV. Переписка 1832 – 1834; т. XVI. Переписка 1835-1837]). Тексты Пушкина приводятся по этому изданию и, как отмечено в предисловии от редакции, иногда с отступлением от общепринятых орфографических и пунктуационных норм, отражающих «...живой язык поэта, с точки зрения его произношения, грамматической и лексической системы» [7, I, с. XI].

Ещё в 70-х годах XIX века в предисловии к публикации писем А.С. Пушкина к жене – «Новые письма А.С. Пушкина. Июль 1830 – май 1836 г. От издателя» И.С. Тургенев не только объяснил значение этих писем для читателя и наметил главные аспекты изучения эпистолярного наследия поэта в последующие годы, но и тонко подметил одну важную и любопытную особенность публикуемых писем: «Пушкин был не только самым талантливым, но и самым русским человеком своего времени; и уже с одной этой точки зрения его письма достойны внимания каждого образованного русского человека; для историка литературы они – сущий клад: нравы, самый быт известной эпохи отразились в них

хотя быстрыми, но яркими чертами» [10, X, с. 360].

Это суждение Тургенева справедливо не только относительно писем Пушкина к жене. Пушкин был «самым русским человеком своего времени» и в письмах к друзьям, к издателям его произведений, к журналистам. Одна из характерных примет эпистолярного стиля Пушкина – широкое использование в его письмах русских народных пословиц и поговорок, введение просторечной лексики и фразеологии в текст писем. В приложении – сопроводительной статье к книге «А.С. Пушкин. Письма к жене» – Я.Л. Левкович, касаясь языка и стиля писем поэта к Наталье Николаевне, в частности, отмечала: «Пушкин любит энергию простонародных выражений» [6, с. 100]. Эта «энергия простонародных выражений» во многом достигалась за счет обильного включения в текст пушкинских писем народных пословиц и поговорок.

В постскриптуме письма к А.А. Орлову (9 января 1832 года. Петербург), отказываясь вступать в полемику с издателем журнала «Московский телеграф» Н.А. Полевым, который в своём журнале дал отрицательный отзыв о первой книжке «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя, Пушкин вспоминает известную пословицу: «Кажется теперь г. Полевой нападает на вас и на меня; собираюсь на него рассердиться; покаместь с ним возьмется Воейков и Сомов под именем Н. Лугового – *моё дело сторона* (здесь и далее пословицы и поговорки в письмах Пушкина выделены мною курсивом. – С. Д.)» [7, XV, с. 2] (ср. у И.М. Снегирева «*Моё дело сторона, а муж мой прав*» [8, с. 163; 303]). О.М. Сомов (под псев-

донимом Никита Луговой) действительно резко и довольно убедительно выступил против Н.А. Полевого в газете «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”» А.Ф. Воейкова (1831. № 94. 25 ноября).

Сразу две пословицы употребляет Пушкин в письме к публицисту и критику И.В. Киреевскому от 11 июля 1832 года из Петербурга. Касаясь запрещения (в феврале того же года) издаваемого И.В. Киреевским журнала «Европеец», поэт объясняет адресату письма, почему он прервал переписку с ним: «Я прекратил переписку мою с Вами, опасаясь навлечь на Вас лишнее неудовольствие или напрасное подозрение, не смотря на мое убеждение, что *уголь сажею не может замараться* (здесь и далее курсив мой. – С. Д.)» [7, XV, с. 26] (ср. у И.М. Снегирева: «Уголь сажи не белей, а возьмишь его смелей» [8, с. 259]). В своём «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даль приводит эту пословицу в пушкинском варианте: «Угля сажей не замараешь» [9: т. 4, с. 942].

В том же письме Пушкин даёт понять, что «Европеец» был запрещён не по доносу Ф.В. Булгарина или его окружения, но сверху, т. е. Третьим отделением или даже самим Николаем I: «Запрещение Вашего журнала сделало здесь большое впечатление; все были на Вашей стороне, то-есть на стороне совершенной безвинности; донос, сколько я мог узнать, *ударил не из Булгаринской навозной кучи, но из тучи*» [7, XV, с. 26] (ср. у И.М. Снегирева: «Гром гремит не из тучи, а из навозной кучи» [8, с. 86]). Как видим, желая доказать И.В. Киреевскому, что запрещение его журнала последовало с самых вершин властных структур, Пушкин

переосмысливает народную пословицу, придаёт ей прямо противоположный смысл.

О том, что Пушкин в своих предположениях был недалёк от истины, писал Л.Г. Фризман в статье «Иван Киреевский и его журнал “Европеец”», приводя обнаруженную им в Секретном архиве Третьего отделения записку-донос: «Записка о “Европейце», подтверждает, насколько прав был Пушкин, когда сообщал Киреевскому: “...донос, сколько я мог узнать, ударил не из Булгаринской навозной кучи, но из тучи... Что это за “туча”, из которой “ударил”, донос и которую Пушкин противопоставляет булгаринской камарилье? Скорее всего – Третье отделение» [11, с. 434].

В письме к поэту И.И. Дмитриеву от 14 февраля 1835 года из Петербурга, сообщая ему о смерти непрямого секретаря Российской Академии П.И. Соколова, Пушкин использует народную пословицу и для того, чтобы передать свое пренебрежительное отношение к должности П.И. Соколова, и для игры словами, каламбура: «Не известно, кто будет его (П.И. Соколова. – С. Д.) преемником. *Святое место пусто не будет*; но место непрямого секретаря было довольно пустое, даже не будучи упразднено» [7, XVI, с. 11] (ср. у И.М. Снегирева: «Святое место не будет пусто» [8, с. 234]).

В письме к В.Ф. Одоевскому (апрель-май 1835 года. Петербург), предлагая ему подписаться на будущее совместное издание «Летописец» («Современный летописец политики, наук и литературы...»). Издание не было осуществлено), Пушкин вспоминает народную пословицу: «Итак подпишитесь, князь! извольте заплатить, ваше

сиятельство – *стерпится слюбится*. Не скупитесь» [7, XVI, с. 28] (ср. у И.М. Снегирева: «Стерпится, слюбится» [8, с. 245], у В.И. Даля: «От того терплю, кого больше люблю» [4, с. 744]). Пушкин до и после этого письма не раз употреблял эту полюбившуюся ему поговорку в своей художественной прозе: в «Барышне-крестьянке», в том месте повести, где Иван Петрович Берестов приказывает своему сыну Алексею жениться на Лизе Муромской, а когда тот решительно отказывается, говоря, что она ему «вовсе не нравится», Иван Петрович ссылается на народную мудрость: «После понравится. Стерпится, слюбится» [7, VIII, с. 123]; в «Капитанской дочке», где Иван Игнатъич использует эту поговорку, чтобы утешить Петра Гринёва, которого «упекли в наше захолустье», т. е. в Белогорскую крепость: «Не ты первый, не ты последний. Стерпится, слюбится» [7, VIII, с. 295].

В письме к Н.М. Языкову от 14 апреля 1836 года из Голубова (имении барона Б.А. Вревского) Пушкин, используя одновременно поговорочную формулу и сказочный мотив «живой» и «мёртвой воды», обращается к нему с просьбой о сотрудничестве в «Современнике» и о присылке в журнал новых стихотворений: «Будьте моим сотрудником непременно. Ваши стихи: *вода живая*; наши – *вода мёртвая*; мы ею окатили Современника; опрысните его Вашими кипучими каплями» [7, XVI, с. 105] (ср. у В.И. Даля: «Мёртвой-живой воды испить, да живучим корешком закусить» [4, с. 285]).

По сказочному мотиву, «мёртвая вода» обладает способностью собирать воедино разрозненные части трупа, исцелять раны, а «живая вода» – воскре-

шать его. В своей книге «Исторические корни волшебной сказки» В.Я. Пропп отмечает: «Живая и мёртвая вода не противоположны друг другу. Они друг друга дополняют. "Спрыснул Иван-царевича мёртвою водою – его тело срослось, спрыснул – живую водою – Иван-царевич встал,» (Аф. 168) (цитата из сборника А.Н. Афанасьева «Народные русские сказки». Т. 1-3 / Подготовка текста, предисловие и примечания В.Я. Проппа. – М., 1957. – С. Д.). Такова каноническая формула применения этой воды» [5, с. 197]. Этот же сказочный мотив Пушкин впервые использовал в поэме «Руслан и Людмила» (1820):

*И стал над рыцарем старик
(Финн. – С. Д.),
И вспрыснул мёртвою водою,
И раны засияли вмиг,
И труп чудесной красотой
Процвёл; тогда водою живую
Героя старец окропил,
И бодрый, полный новых сил,
Трепеща жизнью молодою,
Встаёт Руслан... [7, IV, с. 80].*

Аналогичный образ, но уже употреблённый в сатирических целях, см. в эпиграмме Пушкина на М.Т. Каченовского «Там, где древний Кочерговский...» (1829):

*Дурень, к солнцу став спиною,
Под холодный Вестник свой
Прыскал мёртвою водою,
Прыскал ижицу живой [7, III,
с. 156].*

В коротком (в несколько строк) письме к В.Ф. Одоевскому (около (не позднее) 29 декабря 1836 года. Петербург) Пушкин пишет о решении во что бы то ни стало поместить в своём журнале «Современник» не дошедшую до нас статью Ф.Ф. Вигеля, со-

державшую критику какой-то статьи Ф.В. Булгарина. Ранее, в письме к Пушкину (конец ноября – начало декабря 1836 года. Петербург) В.Ф. Одоевский выражал опасение, что «...цензура, наверно, уничтожит в ней (в этой статье. – С. Д.) лучшую половину» [7, XVI, с. 195]. Поэтому в своём ответном письме В.Ф. Одоевскому Пушкин, высоко оценив эту статью Ф.Ф. Вигеля («так же зло, как и дельно»), говорит о том, что он всё-таки попытается напечатать в «Современнике» эту критику на Ф.В. Булгарина (статья так и не была опубликована). И, чтобы подчеркнуть свою решимость, ссылается на пословицу: «Думаю, цензура однако ж не всё уничтожит – на всякой случай *спрос не беда*» [7, XVI, с. 206] (ср. у В.И. Даля: «Попытка, не штука (шутка), а спрос не беда» [4, с. 490]). Пушкин и ранее использовал эту пословицу (в несколько ином варианте) в своей «Сказке о мёртвой царевне и о семи богатырях» (1833):

*Братья молча постояли,
Да в затылке почесали.*

*«Спрос не грех. Прости ты нас», –
Старший молвил поклонясь...*
[7, III, с. 548].

Ещё в одном коротком письме к В.Ф. Одоевскому (декабрь 1836 года. Петербург) Пушкин, отказываясь печататься в «Детском журнале», издаваемом чиновником, писателем и переводчиком А.Н. Очкиным (с 1837 года – совместно с чиновником и литератором князем В.В. Львовым), ссылается на известную поговорку: «Батюшка, Ваше сиятельство! Побойтесь Бога: я ни Львову, ни Очкину, ни детям – *ни сват, ни брат*» [7: XVI, с. 211] (ср. у М.И. Михельсона: «Ни кум, ни сват»; «Брат братом, сват сватом, а денежки не сосватаны» [3, т. 1, с. 694; 73]).

И, наконец, в письме к товарищу по Лицею М.Л. Яковлеву (1836 год (?). Петербург), которое начинается стихотворным четверостишием, Пушкин для характеристики петербургского книготорговца и издателя А.Ф. Смирдина использует сразу и поговорку, и пословицу:

Смирдин меня в беду поверг:

У торгоша сего семь пятниц на неделе,

Его четверг на самом деле

Есть после дождичка четверг
[7, XVI, с. 209] (ср. у И.М. Снегирева: «На одной неделе семь пятниц»; «После дождичка в четверг» [8, с. 172; 218]).

Рассмотренные в статье письма Пушкина, в которых то и дело встречаются пословицы и поговорки, представляют значительный интерес, так как помогают понять особенности эпистолярного стиля поэта, его восприимчивость к малым жанрам фольклора, творческие принципы использования афористического фольклора. Очень важно осмыслить, в каком контексте употребляются те или иные народные изречения, в связи с какой конкретной жизненной ситуацией и почему они так естественно и органично входят в текст писем Пушкина. Пушкин нередко доверяет пословицам и поговоркам функцию морали (но не морализирования), житейской мудрости, применяет в качестве своеобразного непогрешимого нравственного критерия в оценке тех или иных людей и событий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Джанумов С.А. Народные пословицы и поговорки в письмах А.С. Пушкина 1821 -1827 годов // Русистика и компаративистика: Сборник научных ста-

- тей. Выпуск VIII. – Вильнюс-Москва: Edukologija, 2013. – С. 135-143.
2. Джанумов С.А. Народные пословицы и поговорки в письмах А.С. Пушкина к жене // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2013. № 4. – С. 56-64.
 3. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2-х тт. – М.: ТЕРРА, 1994. – Т. 1. – 781 с.; Т. 2 – 832 с.
 4. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 991 с.
 5. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. – 365 с.
 6. Пушкин А.С. Письма к жене / Издание подготовила Я.Л. Левкович. – Л.: Наука, 1987. – 260 с.
 7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16-ти тт. / А.С. Пушкин. – [Б.м.]: Издательство АН СССР, 1937-1949 (в тексте нашей статьи после цитаты в квадратных скобках римскими цифрами обозначен том, арабскими – страница этого издания).
 8. Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи / И.М. Снегирев / Издание подготовил Е.А. Костюхин. – М.: Индрик, 1999. – 624 с.
 9. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4-х томах. – Том четвертый. – СПб.; М.: Издание товарищества М.О. Вольф, 1904. – 1619 с.
 10. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти тт. – Сочинения: В 12-ти тт. – Т. 10. – М.: Наука, 1982. – 607 с.
 11. Фризман Л.Г. Иван Киреевский и его журнал “Европеец” // Европеец, журнал И.В. Киреевского. 1832 / Издание подготовил Л.Г. Фризман. – М.: Наука, 1989. – С. 385-479.

УДК 821.161.1–21 Булгаков

Наталья Калох Вид

Мариборский государственный университет (республика Словения)

ЯЗЫК АПОКАЛИПСИСА В ДРАМЕ М.А. БУЛГАКОВА «БЕГ»: АЛЛЮЗИЯ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ

Аннотация. В настоящей статье проведён анализ употребления аллюзии как стилистического средства в драме М.А. Булгакова «Бег». Подбор аллюзий указывает на значение апокалиптического мифа, который наряду с другими претекстами, является структурообразующим компонентом драмы и обязательным компонентом интерпретативного процесса. Проведённый в исследовании анализ показывает, что все употреблённые аллюзии имеют важные и вполне определённые функции в конструкции художественного пространства драмы и являются не случайными вкраплениями, а существенной частью творческой технологии Булгакова. Большинство ключевых аллюзий являются амбивалентными, в первую очередь аллюзия на Небесный град Иерусалим и на проклятый Вавилон, а также на апокалиптического зверя и Спасителя.

Ключевые слова: апокалипсис, Булгаков, «Бег», аллюзия, мотив, Хлудов, интертекстуальность.

N. Kalokh Vid

Maribor State University (Republic of Slovenia)

THE LANGUAGE OF REVELATION IN M. BULGAKOV'S DRAMA «FLIGHT»: ALLUSION AS A STYLISTIC DEVICE

Abstract. This research is based on the analysis of allusions as a stylistic device in M. Bulgakov's drama "Flight". The number of allusions in the text signify the importance of a Revelation which, along with other intertexts, is an important structural component of the drama and a necessary component of an interpretation process. The analysis is intended to show that the allusions have important and clear functions in the construction of the text. They are not accidental and should be studied as an essential part of Bulgakov's artistic strategies. Most of the key allusions are ambivalent, above all the allusion to the Holy City and Babylon and the allusion to the apocalyptic beast and the Savior.

Key words: revelation, Bulgakov, Flight, allusion, motif, Khludov, intertext.

За свою историю Россия не однажды переживала взрывы эсхатологических настроений, и каждый раз это была глубинная реакция на смутное, кризисное, переходное состояние общества. И каждый раз при этом в литературе возрастал писательский спрос

на определённого рода интертекстуальные знаки, актуализировалась мифологическая фигура Антихриста, знаковую силу обретал практически каждый образ, каждая деталь, каждое слово Патмосского пророка. В смысле яркости, остроты и своеобразия эсхатологического напряжения XX веку по

праву должно быть отведено особое место, что русская литература почувствовала уже в первые годы столетия [7, 96-97, 101].

Единый сюжет апокалиптического крушения мира, включающий приход зверя, последнюю битву, второе пришествие, суд и воскресение праведников, вознесение Нового Иерусалима – с самого начала становится центральным и в творчестве М.А. Булгакова, и в дальнейшем постоянно продумывался и обыгрывался им в его текстах. Отмеченные исследователями множественные аллюзии и цитаты из апокалиптического пророчества, которые появляются во всех произведениях М.А. Булгакова, ясно свидетельствуют об особом значении апокалиптического контекста в процессе конструирования художественного мира писателя. Нет сомнения в том, что такая глобальная проекция была у него сознательной и обдуманной. Следует говорить не просто об использовании традиционной библейской образности, а о её фундаментальном, структурообразующем значении в произведениях М.А. Булгакова – соотносённость повествования с текстами Писания и библейской истории стала конструктивным фактором построения булгаковской прозы и драматургии, одной из смыслопорождающих моделей.

М. Яворник определяет художественную проекцию Булгакова как лейтмотивную – построенную на основе бесконечной повторяемости схем, ликов и сюжетов в историческом процессе [8, с. 193]. Именно лейтмотивность творчества Булгакова, прослеживающаяся как структурная константа во всех произведениях пи-

сателя, является ключевым фактором мифопоэтического взгляда писателя на мир.

Данное исследование базируется на использовании метода интертекстуального анализа, который представляется наиболее подходящим для выполнения поставленной задачи – выявления интертекстуальных отношений между творчеством М.А. Булгакова и библейским Откровением Иоанна Богослова, на основе которых сложилась своеобразная апокалиптическая поэтика булгаковской прозы, получившая бурное развитие в дальнейших произведениях писателя.

Важнейшим элементом интертекстуального анализа является аллюзия, которая представляет собой приём текстообразования, заключающийся в соотношении создаваемого текста с каким-либо прецедентным фактом – литературным или историческим. В отличие от цитат, аллюзии имеют минимальный семантический потенциал. Содержащее аллюзию высказывание практически всегда отсылает читателя к ситуации, находящейся за пределами текста, и только в том случае, если читатель способен проследить, к чему ведёт аллюзия, она проявляет себя полноценно. Большинство аллюзий требует досконального знания об эпохе и личностях в момент создания произведения и предшествующих ему. В противном случае их дешифровка становится невозможной, и аллюзия теряет свой смысл.

Функции аллюзий могут быть различны, но, по утверждению М. Ювана, всегда позволяют «писателю углубить смысл своего произведения за счёт аналогий с мифами, легендами, литературными произведениями и биогра-

фиями других авторов» [9, с. 31]. При этом писатель, ориентируясь на эрудированного читателя, не обязан предоставлять детальное описание источника, ограничиваясь лишь намёком, и таким образом не нарушая структуры своего произведения. Сопоставление с другими интертекстами даёт произведению глубину и выводит его на более широкий интерпретативный уровень.

Аллюзия, по Н. Фатеевой, «заимствование определённых элементов предтекста, по которым происходит их узнавание в тексте-реципиенте, где и осуществляется их предикация» [5, с. 28, 33]. От цитаты аллюзия отличается тем, что заимствование элементов выборочно, а целое высказывание текста-донора присутствует в новом тексте только имплицитно. Н. Фатеева приходит к выводу, что в случае «аллюзии на первое место выходит конструктивная интертекстуальность, цель которой организовать заимствованные элементы таким образом, чтобы они оказывались узлами сцепления семантико-композиционной структуры текста. Как и цитаты, аллюзии могут быть атрибутированными и неатрибутированными» [5, с. 29-33].

В пьесе «Бег» (1928), которая так и не была поставлена при жизни писателя, Булгаков разворачивает картину исторического Апокалипсиса и крушения старой жизни, доводя её до апогея, и максимально сосредоточивается на проблеме личной ответственности каждого индивидуума за свои поступки. Многочисленные аллюзии на апокалиптическое пророчество свидетельствуют об осознанной ориентации автора на данный библейский предтекст.

В качестве эпиграфа к «Бегу» использованы строки из стихотворе-

ния В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов». М.О. Чудакова подробно останавливается на влиянии, которое оказало на Булгакова это стихотворение [6, с. 362–363]. В период завершения работы над «Белой гвардией» в 1924 году Булгаков записывает в свой дневник строки Жуковского, которые впоследствии станут эпиграфом к «Бегу». Характерно, что стихотворение Жуковского появляется здесь в контексте размышлений о гражданской войне. «Бег» для Булгакова – это отступление и эмиграция потерпевших поражение белогвардейцев (здесь возникает ассоциация с «тараканьими бегами»), но это и идея жизненного пути, земной судьбы, полной бед и испытаний. Этот земной путь связан не столько с героизмом, подвигом, сколько со стремлением к тихому пристанищу, покою, забвению. Мотив «усталости», начавший звучать уже в «Белой гвардии» и «Беге», получит своё завершение в последнем романе Булгакова.

Сюжет самой пьесы построен на параллелях с библейскими топосами: Апокалипсис, мировой пожар (1 сон), Судный день (2-3 сны), Исход (4 сон), поиски земли обетованной (5-7 сны), обретение Нового Иерусалима (8 сон). Тема светопреставления, конца времен открывает уже первый сон «Бега», в котором нарушаются пространственно-временные связи, тьма покрывает монастырь, где укрылись главные герои. Сравним с Откровением: «Пятый вылил свой сосуд на престол зверя, и его царство погрузилось во тьму» [1, Откр. 16: 10]. Монахи бесшумно появляются и исчезают со свечами. В окне видится зарево пожаров, пляшут красные отсветы. Герои словно пытаются

спасти от мирового пожара революции в ненадежном «ковчеге».

В самом начале второго действия появляется аллюзия на Судный день: «И судимы были мертвые по написанному в свитках сообразно делам их» [1, Откр. 20: 12]. Суд вершит генерал Хлудов, ставший по воле случая вешателем и палачом своего народа. Само место действия — штаб белой армии — несет на себе отчетливый inferнальный колорит. «Окна оледенели, и по ледяным зеркалам время от времени текут змеиные огненные отблески от проходящих поездов. Горят переносные железные чёрные печки, горят керосиновые и электрические лампы на столах... Стеклопанель перегородки, в ней зеленая лампа казенного типа и два зеленых, похожих на глаза чудищ огня кондукторских фонарей» [2, с. 538]¹.

Однако аллюзия на Судный день амбивалентна. Параллельно с аллюзией на суд неправедный разворачивается и аллюзия на Суд высший, весть о котором доносят Хлудову герои с говорящими аллюзивными именами: Серафима (серафим — один из высших ангельских чинов) и вестовой Крапилин, напоминающий генералу о «страхе Божиим», о том, что и он — смертный человек, и есть над ним вечный Судья. Вестовой — буквальный перевод на русский язык слова «ангел» — «вестник».

В начале второго действия пьесы возникает и аллюзия на апокалипти-

¹ Героев одолевает «сатанинство». По замечанию А. Смелянского, в «Беге» «проваливаются», «исчезают», «уходят в землю», «возникают», «вырастают из-под земли», «заносятся в гибельные выси», «закусывают удила», «скалятся», «сатанеют от ужаса», «взлетают», «вырастают из люка», «выходят из стены», «взвиваются над каруселью» [4, с. 178].

ческого зверя. Утрата веры в миссию белой армии, убеждение в том, что Бог и все небесные силы давно отступились от белогвардейцев, составляет суть высокого трагического напряжения, пронизывающего образ Хлудова². Тот, кого интеллигенция и церковь пытаются представить заступником несчастных, спасителем России, в итоге оказывается «оголтелым зверем», «шакалом». Эту истину, которую интуитивно чувствует и сам Хлудов, изрекает Серафима: «Из Петербурга бежим. Всё бежим, да бежим. Куда? К Хлудову под крыло! Всё снится: Хлудов... (Улыбается). Вот и удостоились лицеизреть. Дорога и, куда ни хватит глаз человеческих, все мешки да мешки! (Тишина). Зверюга, шакал!» [2, с. 235].

Заданные параметры восприятия рушатся этими фразами, сказанными в бреду, в горячке, долетевшими из другого измерения, не исторического, а вечного, нравственного, где нет мифа о Хлудове, а есть изувеченная грехом, непосильной тяжестью человеческая душа. Изречённое Серафимой предстаёт как абсолютная истина, сказанная в состоянии «восхищения». Когда Голубков неуклюже пытается защитить её, уверяя, что она больна и «не отдаёт себе отчёта в том, что говорит», Хлудов отвечает: «Это хорошо, что не отдаёт отчёта. Когда у нас отдавая отчёт говорят, ни слова правды не добьёшься» [2, с. 235]. Следом за Серафимой генерала обличает «красноречивый вестовой» Крапилин: «А ты пропадёшь, шакал, пропадёшь, оголте-

² Хочется напомнить, что во всем творчестве Булгакова нет больше фигуры столь драматичной и противоречивой, возвышенной и надломленной, как генерал Хлудов. Образ «проклятого» генерала логически завершает эпопею, посвящённую гражданской войне.

лый зверь, в канаве!» [2, с. 236]. В его речах генерал окончательно предстаёт в образе апокалиптического Зверя, а коллизия между Хлудовым и Серафимой создаёт аллюзию на апокалиптический эпизод преследования «жены, облечённой в солнце» «драконом» [1, Откр. 12: 1-3]. «Точно так! Как в книгах написано — шакал!.. За что ты, мировой зверь, порезал солдат на Перекопе? Попался тебе, впрочем, один человек, женщина, пожалела удушенных! Но мимо тебя не проскочишь, нет. Сейчас ты человека — цап! В мешок! Стервятиной питаешься?» [2, с. 236].

Хлудов, как и все, оказавшиеся в воронке «конца света», неумолимо приближается к роковому пределу. Его «судьбоносный поступок», который открывает для него новый этап жизни, этап проживания и искупления трагической вины — казнь Крапилина. Примечательно, что Хлудов безропотно слушает пророчества Крапилина, которые тот изрекает в состоянии транса, «заносясь в гибельные выси»; едва солдат выходит из состояния экстаза и начинает смиренно молить о прощении за свою дерзость, Хлудов тут же возвращается к своей заученной роли, бросая привычное: «Повесить!» [2, с. 236]

После разговора с вестовым Хлудов отдаёт свой последний приказ — это его прощальный «выход на сцену» в роли «зверя». «Начальнику 'Офицера' передать, чтобы прошёл сколько может по линии и огонь... (Пауза. Яростно.) Чужих, чужих, своих и посторонних пусть в землю втопчет на прощанье!» [2, с. 237]

Бешеное, «звериное» в Хлудове апокалиптически торжествует, и его ярость озвучивает далёкий вой бро-

непоезда. Но внутренний перелом уже произошёл. В конце второго действия «в полутьме» виден мешок и надпись «Вестовой Крапилин — большевик». Хлудов, глядя на Крапилина, размышляет: «Я болен, болен, только не знаю, чем» [2, с. 237]. С этого признания своей нравственной болезни начинается мученический путь Хлудова.

Мотив бегства белой армии и интеллигенции из России, охваченной пожаром, при помощи библейских аллюзий прямо соотносится с исходом избранного народа из земли рабства и в то же время трагически снижается путём сравнения с тараканьим бегом впотьмах. «В кухню раз зашёл в сумерки — тараканы на плите. Я зажёл спичку — чирк!.. а они побежали. А спичка возьми да погасни. Слышу, они лапками шуршат, бегут — шуршур, мур-мур. И у нас тоже — мгла и шуршание. Смотрю и думаю: куда они бегут? Как в ведро? с кухонного стола, бух!» [2, с. 245].

Обетованная земля, которую ищут герои, ассоциируется со святым градом, и аллюзия на Небесный Иерусалим из Откровения является одной из ключевых в третьем и четвертом действиях. В композиционном членении пьесы усматривается определённый нумерологический символизм. Бедствиям и исходу посвящены семь снов, в восьмом фрагменте сны кончаются, завершаясь сотворением нового мира. Числа семь, символически обозначающее сотворённую Вселенную, и восемь, означающее выход за пределы житейского мира, мотив Возрождения, звучащий в конце пьесы, тематически связаны с Откровением св. Иоанна: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя зем-

ля миновали» [1, Откр. с. 21: 1]. Обетованная земля и Небесный Иерусалим у Булгакова совмещаются, становятся единым понятием. В восприятии героев это покинутая ими Россия. В их памяти возникают Москва, Петербург, Харьков, Белгород, но более всего — Киев. «Чарнота: ...Ах, город! Каких я только городов не перевидал, но тако-го... Да, видал я многие города, очаровательные города, мировые!.. Господи ж! Харьков, Белгород, Киев! Эх, Киев-город! Красота, Марья Константиновна! Вот так — Лавра пылает на горах, а Днепро, Днепро, неописуемый цвет! Травы! Сеном пахнет! Склоны! Доли!» [2, с. 252].

Характерно у Булгакова настойчивое повторение именно слова «город»: «Новый град», святой Иерусалим находится на горе, сияет и горит, озарённый невещественным, небывалым светом. У Булгакова воссоздаётся идеальный космос, Эдем, где все дарит радость, идеально приспособлено для человека: и свет, и воздух, и плодородная земля, и простор, и красота. Образ Нового Иерусалима противостоит образу Константинополя — «проклятого города» с его «тараканьими бегами». Мотивы, сопровождающие упоминание Константинополя, содержат набор адских признаков: духота, зной, теснота, толкотня, какофония, это город, где все заняты торговлей, мошенничеством, где процветают разврат, блуд. Константинополь предстаёт как Вавилон: город заполнен толпами беженцев, нищих, торговцев, бродяг. Аллюзии на вавилонское столпотворение появляются и в описании стихии разноголосья и разноязычия, царящего в городе. В начале четвёртого действия Булгаков приводит выкрики

балаганного зазывала, торговцев на разных языках, обрывочные фрагменты разноязычного говора на русском, турецком, французском, немецком, итальянском, английском. Голос в ресторане: «Un bitteck!». Русский монархический голос: «Врёшь ты, гадина, при чём тут императрица!». Итальянский полицейский: «Zitto! Silenzio!» Лакей: «A l'instant, monsieur!» и т. д. [2, с. 251].

Киев, синоним России, вечный город, несёт в себе идею дома и становится высшим воплощением национального начала, славянской святой культуры, которая должна быть сохранена. Следует напомнить, что Книга Исхода также несёт в себе идею обретения национального самосознания. Национальное, славянское, образ Небесного Иерусалима в конце пьесы связывается с вечным, неуничтожимым в бытии. В одной из последних ремарок хор монахов сливается с голосом муэдзина, а в последних репликах Голубкова и Серафимы звучит надежда, что сон-кошмар окончится, все будет, как было:

«Голубков. Не могу больше видеть этого города. Не могу слышать!

Серафима. Что это было, Серёжа, за эти полтора года? Сны? Объясни мне! Куда, зачем мы бежали? Фонари на перроне, чёрные мешки... Потом зной! Я хочу опять на Караванную, я хочу опять увидеть снег! Я хочу всё забыть, как будто ничего не было!

Голубков. Ничего, ничего не было, всё мерещилось! Забудь, забудь! Пройдёт месяц, мы доберёмся, мы вернёмся, и тогда пойдёт снег, и наши следы заметёт... [2, с. 276]».

Однако многие исследователи (в том числе и Б. Гаспаров) отмечают тот

факт, что, несмотря на явную эсхатологическую направленность, окончательный конец, абсолютный Апокалипсис в произведениях Булгакова никогда не наступает [3, с. 229]. Гибнет эпоха, завершается катастрофа, но историческое время не останавливается, и всё возвращается в исходную точку. В пьесе Булгаков вновь использует свой любимый приём — закольцовывание композиции, возвращение к началу, когда возникает ощущение, что все события фабулы только сон. Однако автор всегда указывает на то, что изменения всё же произошли. Не случайно в православный распев в финале пьесы вплетается пение муэдзина.

Примечательно, что в творчестве Булгакова Апокалипсис также означает не последнюю точку, а новый виток в циклической модели мира. На основе этого формируется главная философская позиция Булгакова, наиболее ярко выраженная в упомянутых произведениях: Апокалипсис гражданской войны и революции уже повторялся в истории России много раз, и несомненно будет повторяться и дальше. Интерпретация исторического Апокалипсиса намеренно амбивалентна и выведена в безграничное космическое пространство вечных истин и эстетических ценностей.

Проведённый в исследовании анализ показывает, что интертекстуальность используется Булгаковым сознательно как литературный приём, а все употреблённые цитатные фигуры имеют важные и вполне определённые функции в конструкции художественного пространства писателя и являются не случайными вкраплениями, а существенной частью творческой технологии Булгакова.

Интертекстуальная связь прозы Булгакова с апокалиптическим пророчеством посредством аллюзий – это скорее не только текстовые совпадения, но и прежде всего внутреннее средство, возникшее через осознание исторической судьбы России как череды Апокалипсисов. Динамика повествовательных форм в прозе Булгакова, отражающая некоторые общие закономерности развития русской прозы в первой четверти XX в., включает различные стилистические средства интертекстуальности с целью создания исторического фронтального апокалиптического сюжета, объединяющего всё творчество писателя. При этом историческая судьба России, её воинов вновь предстаёт как бесконечный цикл апокалипсисов, разрушений. Таким образом, вырисовывается и тематизирующая функция эпитафия, развивающая сложную и многоплановую тему бега / бегства человека за пределы истории и судьбы. В момент апокалиптического разрушения старого мира человеку не остаётся ничего другого, как спастись бегством в поисках спасения и вечного покоя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. – М: Московская Патриархия, 1968. – 291 с.
2. Булгаков М.А. Пьесы. Т. 3. – М: Художественная литература, 1990. – 702 с.
3. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. – М: Наука, 1994. – 303 с.
4. Смелянский А.М. Михаил Булгаков в Художественном театре. – М: Искусство, 1986. – 384 с.
5. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, интертекста в мире текстов. – М: Агар, 2000. – 280 с.

6. Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М: Книга, 1988. – 672 с.
7. Яковлев М.В. Апокалиптические мотивы во 2-ой «Симфонии» А. Белого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2008. № 1. С. 96–102.
8. Javornik M. Evangelij Bulgakova: (o ustvarjalnosti Mihaila Afanasjeviča Bulgakova).— Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 1994. – 228 p.
9. Juvan M. Intertekstualnost.— Ljubljana: DZS, 2000. – 323p.

УДК 82

Симонова Л.А.*Московский государственный областной университет***ОТ «ЖИЗНИ ЖОЗЕФА ДЕЛОРМА» К «СЛАДОСТРАСТИЮ»:
ХАРАКТЕР АВТОБИОГРАФИЗМА ПРОЗЫ Ш. СЕНТ-БЁВА**

Аннотация. В статье на примере произведений «Жизнь, стихотворения и мысли Жозефа Делорма» и «Сладострастие» рассматривается характер автобиографизма прозы Ш. Сент-Бёва. Особое внимание в статье уделяется авторскому замыслу, установке писателя на воссоздание художественными средствами своего жизненного опыта. Прослеживаемая в статье связь двух произведений помогает выявить, как в творчестве Сент-Бёва в русле романтической эстетики формируется тип героя, отражающий авторское сознание. В статье проводится сравнение главных героев рассматриваемых произведений, выявляется их связь с героями французского романа XIX века, а также их отношение к романтическому мифу «зла века».

Ключевые слова: автобиографизм, повествование, роман, герой, автор.

L. Simonova*Moscow State Regional University***FROM "LIFE, POETRY, AND THOUGHTS OF JOSEPH DELORME"
TO "THE SENSUAL MAN": THE NATURE OF AUTOBIOGRAPHICAL PROSE
SH. SAINTE-BEUVE**

Abstract. Basing on the works of "Life, poems and thoughts of Joseph Delorme" and "The sensual man" the article addresses the nature of autobiographical prose of Sh. Sainte-Beuve. Particular attention is paid to the author's intention, the mindset of representation of his life experience through the artistic means. Traceable connection between the two works helps to identify as in line with the mainstream romantic aesthetics the type of character is formed that reflects the author's consciousness. The article compares the main characters in the studied works, reveals their connection to the characters of the French novel of the 19th century, as well as their relationship to the romantic myth of "evil age."

Key words: autobiographism, story, novel, character, author.

Вопрос о характере автобиографизма «Сладострастия» (1834) – известного романа Ш. Сент-Бёва, вызвавшего в своё время у читающей публики большой интерес, – волновал многих литературных критиков и биографов талантливого критика и писателя. М. Регар настаивает на близости

главного героя и автора («Амори – это, по существу, сам писатель»), определяет «Сладострастие» как личный роман, исповедь Сент-Бёва, указывая на использование им детских и юношеских воспоминаний, а также на отражение в романе его увлечения Аделью Гюго (женой Виктора Гюго) [7, с. 69]. А. Билли видит в Амори портрет Сент-Бёва,

называет «Сладострастие» «личным произведением», в котором под покровом вымысла изображена и проанализирована индивидуальность автора [3, с. 169]. Р. Моло называет «Сладострастие» «интимным романом», указывая на его связь с «личным письмом» Сент-Бёва: после окончания работы над романом он начинает вести дневник [6, с. 114]. В. Жиро говорит о «Сладострастии» как о «духовной автобиографии»: «Сент-Бёв предстаёт здесь таким, каков он есть, без какого-либо приукрашивания, с его изменчивым настроением и слабой волей, с его потребностью в чувственных эмоциях, склонностью к сладострастию и даже похотливостью, со своей любознательностью ума и религиозными вдохновениями, со своими жалкими падениями и болезненной душевной раздвоенностью. С безжалостной ясностью подвергая себя анализу, он себя судит и выносит себе приговор» [4, с. 91]. И. Леир считает «Сладострастие» книгой, в которой Сент-Бёв «старается освободиться от своих страхов, мечтаний, стремлений», исповедью, «любующейся кризисом», который оставляет автора «утомлённым и неудовлетворённым» [5, с. 12]. П. Бенишу в монументальном труде «Школа разочарования», посвящённом творчеству французских романтиков, в главе о Сент-Бёве определяет его роман как «произведение личной правды в том, что касается желаний, мучений и неудовлетворённости», делая, однако, оговорку, что покой героя, принявшего сан священника, есть «чистая литература», «одна из фантазий» писателя о себе самом [2, с. 78]. Мастерство психологических и философских наблюдений, которые отвечают харак-

теру и взглядам Сент-Бёва заслоняют персонажей, чьи фигуры выписаны слишком нечётко, позволили М. Аллему назвать «Сладострастие» исповедью писателю [1, с. 276]. Словами М. Регара, ««Сладострастие» не есть рассказ, приключение, но итог, философия, поиск точки устойчивой и ясной через постоянные и тёмные изменения прошлого» [8, с. 31]. Вслед за критиками необходимо признать, что в романе нашли отражение духовные поиски автора, размышляющего над смыслом человеческой жизни и верой.

На природу автобиографизма «Сладострастия» проливает свет достаточно оригинальное по замыслу и исполнению произведение, чья публикация (1829 год) предшествовала работе над известным романом, – «Жизнь, стихотворения и мысли Жозефа Делорма». Оригинальность этого сочинения заключается в том, что Сент-Бёв опубликовал собственные тетради, содержащие поэтические опыты и литературно-критические заметки, приписав их авторство вымышленному персонажу (такой ход позволил Сент-Бёву представить свои стихи в двойном удалении: герою принадлежат критические эссе, лирика и размышления Делорма комментируются автором, таким образом поэзия оказывается вписанной в контекст культурной эпохи). За собой Сент-Бёв закрепляет роль издателя и комментатора завещанных ему рано ушедшим из жизни поэтом рукописей, которые, помимо стихотворений и размышлений о поэтическом искусстве, включали дневникового характера записи, в которых нашли отражение мысли героя о своей судьбе. В данном случае нас интересует та часть произведения, которая носит название

«Жизнь Жозефа Делорма» и представляет собой авторское повествование (рассказ автора-издателя тетрадей) о жизни героя, перемежающееся вставками его из дневника. В целом, образ и судьба Делорма вписывается в культурный миф «зла века» (не случайно, герой читает «Вертера», «Дельфину», «Адольфа», «Рене»). Предваряющая лирику история жизни поэта должна была отчасти объяснить господствующее в стихах настроение меланхолической задумчивости, тревожной тоски, неясных надежд, сожалений о несбывшемся и недостижимом.

Если рассматривать эту часть книги как самостоятельное целое с точки зрения повествовательной стратегии, можно увидеть попытку Сент-Бёва написать роман. «Жизнь Жозефа Делорма» можно разбирать как своеобразный набросок будущего романа «Сладострастие». Сент-Бёв указывает на то, что берётся представить жизнь героя таким образом, чтобы прослеживалось его духовное развитие («дать верное описание внутренней жизни» [9, с. 6]). Этот психологический роман должен был мыслиться пишущим как возможная история его самого, поскольку жизнь персонажа объясняла его собственные стихи (для Сент-Бёва связь между творчеством и биографией очень тесная): «...Одни стихотворения, без истории чувств, с которыми они связаны, были бы наполовину понятной загадкой...» [9, с. 5] Вымышленная судьба объясняет его «невымышленную» поэзию, рождённую действительно прожитыми чувствами, значит, так или иначе в жизни Делорма Сент-Бёв должен был проиграть свою судьбу, выстроенную в соответствии с культурными кода-

ми времени. Однако попытка написать роман (свой или героя) оказывается неудачной. Рассказ о жизни Делорма не складывается в единую линию, заданную логикой развития характера и взглядов героя. «Жизнь Жозефа Делорма» создаёт впечатление обрывочного, нестройного, слишком противоречивого текста, к тому же вставки из дневника Делорма расшатывают и без того неустойчивую, распадающуюся повествовательную структуру. Каждое звено в сюжетной цепи намечает определённое развитие образа героя в соответствии с заданными литературой образцами, но ни одна из потенциальных завязок не разворачивается в историю. Делорм мог бы стать (и каждый раз Сент-Бёв подводит читателей к этой возможности, поскольку герой обладает для этого задатками) поэтом, священником, влюблённым, врачом, философом, мужем, но так никем и не становится. Можно усомниться даже в том, был ли он поэтом: сам Делорм таковым себя не считал и возвращение его к поэзии – увлечению детских лет – было слишком непродолжительным и связано с душевной болезнью. Все эти возможности Делорма быть кем-то вступают друг с другом в противоречие, что грозит распадом текста и не даёт сложиться единому впечатлению о личности и судьбе героя. Повествование скрепляется, скорее, образно-интонационным единством. Сент-Бёв нащупывает то стилистическое звучание прозы, которое соответствует звучанию его лирики. Он подробно анализирует ситуацию разрыва героя с внешним миром и его уход в мир собственных фантазий. Иначе говоря, Сент-Бёв моделирует отдельные сцены, соответствующие задумчиво-ме-

ланхолическому состоянию, которое отражают его стихи. Именно в этом состоянии герой и автор совпадают. Это совпадение скрепляется и процессом, в которой вовлечены как автор, так и герой – процессом письма. Сент-Бёв подробно останавливается на том, как Делорм пишет. Герой пишет свои тетради в полном одиночестве, ночью. Автор переписывает отрывки из тетради Делорма или передаёт содержание частей текста тетрадей своими словами. «Жозеф хотел только верно говорить себе о своих страданиях и говорить о них в стихах» [9, с. 12]. Это соответствует сосредоточенности поэзии исключительно на интимных переживаниях. Это выдаёт подчинённую роль «Жизни Жозефа Делорма»: в прозе Сент-Бёв расширяет те ситуации, которые намечены им в лирике.

В конечном итоге, образ Жозефа Делорма размывается настолько, что самому автору, передающему его историю, не удаётся сказать о нём ничего определённого: остаётся так и неясным, помешался ли его рассудок или нет, к тому же под конец повествования появляется противоречие между внутренним и внешним. Как оказывается, друзья Делорма (среди которых был и автор) почти не знали его: он «имел обыкновение не выставлять своих язв» и даже иронизировал над своими стихами в дружеском кругу. В результате, Сент-Бёв сам признаёт свою неудачу – первоначальный замысел не реализован: образ Жозефа Делорма, его судьба не объясняют поэзии, как то изначально предполагалось. В конце «Жизни Жозефа Делорма» Сент-Бёв приходит к обратному утверждению: только поэзия может объяснить героя: «...Его стихотворе-

ний достаточно, чтобы заставить понять активные чувства, которые тогда его терзали» [9, с. 20]. Таким образом, первостепенную роль играет здесь поэзия, «затопляя» прозаическое повествование (именно стихи составляют «историю страдающей души» Делорма). И поскольку лирический дискурс принадлежит автору, он, а точнее, его слово о себе, заслоняет героя. Высказывание автора, имеющее ярко выраженную лирическую природу, подрывает сами основы прозаического повествования, имеющего целью разворачивать историю. Нет «жизни» героя: отдельные, плохо скреплённые между собой зарисовки состояний сознания Делорма прочитываются, скорее, как развёрнутые комментарии к стихотворениям. Таким образом, в Делорме можно увидеть несостоявшегося героя романа, а в Сент-Бёве – несостоявшегося автора романа.

Однако Сент-Бёву удаётся нащупать ситуацию, которая будет задавать развитие сюжета его удачного романа «Сладострастие». Это ситуация неосуществимости. Делорм мог бы активно действовать, но не действует, мог бы стать всем, кем угодно, но не становится никем («Кто не пожалел бы его в этом жестоком бессилии, где он достиг своей судьбы» [9, с. 16]). «Вот уже много дней он спрашивал себя, была ли хотя бы одна минута, когда хотя бы одно из его желаний было удовлетворено, и он не находит её. <...> Он бросился в карьеру, которая удалила его от цели его желаний... Его силы работают впустую, им не хватает материальности, они истощаются и мучают его» [9, с. 15]. К тому же Сент-Бёв намечает те черты, которые будут использованы в харак-

теристике Амори: любовь к женщине, которая сблизена с неопределённым идеалом: «неясная идея женщины и красоты», «живущая по соседству девушка, блондинка, застенчивая» [9, с. 7]. В Делорме выделяется «ревностная набожность», он любил «долгие молитвы, которые возвращали ему покой и силу» [9, с. 8], что было свойственно самому Сент-Бёву. Вообще, Сент-Бёв дистанцировался от своих героев и одновременно подчёркивал свою связь с ними, давал понять читателям, что всё им написанное сходится к его личности. Так, в 1834 году (год публикации «Сладострастия») Сент-Бёв написал поэму «Ответ Сент-Бёва – Амори», в которой он выступил в роли «молодого друга» – адресата рассказа героя: он сообщает, что Амори был прав и его молодость похожа на его опыт.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Allem M. Sainte-Beuve et Volupté. – P., Société Française d'Éditions Littéraires et Techniques, 1935. 331 p.
2. Bénichou P. L'École du désenchantement. – P., Gallimard, 1992. 615 p.
3. Billy A. Sainte-Beuve. Sa vie et son temps. Le romantique. 1804-1848. – P., Flammarion, 1952. 450 p.
4. Giraud V. La vie secrète de Sainte-Beuve. – P., Stock, 1935. 215 p.
5. Le Hir I. L'originalité littéraire de Sainte-Beuve dans Volupté. – P., Société d'Édition d'Enseignement Supérieur, 1953. 81 p.
6. Molho R. Regard intime et construction de soi // Intime, intimité, intimisme. – Lille, Éditions Universitaires de Lille III, 1976. P. 113–121.
7. Regard M. Sainte-Beuve. – P., Hatier, 1959. 224 p.
8. Regard M. Introduction // Sainte-Beuve Ch. Volupté. P., Imprimerie nationale, 1984. P. 11–57.
9. Sainte-Beuve Ch. Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme. – P., Hachette, 1937. 480 p.

УДК 821.161.1.09

Строганова И.А.*Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова***РОМАННАЯ ПРОЗА М. ОСОРГИНА В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к изучению прозы М. Осоргина – романов «Сивцев Вражек» и «Времена». Художественный материал произведений анализируется в аспекте авторского мировосприятия, философско-мировоззренческой позиции писателя; отмечаются жанровые особенности романной прозы М. Осоргина, традиции русской классической литературы в его творческом наследии. Приводимый литературоведческий материал демонстрирует неоднозначную оценку исследователями некоторых особенностей художественного мира книг писателя, в частности, наблюдаются расхождения в интерпретации религиозных убеждений М. Осоргина, в характеристике жанровой принадлежности названных романов.

Ключевые слова: философско-мировоззренческая система, индивидуальная философия, космологические представления, жанровые характеристики, проблемно-тематические уровни.

I. Stroganova*Sholokhov Moscow State University For The Humanities***M. OSORGIN NOVEL PROSE IN MODERN STUDIES**

Abstract. This article deals with modern approaches to the study of M. Osorgin – novels «Sivcev Vrazhek» and «Times». Art material is analyzed in respect of the author's world perception, philosophical and ideological positions of the writer. The study identifies genre features of M. Osorgin novel prose, the tradition of Russian classical literature in his creative legacy. The literary material shows a mixed assessment of researchers of some of the features in the artistic world of the writer's books, in particular, there are differences in the interpretation of M. Osorgin's religious beliefs, in the characteristic genre affiliation of these novels.

Keywords: philosophical and ideological system, private philosophy, cosmological views, genre characteristics, problem-theme levels.

Проза М. Осоргина вписана в литературный процесс XX века и отражает художественные особенности творчества писателей первой волны русской эмиграции: тенденцию к размыванию жанровых границ произведений, автобиографическую основу текстов, усиленный лирический компонент в них, обращение к истории России, воссозда-
ние её образа, – но сохраняет при этом

© Строганова И.А., 2014.

свою самобытность. Наиболее изучены книги М. Осоргина «Сивцев Вражек» и «Времена», которые рассматриваются с позиции жанровой принадлежности, воплощения в них авторской картины мира, выявления философского контекста, проблемно-тематических уровней и системы образов.

С точки зрения жанра «Сивцев Вражек» характеризуется неоднозначно.

Современники писателя определяли книгу как написанную «в стиле лирического импрессионизма», как «роман или дневник»; Г. Струве отмечал соединение в тексте произведения «некоторой старомодности» с «выдававшей новейшие влияния кинематографичностью построения» [16, с. 393-402]. Современные исследователи творчества М. Осоргина называют «Сивцев Вражек» философско-автобиографическим романом, так как художественное пространство книги являет собой «синтез философской направленности с автобиографическим компонентом» [11, с. 7]; романом-хроникой [8, с. 6].

Также нет единого мнения относительно философско-мировоззренческой системы писателя, нашедшей отражение в его первом романе. Одной из сквозных в творчестве М. Осоргина признаётся тема человека и мира, человека и истории. Так, Ю.Н. Ковалева считает, что с наибольшей остротой проблема человека и вселенной поставлена именно в «Сивцевом Вражке»: «На протяжении всего повествования мир человека в его личном, сознательном и историческом бытии не просто сопоставлен с миром других живых существ, он слит с этим миром как его часть и так же мгновенен по сравнению с вечной и гармоничной вселенной» [19, с. 686]. Такое авторское миропонимание писателя позволило Ю.Н. Ковалевой сделать вывод о пантеистическом мировосприятии М. Осоргина. Однако И.Б. Боравская считает, что подобное истолкование ошибочно, поскольку автор не уравнивает понятия «Бог» и «природа»: в этом случае и человек становится равноправным участником такого «союза». Писатель, по её мнению, исповедовал

монотеистическую христианскую религию, но его взгляды перекликались с положениями натурфилософии. Определяя философско-эстетическую концепцию М. Осоргина, И.Б. Боравская утверждает, что особая натурфилософская позиция писателя ориентирована на христианское понимание человека и самой природы: «Мироздание осмысливалось автором как великий круговорот, с гармоничным сочетанием в нём вечного и конечного, бессмертного и тленного, земных процессов и универсальных законов сущего» [2, с. 29-30]. Противоположной точки зрения на воззрения писателя придерживается О.Ю. Авдеева. Она отмечает, что жизнь «атеиста» М. Осоргина была наполнена интенсивными духовными поисками, но путь его был не религиозный и тем более не церковный [9, с. 68-72]. При этом сам М. Осоргин свои взгляды характеризовал как натуралистические: «Я своё понимание строю на круговороте, на вечном возрождении <...> Моя философия натуралистична» [12, с. 351-390]. Синтетичный характер индивидуальной философии М. Осоргина позволил Г.О. Папшевой сделать вывод об органическом соединении в мировоззренческой системе писателя концепций язычества, пантеизма, христианства, буддизма, толстовства, анархизма, космизма, которые по-своему интерпретируются в его взглядах [14]. Доминантной при этом оказывается оппозиция Хаос-Космос, особым образом маркирующая основные философские концепции, включённые в философско-религиозную систему мировидения М. Осоргина.

Философские убеждения писателя, в частности, позиция стоицизма,

отразились в образах персонажей его произведений. По замечанию В.В. Агеносова, «духовное богатство делает человека стойким даже перед лицом такой вечной тайны, каковой является смерть» [4, с. 23]. В романе «Сивцев Вражек» носителем идей стоицизма является Астафьев, апеллирующий к Книге Экклезиаста, главный смысл которой заключён в утверждении высокой ответственности человека в трагическом мире. Оптимистический финал романа Т.Н. Фоминых также связывает с философией стоицизма писателя, с его опорой на Экклезиаст и концепцию М. Аврелия. Рассматривая роман М. Осоргина с позиции оптимистического / пессимистического восприятия писателем Первой мировой войны, она отмечает, что природное в романе противостоит рациональному и волевому, одерживает верх и указывает разуму и воле их пределы. По её мнению, образ мировой войны вписан М. Осоргиным в контекст, сформированный представлениями о чрезмерно занесшемся разуме и его поражении [18]. В образах Астафьева и Стольников М.В. Нечаева тоже усматривает общую философско-поэтическую основу – стойко-пессимистическую, однако «видимый» пессимизм, по её мнению, не оставляет чувства безысходности, поскольку для одного (Стольникова) смерть становится освобождением от страданий, а в трагедии с Астафьевым торжествует сила духа человека. Внешне противоречивым в общем контексте пессимистической философии бытия кажется оптимизм Танюши, но таким образом, считает М.В. Нечаева, в романе реализуется «принцип здорового и бодрого скептицизма» [11].

Анализируя систему персонажей «Сивцева Вражка», Г.И. Лобанова замечает, что внимание писателя, прежде всего, направлено на обычного человека, рядового участника жизненного процесса. Каждый из таких «маленьких людей» проходит свой путь развития, ведущий либо к нравственному совершенствованию, либо к окончательному моральному разложению и гибели: «Писателю важно найти силы, способные противостоять хаосу и разрушению. Такими силами оказываются вечно обновляющаяся природа и повседневный созидательный труд простых людей» [15, с. 137]. В романе «Сивцев Вражек» Г.И. Лобанова выделяет два типа «маленького человека»: исполнителя, послушно принимающего навязанные ему правила поведения, и правдоискателя, пытающегося найти свой жизненный путь. Концепция личности автора, по мнению исследовательницы, опирается на идеи Л.Н. Толстого о «естественном человеке» и «динамическом герое». Затрагивая вопрос о месте человека в истории в художественном пространстве романов М. Осоргина, А.В. Жлюдина приходит к выводу, что авторская картина мира в «Сивцевом Вражке» лишена категоричности: изображая активную и пассивную позиции человека в истории, писатель не утверждает приоритета какой-либо из них [6].

Жанровая принадлежность книги М. Осоргина «Времена» (как и романа «Сивцев Вражек») также чётко не определена. Сам писатель называл «Времена» «автобиографическим повествованием» и романом [13]. Исследователи творческого наследия М. Осоргина называют это произведение мемуарами, романом души, книгой воспоми-

наний с чертами семейной хроники, романом-автобиографией. Такая неопределённая трактовка обусловлена тенденцией к жанровому синтезу в литературе XX века, что отразилось в прозе М. Осоргина. К. Мочульский, современник писателя, в статье «Кризис воображения (Роман и биография)», при анализе состояния современной ему литературы, подчёркивал, что перемещение и смещение жанров происходит по каким-то не всегда понятным законам, и высказал предположение о постепенной перестройке исторических жанров в литературные: «Новый жанр победит старый, похитив его же оружие. Биография упразднит роман, только сама став романом» [7, с. 26].

Рассматривая концепцию личности в автобиографической прозе писателей-эмигрантов первой волны, Л.И. Бронская утверждает, что во «Временах» эта категория отразилась максимально полно. По её мнению, с точки зрения писателя «масштабы человека (микрокосма) и времени как исторического движения (макрокосма) несоизмеримы, и проиграть должен человек, однако Осоргин считал, что именно человек – макрокосм, а всё остальное ничтожно по сравнению с ним» [3, с. 104].

Затрагивая вопрос о соотношении микро- и макрокосмоса в художественной системе автобиографической книги М. Осоргина, подчёркивая при этом особую значимость мифологемы Дома для русской ментальности в целом и для эмигрантского мироощущения в частности, М.С. Анисимова полагает, что во «Временах» «жизненный и духовный путь героя тесно связан с освоением базовых пространственных систем, сопрягаемых и взаимопроникаемых: пространства дома, изобража-

емого как микрокосм, и пространства природного мира, создающего в конечном итоге макромодель Вселенной» [1, с. 16]. На особую оптику М. Осоргина, выраженную в автобиографическом повествовании «Времена», обращает внимание Н.П. Дворцова. Писатель, по её мнению, соединяет в целостной картине мира беспредельность Вселенной, а сама книга создана в русле традиции текста о тексте, романа о рождении художника, восходящего к пушкинскому «Пророку» [9, с. 26-30].

Традиции русской литературы в художественной системе произведений М. Осоргина наблюдают и другие исследователи творчества писателя. Так, В.В. Агеносов выявляет влияние культуры Серебряного века в романе «Сивцев Вражек», проявившееся в эсхатологическом осознании эпохи, противопоставлении культуры и духовности, использовании символизированных образов Добра и Зла, значимости героини-женщины как носителя естественных законов жизни [4, с. 19-26]. Г.И. Лобанова усматривает в прозе М. Осоргина генетическую связь с русской классикой XIX в. (А.С. Пушкиным, Ф.М. Достоевским, С.Т. Аксаковым, Л.Н. Толстым) и художественными поисками XX в.: «Проблематика произведений М. Осоргина близка книгам М. Булгакова, Б. Пастернака, Л. Андреева, А. Белого и др. Этика М. Осоргина находится в русле философской мысли XIX в.: Л.Н. Толстого, Вл. Соловьёва, И.А. Ильина и др.» [15, с. 137]. Н.В. Барковская отмечает традиции Н.В. Гоголя в прозе М. Осоргина при описании вещей (мелочей). Писатель, по её мнению, использует весь спектр очеловечивающих отношений к вещи и ценит не предметы,

а человека. Живые вещи М. Осоргина, считает Н.В. Барковская, делают его художественный мир мифологически-объёмным, театрализованным, занимательным, далёким от плакатной плоскостности [9, с. 40-48]. Е.А. Мужайлова полагает, что М. Осоргин, следуя за Ф.М. Достоевским, «стал одним из ярчайших представителей неопочвенничества в литературе русского зарубежья», так как центральными понятиями в мировоззрении обоих писателей являются концепты земли как матери всего живого и родины; народа и веры [10].

Рассматривая философские традиции русской словесности в «Сивцевом Вражке», Г.В. Чудинова указывает на повышенный интерес писателя к таким категориям, как онтологизм, аксиологизм, историософичность, и утверждает, что в романе представлены три основные течения русского космизма – художественное, естественно-научное и философское, между которыми не всегда можно провести чёткую границу [5, с. 40-47]. В традициях русской классической литературы решается ведущая тема «Сивцева Вражка» – тема русской интеллигенции, считает М.В. Нечаева, кроме того, символика дома на Сивцевом Вражке в поэтике романа вмещает множество смысловых оттенков и проецируется на символику Дома – России в творчестве Н. Гоголя, И. Бунина, Л. Толстого и других русских писателей [11]. На основании общих биографических факторов, близости мировоззренческих и художественных принципов С. Аксакова и М. Осоргина О.С. Тарасенко обнаруживает преемственность принципов и приёмов мемуарного повествования в творчестве М. Осоргина

и констатирует принадлежность обоих авторов к одному писательскому типу, сложившемуся на общей генеалогической и творческой основе [17].

Таким образом, при изучении художественного мира произведений М. Осоргина современные исследователи уделяют внимание языку и стилю, жанровым характеристикам его прозы, творческим принципам, отдельным образам. Наиболее изученными являются книги М. Осоргина «Сивцев Вражек» и «Времена», интерес в которых вызывает мировоззренческая концепция писателя, авторская картина мира, отразившаяся в литературных текстах; философско-поэтический пласт книг М. Осоргина. Неоднозначно оцениваются убеждения писателя, включающие элементы различных философско-религиозных концепций. В то же время мнения литературоведов сходятся в оценке гуманистической позиции писателя в осмыслении им судьбы человека в мире, гармоничном взаимодействии человека и природы. Продолжая традиции классической русской литературы, М. Осоргин является писателем XX века, его художественное наследие отражает новейшие литературные искания эпохи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анисимова М.С. Мифологема «дом» и её художественное воплощение в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции: на примере романов И.С. Шмелёва «Лето Господне» и М.А. Осоргина «Времена»: Автореф. дисс ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2007. – 17 с.
2. Боравская И.Б. Воплощение натурфилософской концепции в художественной прозе М. Осоргина 1920-х годов: Автореф. дисс ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 30 с.

3. Бронская Л.И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья первой половины XX века (И.С. Шмелёв, Б.К. Зайцев, М.А. Осоргин). – Ставрополь: Изд-во Ставроп. Гос. ун-та, 2001. – 119 с.
4. Время Дягилева. Универсалии Серебряного века // Третьи дягилевские чтения. Пермь: Перм. ун-т: Арабеск, 1993. – Вып. 1. – 263 с.
5. Духовный лик русского языка: Памяти М. Осоргина / отв. ред. Л.В. Масалкина. – Пермь: Изд-во Пермского гос. технического ун-та, 2008. – 101 с.
6. Жлюдина А.В. Семантика художественного пространства в романах М.А. Осоргина: Автореф. дисс ... канд. филол. наук. – Томск, 2012. – 24 с.
7. Критика русского зарубежья: В 2-х ч. Ч. 2 / сост., предисл., преамбулы, примеч. О.А. Коростелев, Н.Г. Мельников. – М.: Олимп, 2002. – 462 с.
8. Михаил Осоргин. Страницы жизни и творчества / отв. ред. В. Абашев. – Пермь: Перм. ун-т, 1994. – 127 с.
9. Михаил Осоргин: художник и журналист / сост. и ред. В. Абашев. – Пермь: Мобиле, 2006. – 230 с.
10. Мужайлова Е.А. Достоевский и Осоргин: типология почвенничества. – Уфа: Вагант, 2008. – 193 с.
11. Нечаева М.В. Поэтико-философский контекст и околороманное пространство романа М.А. Осоргина «Сивцев Вражек»: Автореф. дисс ... канд. филол. наук. – Тамбов, 1997. – 97 с.
12. Осоргин М. Из письма А.С. Буткевичу (7 авг. 1936). Цит по: Авдеева О.Ю. Свидетель истории. Вехи жизни Михаила Осоргина // Осоргин М.А. Времена. Происшествия зеленого мира. – М.: Интелвак, 2005. – С. 351-390.
13. Осоргин М.А. Времена: Автобиографическое повествование. Романы. – М.: Современник, 1989. – 621 с.
14. Папшева Г.О. Художественная картина мира в романе М.А. Осоргина «Сивцев Вражек»: генезис и творческое воплощение: Автореф. дисс ... кан. филол. наук. – Воронеж, 2011. – 19 с.
15. Русское зарубежье – духовный и культурный феномен: В 2-х ч. Ч. 1 / Редкол.: В.Л. Гопман и др. – М.: Новый гуманитар. ун-т Натальи Нестеровой, 2003. – 287 с.
16. Современное русское зарубежье / Сост. П.В. Басинский, С.Р. Федакин. – М.: Астрель, 2003. – 522 с.
17. Тарасенко О.С. С.Т. Аксаков и М.А. Осоргин: типология творческих индивидуальностей: Дисс ... канд. филол. наук. – Бирск, 2011. – 247 с.
18. Фоминых Т.Н. Первая мировая война в прозе русского зарубежья 20-х-30-х годов. – М.: Прометей, 1997. – 161 с.
19. Человек в современных философских концепциях: В 4-х т. Т. 2 / отв. ред. Н.В. Омельченко. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2007. – 856 с.

ПУБЛИКАЦИИ АСПИРАНТОВ

УДК 82.0:801.6

Жигалов А.Ю.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

РУССКАЯ ПРАГА: СРЕДНЕВЕКОВАЯ КНИЖНОСТЬ В ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ 1920-1930 ГГ.

Аннотация. В статье, в форме тезисов, рассматривается история изучения древнерусской литературы в Чехословацкой республике 1920-1930 годов русскими исследователями-эмигрантами. В этой связи особую значимость приобретают сведения биобиблиографического характера, касающиеся деятельности отдельных учёных, внёсших значимый вклад в развитие медиевистики, их трудов по истории средневековой книжности, изданных в межвоенный период на территории ЧСР. Кроме того, статья посвящена русско-чехословацким культурным и научным контактам в целом, а также феномену Русской Праги, ставшей в 20-30 гг. XX в. не только прибежищем эмиграции, но и центром развития европейской гуманитарной мысли.

Ключевые слова: эмиграция, Чехословакия 1920-1930 гг., Русская Прага, медиевистика, история изучения древнерусской литературы.

A. Zhigalov

Lomonosov Moscow State University

RUSSIAN PRAGUE: THE STUDY OF OLD RUSSIAN LITERATURE (WORKS OF EMIGRANTS SCIENTISTS)

Abstract. The article considers the history of study of Old Russian literature in Czechoslovak republic in 1920-1930s by Russian researchers-emigrants. Thereby the biobibliographical information becomes especially important. It concerns the work of some scientists, who have made a contribution to the progress of study of Old Russian Literature, their works about the history of medieval studies, published in the interwar period in Czechoslovak republic. The article is devoted to Russian-Czechoslovak cultural and scientific contacts, the phenomena of Russian Prague. In 1920-1930s Prague became the center of Europe for humanities and emigration.

Key words: emigration, the Czechoslovak republic in 1920-1930s, Russian Prague, the history of study Old Russian Literature.

© Жигалов А. Ю., 2014.

История изучения древнерусской литературы – одна из старейших областей гуманитарного знания, и тем не менее в ней остаётся немало нерешённых вопросов. После революции 1917 года процесс обращения к памятникам средневековой книжности приобрёл новые формы. В силу этого актуальность сохранили не все традиционные методы, принятые в медиевистике – появились неизвестные прежде трактовки ряда произведений, оказались искусственно забытыми некоторые жанры, практически утраченными – отдельные имена. Но дореволюционные научные школы получили своё развитие за пределами бывшей империи, когда их представители населили «острова» русской цивилизации по всему свету. Один из «оазисов» находился неподалёку от СССР, в сердце Европы и славянского мира: Прага стала прибежищем для многочисленных учёных. Именно там в 20-х-30-х гг. прошлого века сложилась уникальная академическая среда, благотворная для изучения русской литературы XI-XVII вв., древнейших и лучших её образцов. Исследования эмигрантов оказывали активное влияние на чехословацких учёных, вызывали их отклики в виде новых работ. В ситуации сотрудничества и сотворчества создавалось совершенно особое научное пространство, открытое и для третьей группы участников – советских медиевистов, которые могли публиковаться в ЧСР по крайней мере до начала 1930-ых годов.

История изучения литературного наследия Древней Руси – мозаичный, но обладающий внутренней связностью процесс, затрагивающий и русское зарубежье, и метрополию. Его отражение будет неполным без учёта деятельности

иностраных славистов и эмигрантов, трудов, написанных в изгнании. А основным центром притяжения учёных-беженцев между мировыми войнами стала молодая Чехословацкая республика, хотя после первой волны эмиграции представители русской интеллигенции принимали многие страны: Франция, Германия, Латвия, Болгария, Югославия, Польша, Австрия, Китай и др. «Praze v tñ době říkali Ruské Oxford» (Прагу в этот период называли Русским Оксфордом – перевод наш. – А. Ж.), – замечает современный исследователь Любовь Белошевская [3, с. 467]. Действительно, Русская Прага обладала своим неповторимым характером, как и Париж, Берлин, Рига, София, Белград, Варшава, Вена, Харбин и т. д.

Польский славист, профессор Опольского университета Бронислав Кодзис, автор работ о литературе и культуре эмиграции первой волны, справедливо указывает не только на многочисленность центров русской диаспоры в Европе, но и на неоспоримое своеобразие, уникальность каждого из них. О специфике этих «островов» говорят и другие исследователи. Глеб Струве, например, полагает: «Если Париж... стал политическим центром русского зарубежья... то его... литературной столицей... был Берлин» [2, с. 32]. Прага же в межвоенный период являлась подлинной академической столицей эмиграции, «důležitým střediskem ruské, ukrajinské a běloruské vzdělanosti a vědy» (важным центром русской, украинской и белорусской образовательной и научной деятельности – перевод наш. – А. Ж.) [4, с. 1]. Значительную часть «русских пражан» составляли учёные, литераторы, журналисты, педагоги и студенты – пред-

ставители интеллектуальных кругов, многие из которых имели блестящее образование. Были среди них и талантливые медиевисты, исследователи древнерусского духовного наследия – произведений средневековой словесности, иконографии, архитектуры и других видов искусства. Обратимся лишь к основным именам.

Амфитеатров-Кадашев Владимир Александрович. Опубликовал «Очерки истории русской литературы» (Прага, 1922), в которых внимание уделяется и произведениям XI-XVII вв.

Андреев Николай Ефремович. Окончил Карлов университет (Univerzita Karlova v Praze), там же защитил докторскую диссертацию «О протопопе Аввакуме». Его работы по истории и искусству Древней Руси издавались в сборнике «Seminarium Kondakovianum». Был одним из авторов филологического журнала «Slavia», в 1935 г. опубликовал в нём рецензию на книгу Е.А. Ляцкого «Слово о полку Игореве» (№ 13/2-3).

Бем Альфред Людвигович. Особого внимания медиевистов заслуживает его книга «Лекции по истории древней русской литературы...», на страницах которой автор приводит обзор важнейших литературных памятников Средневековья (Прага, 1923).

Вилинский Сергей Григорьевич. Изучал произведения древнерусской церковной литературы: известен как автор фундаментального исследования «Житие святого Василия Нового» (Одесса, 1913). В 1925 г., уже в Праге, он издал «Конспект лекций по истории русской литературы...», содержащий и основные сведения о «книгах ветшанных».

Висковатый Константин Константинович. На страницах «Славии» опубликовал работы, значимые

для медиевистики: «О «Секуле Дракуловиче» югославянск. нар. песен» (№14/1-2, 1935-1936) и «К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека» (№17/1-2, 1939).

Дурново Николай Николаевич. На протяжении пяти лет жил в ЧСР и вёл лингвистические исследования. Однако при этом нередко обращался к древним литературным памятникам. Примером служит работа «К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола», опубликованная в журнале «Slavia» (№ 4/3, 1925).

Колесса Олександр. В 1929 г. в Праге состоялся I Международный съезд славистов, по итогам которого был издан сборник докладов. Колесса опубликовал в нём работу на украинском языке, посвящённую апокрифам.

Ляцкий Евгений Александрович. Выпускник Московского университета, он известен как выдающийся исследователь «Слова о полку Игореве». В Праге были опубликованы три его книги, посвящённые этому произведению. Композиция и стиль «Слова...» подробно анализируются в монографии «Слово о полку Игореве...» (1934). Спустя три года под редакцией Ляцкого был издан текст «Слова...», предназначенный для школьного изучения. Наконец, в 1943 г. вышел в свет стихотворный перевод «Слова...», подготовленный учёным.

Перфецкий Евгений Юлианович работал в Братиславском университете имени Коменского (Univerzita Komenského v Bratislavě). В круг основных интересов исследователя входили вопросы изучения истории восточной Европы. Особое внимание Перфецкий уделял эпохе средних веков. При этом анализировал различные источ-

ники, в том числе и летописные своды («Русские летописные своды и их взаимоотношения» (Братислава, 1922), «K otázke doby vzniku letopisného svodu Nikonovského» (Bratislava, 1931) и др.), обращался к методологии академика Шахматова, «последним и любимым учеником» которого он был [1, с. 342].

Погорелов Валерий Александрович. Главный объект его исследований – древнейшие переводные славянские памятники (в том числе и средневековые русские тексты). Кроме того, он подвергал анализу оригинальные произведения, а также межлитературные связи, отразившиеся в них. Известна работа Погорелова «Rusky letopis Nestorov a Slovensko», опубликованная в братиславском журнале «Kultura» (№ 5, 1933) и посвящённая «Повести временных лет». Изучал Саввину книгу.

Францев Владимир Андреевич. В 1810 г. Йозеф Юнгманн перевёл на чешский язык «Слово о полку Игореве»; спустя более ста лет, в 1932 г., Славянский институт в Праге издал анализ этого перевода, подготовленный Францевым. Он был постоянным автором журнала «Slavia», активным участником Международных съездов филологов-славистов, первый из которых проходил в Праге в 1929 г.

Чижевский Дмитрий Иванович. Его работы о стиле галицко-волынских и русских летописей широко известны науке. Ценными для медиевистов могут быть отдельные фрагменты книг Чижевского по истории украинской литературы («Історія української літератури» (Прага, 1942) и др.)

Яворский Юлиан Андреевич интересовался древнейшей русской литературой, особенно памятниками книжности Галицкой и Подкарпатской Руси.

В 1928 г. в журнале «Slavia» опубликовал статью «Галицко-русская вирша о злой жене», посвящённую источникам сатирического произведения (№ 7/4). На страницах «Славии» появилась и работа Яворского «К вопросу о литературной деятельности Ермолая Еразма...» (№ 9/ 1-2, 1930-1931).

Итак, мы назвали тех, кто внёс значимый вклад в развитие пражской медиевистики, оставил свой след в культуре Русской Праги. Однако дело не ограничивалось только филологическим изучением средневековой книжности – ряд учёных обращался к древним источникам, исходя из иных методологических принципов. Памятники XI-XVII вв. рассматривались историками, географами, юристами, проживавшими в ЧСР. В чём же причина подобного интереса? Очевидно, в том, как позиционировали себя «русские пражане», в их самоидентификации. Они считали себя носителями великой культуры, обязанными сохранить русское искусство и глубокие научные традиции. В среде хранителей духовного наследия, оказавшихся на чужбине, литературное богатство Древней Руси могло расцениваться как один из важнейших символов покинутой России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX-XX вв. СПб., 2011. – 928 стр.
2. Струве Г. Литература в изгнании. Париж, М., 1996. – 448 стр.
3. Běloševská L. Slovanský ústav a ruská emigrace // Slavia. Roč. 68. Praha, 1999. S. 467-470.
4. Vacek J. Ёvod // Труды русской, украинской и белорусской эмиграции, изданные в Чехословакии в 1918-1945 гг. Т. I, ч. 1. Прага, 1996. С. I-IV.

УДК 82-311.1

Обручникова И.В.*Московский государственный областной университет***НОВОАНГЛИЙСКИЕ РОМАНЫ Г.Б.СТОУ В ОЦЕНКЕ АМЕРИКАНСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ**

Аннотация. В американском литературоведении, в отличие от российского, до сих пор существует значительный интерес к романам «новоанглийского цикла» известной писательницы XIX века Гарриет Бичер-Стоу. Большинство романов новоанглийского цикла так и не были переведены на русский язык. В статье представлен анализ таких основных направлений исследований этой части её творческого наследия, как разработка проблем религиозно-философского поиска автора, акцент на её роли в литературе местного колорита, интерес к феминистической составляющей её творчества.

Ключевые слова: научная парадигма, теологическая концепция, христианский феминизм, цикл «новоанглийских романов», литература «местного колорита», поэтика.

I. Obruchnikova*Moscow State Regional University***NEW ENGLAND NOVELS BY H.B.STOWE IN AMERICAN LITERARY CRITICISM**

Abstract. As opposed to the Russian literary criticism there has been still a considerable interest among American critics in the 'New England' period and the novels written by H.B.Stowe, a famous American writer of the 19th century, at that time. The article analyses the main trends in their research: the emphasis on the puritanical part of her religious and philosophical believes; the writer's role in 'national colouring' movement; her being a master of true-to-life descriptions; and also the feministic ideas in her novels.

Key words: scientific paradigm, theological conception, Christian feminism, 'New England novels' series, 'national colouring' movement, poetics.

Очевидным является тот факт, что творчество знаменитой американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу стало знаковым для культуры США середины – второй половины XIX века. Однако в нашей стране её литературное наследие до сих пор недостаточно изучено, она так и остаётся «автором одного романа» – «Хижина дяди Тома». Это не совсем справедливо, так как Бичер-Стоу несомненно была не

только одной из самых известных, но и одной из самых плодовитых писательниц своего времени. Во время и после гражданской войны в 60-80 годы XIX века Г. Бичер-Стоу создала четыре так называемых «новоанглийских романа»: «Невеста священника» (*Minister's wooing*, 1859), «Жемчужина острова Опп» (*The pearl of Orr's island*, 1862), «Олдтаунские старожилы» (*Oldtown folks*, 1869) и «Жители Поганука» (*Poganus people*, 1878). Эти произведения

© Обручникова И.В., 2014.

по праву считаются замечательными образцами литературы «местного колорита».

Если в отечественном литературоведении эти романы были практически обделены вниманием критиков, то в американском интерес к «новоанглийскому циклу» ничуть не меньше, чем к её знаменитым аболиционистским романам. При анализе поэтики романов Г. Бичер-Стоу новоанглийского периода американские литературоведы в основном концентрировали внимание на взаимоотношениях писательницы с религиозной историей и духовной традицией региона и приходили к самым разнообразным выводам относительно влияния пуританской традиции на её тексты, её собственного отношения к этой традиции. Как отмечала исследователь творчества Стоу Д. Берксон, «об отношении Стоу к кальвинизму, вере её отца, написано больше, чем о любом другом аспекте её жизни и творчества, за исключением работ на тему рабства» [4, с. 63].

К вопросу о том, насколько Стоу наследует ценности кальвинизма, принимая их, а где критикует и предлагает отвергнуть, в американском литературоведении существует два основных подхода. Представители первого направления делают акцент на «пуританской составляющей» художественного мировоззрения писательницы, соответственно проявляя наибольший интерес к тем элементам повествования и системе персонажей, которые очевидно отсылают читателя к кальвинистским нравственным и социальным доктринам.

Самым ярким примером такого подхода, пожалуй, будет анализ В.Л. Паррингтона, по мнению которо-

го «в истории литературы Новой Англии не найдётся писателя с более пуританским складом ума, чем Гарриет Бичер-Стоу», – именно к такому выводу приходит исследователь [19, с. 37]. Паррингтону Стоу интересна прежде всего и почти исключительно как хроникер новоанглийской истории. Его исследование концентрируется преимущественно на «глубоком и сочувственном понимании писательницей духовной жизни пуританской Новой Англии... с её глубокой, невыразимой и поэтому невыраженной меланхолией» [19, с. 151], с одной стороны, и романтизации писательницей колониального прошлого – с другой. В свете этого специфического взгляда не кажется удивительным, что известный литературовед и культуролог называет проповедника Джонатана Эдвардса «любимым героем и идеалом Бичер-Стоу», равно как и его последователя Сэмюэля Хопкинса, выведенного в романе «Сватовство священника» в образе Доктора Хопкинса.

Надо отметить, что для подхода, демонстрируемого Паррингтоном, помимо пуританского происхождения самой писательницы и соответствующих этому происхождению и воспитанию системы взглядов и сферы интересов, есть ещё одно важное формальное основание, лежащее внутри её текстов: в романах «новоанглийского цикла» Стоу обращается к некоему обобщённому прошлому Новой Англии, которое она прекрасно знала и как человек с развитым воображением и обладающий мастерством реалиста могла убедительно изобразить. С логической точки зрения, это замечание могло бы показаться трюизмом, но оно, тем не менее, представляется важным, так

как реалистическое мастерство Бичер-Стоу породило целый ряд исследований, которые ценили лишь «местный колорит» в её романах. Например, влиятельный американский критик и литературовед Э. Уилсон рассматривает новоанглийские романы Стоу как самые ценные в её творческом наследии с художественной точки зрения, отмечая богатство исторических деталей, её талант реалистически и не без юмора изображать нравы и быт колониальной Новой Англии, оживляя колоритные фигуры упрямых фермеров, бывалых моряков, пуританских хозяек – мастериц на все руки, примешивающих даже к кулинарным распоряжениям богословские споры, деревенских прихлебателей, шутников и балагуров [22, с. 251]. И. Херрон в книге «Маленький город в американской литературе» (*The small town in American Literature*, 1939) называет Стоу «пионером-реалистом» в изображении «золотого века новоанглийского общества» и восхищается высоким мастерством писательницы в изображении «типичной только для этого региона спокойной, но и одновременно насыщенной мощной энергетикой» жизни общины в переходный период от аристократической религии пресвитерианцев к демократизму епископальной церкви [11, с. 21].

Паррингтон как автор фундаментального исследования «Основные течения американской мысли», охватывающего период с начала XVII до начала XX века, без сомнения, прекрасно понимая, что взгляды писательницы формировались в условиях либерализации религиозной жизни, в главе с характерным названием «Дочь пуританства» почти полностью игнориру-

ет её своеобразные, даже уникальные, теологические и социальные воззрения, от романа к роману всё дальше и дальше уходящие от кальвинизма и во многом отвергающие его. Бичер-Стоу, будучи, безусловно, продуктом той Новой Англии прошлого, тем не менее, сформировалась как личность и как писатель много позже изображаемых событий и в совершенно других условиях, а значит её романы, хотя и обладают безусловной исторической ценностью, в идеологическом плане никак не могут восприниматься как сугубо «пуританские», ведь Стоу имела возможность дистанцироваться от прошлого и взглянуть на него критически.

Литературоведы, представляющие второе направление в стоуноведении, делают акцент на критике пуританства в творчестве Гарриет Бичер-Стоу, при этом повышенное внимание они уделяют отношению писательницы к кальвинистской традиции. В ряду более поздних исследований (вторая половина XX в.) можно выделить работы литературных критиков и литературоведов Л. Бьюэлла (Buell L.), Ч. Фостера (Foster Ch.), Э. Крозиер (Crozier A.), Э. Аммонс (Ammons E.), Э. Дуглас (Douglas A.) и Д. Берксон (Berkson D). Но если, например, Бьюэлл и Фостер интересуются в основном неоднозначным отношением писательницы к «вере её отца», то Крозиер, Аммонс и Берксон в своих исследованиях идут дальше, не только убедительно показывая, что Стоу наглядно продемонстрировала все возможные пагубные последствия доктрины кальвинизма для человеческой души, но и отдельно артикулируя наличие оригинальной позитивной теологической и социальной концепции пи-

сательницы, которую она предложила в качестве собственной альтернативы существовавшей у её современников философской системе представлений о мире и которую обобщённо принято называть «христианским феминизмом» [7, с. 121].

Так, в посвящённой анализу «Олд-таунских старожилов» и отчасти «Сватовства священника» статье культуролог Ч. Фостер, по сути, отвечает тем, кто считал Эдвардса кумиром Стоу. По его утверждению, в знаменитом проповеднике достойно осуждения не только возвращение пуританской церкви под руководством Эдвардса к суровой сепаратистской модели, но и вызванное этой доктриной «болезненное внутреннее состояние людей вроде Мэри Скаддер или миссис Марвин, дающее все основания для осуждения Эдвардса с позиций гуманизма» [9, с. 51]. Фостер, кроме того, убедительно показывает эволюцию, которую претерпели религиозные взгляды писательницы со времени окончания её первого новоанглийского романа «Сватовство священника» к моменту работы над третьей книгой этого цикла, когда она уже сделала выбор в пользу англиканства.

К похожему выводу приходит и Л. Бьюэлл, автор статьи о заглавном герое романа «Сватовство священника» и его связям с прототипом – известным проповедником-кальвинистом Сэмюэлем Хопкинсом. Исследователь обращает внимание на любопытный факт: «В середине XIX века полагали, что Хопкинс здесь выписан просто в качестве карикатуры» [5, с. 15]. Причина такой интерпретации современным писательницей, конечно, не только в том, что в центре внимания Стоу был

мелодраматический сюжет, но и в том, что воссозданный в образе «местного понтифика» социальный слой новоанглийских пасторов периода после Американской революции, как и сам эдвардизм, проходит быструю секуляризацию и исчезает вместе с идеями двойного предопределения и избирательного спасения. И то, что этот герой недавнего прошлого с его бесчеловечной доктриной, красочно изображённой Стоу с помощью метафоры «лестница без ступеней», уже современным Стоу его идеологическим наследникам мог видаться как пародия, только подтверждает этот тезис.

Интересно, что Бьюэлл в своей статье упоминает также образ «девы в качестве проповедника» (общий не только для новоанглийского пласта творчества, но и для предшествующего аболиционистского периода), однако не придаёт ему того самостоятельно важного значения, которое другим исследователями позволило применить термины «евангельский феминизм» и «матриархат» по отношению к творчеству Стоу [20, с. 3].

Вообще «феминистский» пласт её романов был замечен исследователями далеко не сразу, хотя и лежал на поверхности, особенно учитывая общественную деятельность писательницы и пафос её нехудожественных текстов. Это, с одной стороны, объясняется формальными причинами. Пуританская Новая Англия, оживающая на страницах романов Стоу, предстаёт перед нами не только в виде образов приверженцев кальвинизма доктора Хопкинса или доктора Кушинга и их оппонентов вроде арминианствующего пастора Лотропа, но и в обширных описаниях быта и нравов, социального

и политического устройства, культурной и религиозной жизни колониальной Новой Англии. Собственную же концепцию интуитивно-мистического «женского богословия» и основанного на материнской любви идеального общества Стоу в основном вкладывает уста своих героинь, а также формулирует через образную систему и сюжетные перипетии романов. Иными словами, её манифест при определённом подходе к тексту, когда исследователю более важными представляются конкретно-исторические детали, может быть не прочитан в качестве такового. При таком подходе Стоу больше всего ценят как талантливого и наблюдательного быто- и нравописателя и хроникёра теологической истории Новой Англии, а всё остальное отмечают как женскую сентиментальную беллетристику второго сорта, игнорируя своеобразные предложения писательницы в области усовершенствования человека и общества на основе «женских» ценностей.

Для Бьюэлла сюжетные линии, связанные с центральными женскими образами новоанглийских романов, представляют собой всего лишь «стандартный ход сентиментальной литературы» [5, с. 72], хотя к тому моменту, когда он писал свою работу, ещё в 70-х годах XX в., в американском литературоведении появилась новая мощная волна исследований в рамках принципиального иного подхода, проявляющего повышенное внимание к женскому вопросу. Это, безусловно, было связано с появлением к этому моменту в академической среде достаточно большого числа женщин, не просто занимающихся наукой, но и готовых предлагать собственные научные парадигмы.

Начало этому процессу положила Э. Крозиер. В своей книге, посвящённой «новоанглийским романам» Бичер-Стоу, объясняя широкое распространение среди исследователей ошибочного мнения о писательнице как о последовательной идейной пуританке, она приводит убедительные аргументы. Первый, по мнению Крозиер, состоит в том, что писательница «не была до конца откровенна по поводу своих разногласий с верующими». Второй аргумент ещё интереснее, так как, относясь к области языка и поэтики, является чисто филологическим и даёт ей возможность прийти к нетривиальному выводу. Сравнивая язык инаугурационной речи президента Авраама Линкольна, который изъяснялся почти как ветхозаветный Иеремия в переводе на английский язык, с языком романов Г. Бичер-Стоу, Крозиер пишет, что в обоих случаях «приверженность старинной манере речи не означала следования старинным догмам», а «служила задачам внести новый вклад в достижение единства нации» [7, с. 178]. Заслуга Э. Крозиер состоит ещё и в том, что, чётко проговорив этот тезис, она смогла едва ли не впервые по-настоящему сфокусировать внимание на собственных взглядах Бичер-Стоу. Апеллируя к мистическим и экстатическим опытам её «ангельских героинь», Крозиер приходит к выводу, что воззрения писательницы больше всего по самой сути своей напоминают трансцендентализм Р.У. Эмерсона, хотя в его случае это была выстроенная и оформленная интеллектуальная система, превратившаяся в отдельное направление. Стоу же, озвучивая через своих героинь похожие идеи и чувства, формально оставалась в рамках ортодоксального подхода.

Исследователи-феминистки вроде Э. Аммонс и Д. Берксон ещё более радикальны – они уже полностью отрицают наличие у Бичер-Стоу какой-либо симпатии к патриархальной религии предков и формулируют концепцию «материнской этики» в отношении творчества Бичер-Стоу в качестве основной в её мировоззрении.

Аммонс считала, что в романах Стоу «женское начало, настоящая женственность означают непоколебимую приверженность христианским добродетелям: вере, надежде, милосердию, всепрощению, самопожертвованию, чистоте тела и ума, т. е. этическим представлениям, идущим скорее от эмоций, чем от логики...» [1, с. 8]. При этом, утверждает исследователь, эти добродетели истинной женственности, по мнению Стоу, ни в коей мере не могут служить оправданием пассивности или целиком частной жизни, а должны быть активным утверждением женских ценностей как центра жизни всего человечества. В своих социальных чаяниях Стоу, по мнению Аммонс, надеялась заменить ценности «маскулинного и коммерческого» «материнской, христинцентричной этикой» [1, с. 14].

В статье, вышедшей под редакцией Э. Аммонс, Д. Берксон, на пике популярности в американской академической среде гендерных исследований, первой применила в отношении социальной и богословской концепции Стоу термин «матриархат», а также поспорила с вышедшей тремя годами ранее книгой Э. Дуглас «Феминизация американской культуры» (*Millennial Politics and the Feminine fiction of H.V. Stowe*), где та обвиняет Стоу в «феминизации» американской культуры. Дуглас, так же как Аммонс и Берксон,

была уверена в базовой антипатии Стоу к кальвинизму, однако, в отличие от них, автор книги о феминизации культуры испытала к этой доктрине сочувствие, а слово «женственный» использовала как синоним слова «сентиментальный» и не увидела критики американской жизни, содержащейся в творчестве Стоу, равно как и её альтернативного видения общественного идеала [1, с. 347].

Авторы исследования «Границы сестринства: сестры Бичер о правах женщин и женском вопросе», вышедшей в серии «Гендер и американская культура», Дж. Бойдстон, М. Келли и А. Марголис утверждают, что Гарриет Бичер-Стоу «начала историю женщин в США» [16, с. 34].

В новейших исследованиях конца XX – начала XXI века авторы делают гораздо более серьёзный акцент именно на «феминизм» Г. Бичер-Стоу. Так, автор статьи «Почему мы должны верить Бичер-Стоу» (*Why we should trust H.V. Stowe?*) Фэй Хэлперн, споря с интересующимися историей феминизма и гендерными вопросами литературоведов 1970-1980-х годов, критикует их представление о раздельных сферах – публичной мужской и частной (от этого пренебрегаемой) женской. По её мнению, женщины-писатели вроде Бичер-Стоу не просто пропагандировали некие женские ценности внутри собственной сферы, но через саму эту пропаганду становились частью дискурса, который всегда считался мужским.

В статье «Гарриет Бичер-Стоу и доместификация идеологии свободного труда» (*Domesticity and its critics in the USA*) Р.Н. Кляйн обращает внимание на ещё одну важную особенность фе-

минимизма Стоу – социально-экономический аспект. Опасаясь вторжения в эту сферу мужских ценностей соперничества и конкуренции и стараясь защитить источник духовного и физического существования своей нации, который она видела в домашних хозяйствах, Стоу в самом радикальном варианте хотела бы видеть домашнюю сферу, «полностью очищенной от рыночных ценностей» [17, с. 9].

Таким образом, можно говорить о том, что подход литературоведов США к творчеству Гарриет Бичер-Стоу эволюционировал от констатации её глубокой связи с пуританской традицией Новой Англии в сторону интерпретации её идей как едва ли не изначальной для американской культуры концепции феминизма.

Неоспоримым является также и тот факт, что корпус критических работ, посвящённых «романам новоанглийского цикла», огромен, разнообразен и неоднороден. Особое внимание уделяется вкладу Г.Б. Стоу в формирование литературы «местного колорита», представители которой позволяют читателю объёмнее и глубже погрузиться в специфику именно определённого региона, например Новой Англии. Интерес к творчеству писательницы с годами не угасает, а новые акценты в интерпретации её произведений, современные особенности трактовки её романов только подтверждают тот факт, что творчество Г.Б. Стоу было и остаётся «духовной, интеллектуальной историей» [19, с. 165] американской нации, которая находится в непрерывном эволюционном развитии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ammons, E. *Critical essays on Harriet Beecher Stowe*. Cambridge: MIT Press, 1963.
2. Black, J. *Transatlantic reading of H.B.Stowe, Eliot and Phelps*. N.Y.: Routledge, 2003.
3. Borhem, F. *Harriet Beecher Stowe*. N.Y.: Oxford University Press, 1956.
4. Berkson, D. *Critical essays on H.B.Stowe*. N.Y.: Oxford University Press, 1984.
5. Buell, L. *Calvinism Romanticized*. H.B.Stowe. Boston: MA, 1978.
6. Brooks, V.V. *The Flowering of New England*. N.Y.: Dutton, 1941.
7. Crozier, A. *The novels of Harriet Beecher Stowe*. N.Y.: Oxford University Press, 1973.
8. Douglas, A. *Feminine Sentimentalism*. N.Y.: Alfred A.Knopf, 1977.
9. Foster, Ch. *The Rungless Ladder*. H.B.Stowe and New England Puritanism. Durham, N.C.: Duke University Press, 1954.
10. Harte, B. *Reviews of Oldtown Folks*. Boston: Houghton Mifflin, 1869.
11. Herron, I. *The small town in American Literature*. Durham, N.C.: Duke University Press, 1939.
12. Howells, W. *Reviews of Pink and White Tyranny, My wife and I, Oldtown Fireside stories*. Boston: Houghton Mifflin, 1872.
13. James, H. *Review of We and Our Neighbors*. N.Y.: The Nation, 1875.
14. Johnston, J. *Runaway to Heaven. The story of H.B.Stowe*. – N.Y.: Doubleday, 1963.
15. Jewett, S. *A letter to Mrs. Fiedls*. Boston: Houghton Mifflin, 1911.
16. Kelly, M. *The limits of sisterhood*. North Carolina: Duke University Press, 1988.
17. Klein, R.N. *Harriet Beecher Stowe and the Domestication of Free Labor Ideology, Legacy*. *A Journal of American Women Writers*, Vol. 18, Issue: 2. Nebraska: University of Nebraska Press, 2001.
18. Noble, M. *The ecstasies of Sentimental literature*. Princeton: Princeton University Press, 2000.
19. Parrington, V.L. *Main currents in American Thought*. N.Y.: Dutton, 1930.

20. Romero, L. Domesticity and its critics in the USA. N.Y.: Duke University press, 1997.
21. Wagenknecht, E. H.B.Stowe. The known and the unknown. N.Y.: Oxford University Press, 1965.
22. Wilson, F. Crusader in Crinoline. Philadelphia: Lippincott, 1941.

УДК 821.161.1- 021 «02»

Савинова М.Н.*Московский государственный областной университет***ПРИЁМЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КИНЕМАТОГРАФИЧНОСТИ
В «ЛЕДЯНОМ ПОХОДЕ» Р. ГУЛЯ**

Аннотация. Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме литературной кинематографичности в книге «Ледяной поход» (1921) писателя первой волны русской эмиграции Романа Борисовича Гуля. Произведение анализируется с точки зрения приёмов киноискусства, рассматривается их роль в раскрытии идейного замысла произведения. Особое внимание уделено влиянию кинематографических приёмов, таких как монтаж, крупный и дальний планы, точка зрения, сценарное пунктуационно-графическое оформление текста, динамика повествования и его визуальное восприятие.

Ключевые слова: литературная кинематографичность, монтаж, крупный и дальний планы, точка зрения, синтаксис, герой-повествователь (нарратор), композиция.

M. Savinova*Moscow State Regional University***LITERARY CINEMATOGRAPHIC TECHNIQUES
IN THE BOOK «THE ICE MARCH» BY R. GUL**

Abstract. The article is devoted to the actual problem of literary cinematographic techniques in the book of Roman Gul, writer of the first wave of the Russian emigration – “The Ice march” (1921). The writing is analyzed in terms of cinematographic techniques. This paper presents the their role in uncovering ideological concept of the book. The attention is drawn to the influence of cinematographic techniques, such as montage, close up, long shot, point of view, punctuation and graphical design of the text; to the movement of the narrative and its visual perception.

Key words: literary cinematographic techniques, montage, close up, long shot, point of view, syntax, narrator, composition.

В начале XX столетия особую активность обретает тенденция синтеза различных видов искусства, что во многом обусловлено возникновением кинематографа, появление которого в России совпало с глобальными изменениями в жизни страны. Новый вид искусства по своей динамичности и экспрессивности оказался созвучным эпохе и почти сразу нашёл отклик в литературе. А. Белый, В.В. Маяковский,

А. Мариенгоф, Д.И. Хармс, Б. Пастернак, В. Каверин, Ю.Н. Тынянов активно использовали в своём творчестве кинематографические приёмы, которые со временем вошли в художественную литературу и в литературоведение. Не стали исключением и писатели-эмигранты: В. Набоков, Г. Газданов, Р. Гуль.

Уже в первой книге Романа Гуля «Ледяной поход» (1921) находим приёмы *литературной кинематографич-*

ности¹. Среди них наиболее важным является **монтаж**, заключающийся в расположении рядом двух каких-либо кусков текста, которые, соединяясь, рождают новое восприятие прочитанного [3, с. 253], стимулируя читателя самостоятельно анализировать события произведения.

В «Ледяном походе» монтаж служит усилению динамики повествования и позволяет автору явственнее изобразить трагизм событий гражданской войны в России 1918 года. Так, рядом со сценой, в которой нарратор уговаривает хозяйку одолжить ему лошадей для перевозки тела убитого князя Чичуа, своего боевого товарища, обещает вернуть их и берёт её с собой, чтобы она была уверена в его честности, писатель ставит сцену бесцеремонного угона кавалеристами лошадей у плачущей старухи [1, с. 79]. При таком монтаже эпизодов бесчеловечность, жестокость и низость кавалеристов проявляется ярче на фоне порядочного рассказчика, демонстрирующего способность оставаться человеком даже во время военных событий.

Другим ярким примером монтажа является концовка главы «Первый расстрел», представляющая собой два коротких абзаца. В первом из них писатель показывает улицу, где ещё заметны следы убийства: «Пошёл снег. Стал засыпать пути, вагоны и расстрелянное тело» [1, с. 48], а затем «переводит камеру» на коротающих

вечер офицеров: «Мы сидели в вагоне. Пили чай» [1, с. 48]. Сопоставление этих эпизодов позволило Р. Гулю передать противоестественность убийств и расстрелов на фоне их обыденности для военного времени.

Композиция глав «Ледяного похода» также выстроена посредством монтажа. Сцепляя каждый последующий эпизод с предыдущим, автор книги создаёт сложные событийные цепочки, каждый элемент которых приобретает больше красок при соприкосновении с соседним. Вот пример. В одной из глав «Похода» видим расстрел кучки пленных солдат, каждый из которых умоляет о пощаде: «...да я, ей Богу, не стрелял, помилуйте! невинный я!»; «Да, ей Богу, дяденька, не был я нигде», «Не убивайте! Не убивайте! Невинный я! Невинный!» [1, с. 70]. Одного из солдат, молодого парнишку, спасает князь Чичуа, он убегает под крики белогвардейцев: «Беги... твою мать! Счастье твоё!» [1, с. 70]. Кроткая «вклейка» с милосердным поступком князя подчёркивает жестокость остальных эпизодов.

Следующим звеном цепи в композиции выступает сцена убийства «подпор. К-им» и «хор. М» австрийца, которому, чтобы снять кольцо, они отрезают палец. Но кольцо оказывается дешёвым: «Медное!... его мать!» [1, с. 70-71], – негодует «К-ой».

Следом в тексте «Ледяного похода» идёт описание брошенной, разорённой хаты и очередной самосуд над пленными (их из мести расстреливает капитан, у которого убили жену в самом начале войны совершенно другие люди). За этим эпизодом следует рассказ «офицера В-о» о порке пленных молодых солдат: «Здорово, прямо руки

¹ Литературная кинематографичность – это характеристика текста с преимущественно монтажной техникой композиции, в котором различными, но прежде всего композиционно-синтаксическими средствами, изображается динамическая ситуация наблюдения // См.: Мартыанова И.А. Кинематограф русского текста. – СПб.: Своё издательство, 2011. – С. 7.

отнялись, кричат сволочи», – хохочет «В-о», нагайка которого запачкана кровью солдат. Солдат пороли жестоко, с первого удара прошибая до крови: «А вот одного я совсем случайно на тот свет отправил» [1, с. 71-72], – заканчивает «В-о».

Эпизоды цепи динамично сменяют друг друга благодаря киноприёмам. Рассказчик находит в соломе двадцатилетнего мальчишку: *«Полковник кричит: расстрелять его, мерзавца! Я говорю: он, господин полковник, без винтовки был. Ну, тогда, говорит, набейте ему морду и отпустите»* [1, с. 72]. Герой выводит пленного во двор и отпускает. Вдруг выбегает «капитан П-ев» и убивает солдата прямо в голову.

Заканчивается рассматриваемая нами цепь событий в рамках текста самой лирической, трогательной сцены: приехавшая на телеге баба ищет среди трупов своего мужа. Она бережно переворачивает тела, будто боясь причинить им боль. А когда находит, падает на грудь убитого и громко плачет: *«Голубчик мой! Господи! Господи!..»* [1, с. 73].

Писатель намеренно монтирует подряд несколько эпизодов-звеньев, раскрывающих жестокость белогвардейцев, присоединяя к ним короткие сцены, в которых офицеры проявляют благородство, справедливость и милосердие. Таким сопряжением автор добивается от читателя максимального сочувствия к жертвам гражданской войны, заставляет осознать весь её ужас.

К кинематографическим приёмам, используемым Р. Гулем, также относится **точка зрения**, заключающаяся в наличии в произведении субъекта речи, через сознание которого читатель вос-

принимает художественный мир и все события, в нём происходящие [2, с. 45-46]. В «Ледяном походе» точка зрения принадлежит нарратору и создаёт эффект съёмки одной камерой: вот лирический герой бежит на мост, упирается в реку, *«Бежим назад. Взрывы! Треск!»* – поворот камеры – *«На полотне наш пулемёт, за ним прапорищик-женщина Мерсье прижалась, стреляет по поезду...»* – «Страшный удар» – поворот камеры – *«Убило бегущих пулемётчиков. Стонут лежащие раненые: “возьмите, возьмите, ради Бога”...»* – следующий кадр – герой с товарищами несут раненого – смена кадра – *«Господа, надо найти кого-нибудь из начальников!»* – *«На крыльцо выходит ген. Марков, в жёлтой куртке... <...> “В чём дело?”»* – следующий кадр – *«Вышли из боя. <...> Уже вечереет»* – *«Нашли свою роту»* – опять в окопах – *«Поезд наступает!»* [1, с. 87-89].

Читатель на протяжении всего повествования видит только то, что видит автор-герой. Вместе с ним он оказывается в обозе с ранеными, и, лишившись возможности «видеть» войну, начинает вслед за героями к ней «прислушиваться»: *«Слышите, слышите, приближается, слышите!»* – *говорит молодому юнкеру с раздробленной рукой капитан с перебитыми ногами. Юнкер прислушивается: «Да, по-моему, близится». Капитан нервно, беспомощно откинулся на подушку.*

Впереди и сзади гудит, раскатываясь, артиллерия. Винтовки и пулемёты слились в перекатывающийся треск. Зловещий гул близится к обозу с ранеными. <...>

Из арьергарда идёт небольшая часть вооружённых людей. Лица озабоченные, строгие.

«Ну что?», «Как?» – спрашивают с телег раненые.

«Ничего – наседают, отбиваем», – отвечают спокойно идущие. <...>

Бой с трёх сторон. Впереди самый сильный. Там **не слышно** перерывов – трескотня и гул сплошные.

Обоз стоит на месте несколько часов, и в эти часы **тысячи ушей напряжённо прислушиваются к гулу, вою, треску...**» [1, с. 92-93] (выделено мною. – М. С.).

Все события, происходящие на протяжении этой главы, переданы писателем через слуховое восприятие раненого героя и его соседей по обозу, что доказывает наличие кинематографической точки зрения в «Ледяном походе» и её принадлежность нарратору.

Приёмы кино позволили Р. Гулу максимально визуализировать картины 1-ого Кубанского похода генерала Корнилова. Для этой цели писатель использовал **крупный и дальний планы**, позволяющие либо выделить нужный объект на фоне остальных, либо показать место действия целиком.

Крупный план в рассматриваемом тексте используется автором для выделения в общей картине событий какой-либо значимой детали. Например, чтобы показать разницу между фронтовой и штабной жизнью армии, писатель «наводит камеру» на обувь офицеров штаба: «Я вышел в зал. Некоторые офицеры штаба бесшумно скользят по паркету новыми казенными валенками, другие шумно топаят новыми солдатскими сапогами...» [1, с. 58]. Замысел фрагмента подчёркивает концовка предложения, звучащая, как закадровый комментарий: «...а у нас на фронте ни того, ни другого» [1, с. 58].

Дальний план автор «Ледяного похода» применяет для решения философских задач. С помощью этого киноприёма передано восприятие солдатами противника во время сражений: «Глаза выбирают чёрные точки на противоположной дали, руки наводят на них винтовки, глаза зорко целятся...» [1, с. 54]. И ещё: «Впереди, перебежав полотно, бегут уже без винтовок маленькие фигурки. Пулемётчик прилёг к пулемёту, как застыл. Пулемёт захлопал, рвётся вперёд. Маленькие фигурки падают, бегут, ползут, остаются на месте...» [1, с. 82], – так видят своего врага юные, не искушённые в бою белогвардейцы, ведь намного проще смотреть, как падают маленькие фигурки, чем как умирают люди. Сцены с использованием дальнего плана помогают наглядно продемонстрировать обесценивание человеческой жизни во время войны.

Комбинирование крупного и дальнего планов, с явным преобладанием первого, позволяет писателю погрузить читателя в атмосферу гражданской войны со всеми её подробностями и добиться от него наиболее сильного эмоционального отклика, что необходимо для реализации идейного замысла произведения.

Усилить визуализацию и динамику повествования в книге позволило использование Р. Гулом приёмов кинематографа на уровне **синтаксиса и пунктуационно-графического оформления** текста. Это проявляется в употреблении автором коротких, прерывистых предложений, в постановке точек на месте запятых, подчёркнутой тавтологии. Например: «И там же вспоминается... Около старенькой церкви митинги толп вооружённых

людей в серых шинелях. Злобные речи, почти без смысла. Знамена с надписями: “Мир без аннексий и контрибуций”, “Долой войну”, “Смерть буржуазии”...

Речи, полные злобы и ожесточения, рёв толпы и тысячи махающих в воздухе рук...

Попытки сдержать бессильны...

Разливалась стихия...» [1, с. 29]. И ещё: «Поздний вечер. Подъезжаем к родному городу. Тот же старенький вокзал. Зал I класса. Вон стоит знакомый носильщик. Прохожу. Сажусь на извозчика...» [1, с. 30]. Применение назывных либо нераспространённых предложений, данных с красной строки, и многоточий создаёт эффект флешбэков, вспышек из памяти. А введение в текст знамён с лозунгами усиливает его восприятие, рождая яркие зрительные образы в воображении читающего.

Итак, внедрение Романом Гулем приёмов киноискусства в художественное полотно «Ледяного похода» позволило существенно обогатить книгу с формальной стороны и стало

особым инструментом, позволившим читателю увидеть противоестественность и ужас гражданской войны, а значит, понять авторский замысел.

Литературная кинематографичность Гуля – это не только следование общим тенденциям XX века, формирование собственного стиля, но и воплощение естественного творческого начала писателя, монтажность и сценарность мышления которого, потребность визуализировать, динамизировать текст обусловлены самой судьбой автора – яркой, трагичной и наполненной неожиданными поворотами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гуль Р.Б. Ледяной поход: Автобиографические произведения. Размышления о литературе. – М.: ПРОЗАиК, 2011. – 640 с.
2. Мартъянова И.А. Кинематограф русского текста. – СПб.: Своё издательство, 2011. – 240 с.
3. Эйзенштейн С.М. Избранные статьи / Ред.-сост., авт. вступит. Статьи и примеч. Р.Н. Юренев. – М.: Искусство, 1955. – 456 с.

УДК 821.161.1 Русская литература

Снычева Е. А.

Московский государственный областной университет

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ РАСТИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ ПОЛИКСЕНЫ СОЛОВЬЁВОЙ «ПЛАКУН-ТРАВА»

Аннотация. В статье рассматриваются растительные образы в сборнике Поликсены Соловьёвой «Плакун-трава», вышедшем в 1909 году. Прослеживаются признаки многофункциональности этих образов в стихотворениях сборника; проводятся параллели со стихотворениями поэтов-современников П. Соловьёвой. Основной акцент ставится на соотношении жизни человека и природы, веры в Бога и стремления постичь тайны бытия, определить своё место на земле. В статье показано, как автор раскрывает перед читателем многозначную картину микро- и макромира, обращается и к тонким движениям души, и к величественной, масштабной жизни природы.

Ключевые слова: Серебряный век, символисты, природа, растения, трава, вода, образ водоросли.

E. Snycheva

Moscow State Regional University

MULTIFUNCTIONALITY OF PLANT IMAGES IN THE COLLECTION OF POEMS BY POLIXENA SOLOVIEVA «WILLOW-HERB»

Abstract. The article studies plant images in P. Solovieva's collection of poems "Willow-herb" published in 1909. The examples of multifunctionality of these images are found and analyzed. The author focuses on common features of Solovieva's poetry and works of her contemporaries. The article mainly highlights the correlation of human life and nature; belief in God and the desire to perceive existence, to define your own place on Earth. It also shows how P. Solovieva demonstrates the polysemantic macro- and micro world to her readers, addresses the deepest feelings of human nature and the majestic Nature.

Key words: Silver age, symbolists, nature, plants, images of grass, water and algae.

Почти неизвестная ныне русская поэтесса и художница Серебряного века Поликсена Сергеевна Соловьёва (1867-1924), дочь историка С.М. Соловьёва, успела выпустить при своей жизни несколько поэтических сборников. Первая её книга, «Стихотворения», вышла в 1899 году. Вторую книгу, «Иней» (1905), критиковал Ва-

лерий Брюсов, а вот младосимволисты Андрей Белый и Вячеслав Иванов считали П. Соловьёву своей духовной сестрой и соратницей по поэтическому цеху. Иннокентий Анненский причислял её к «поэтессам первого призыва». Даже само похожее на псевдоним имя Поликсена глубоко символично: в Древней Греции дочь Приама, Поликсену, ахейцы принесли

в жертву тени Ахилла. Примечательно, что мать П.С. Соловьёвой тоже звали Поликсеной.

Третья книга поэтессы, вышедшая в 1909 году в Санкт-Петербурге, получила название «Плакун-трава». Она начинается четверостишием, в котором приоткрывается образ многострадальный православной родины:

Там, где родины моей земля печальная и усталая

Смотрит в небо и шепчет молитвы слова,

Вырастает трава небывалая,

Плакун-трава [10, с. 7].

Можно сказать, что слова: «земля печальная», «молитвы» и «плакун» становятся лейтмотивом всего поэтического сборника Соловьёвой. Следует вспомнить, что по одной из легенд, плакун-трава впервые выросла у реки Иордан, – там, где плакала по распятому Христу Пресвятая Богородица, и с тех пор на плакун-траве даже в сильную жару горит роса.

Но символический образ плакун-травы у П. Соловьёвой раскрывает перед читателем многочисленные грани бытия, выявляя тождественность самых разных, и подчас несовместимых, даже антагонистичных явлений. И это вполне в духе символистов Серебряного века русской литературы. Например, Вячеслав Иванов, которому Поликсена Соловьёва в этой книге посвятила стихотворение «В безумный месяц март», говорил, что при изображении «действительности внешней (realia)» символист провидит «внутреннюю и высшую действительность (realiora)»¹.

Поэтому природа для символиста наполнена самыми разными и, подчас,

необычными связями – символистическим «биоценозом», в котором органика (растения) свободно уподобляется неорганике (минералы). В стихотворениях сборника в ряду подобных примет мы встречаем, например, знак надежды – изумруд (см. одноимённое стихотворение), «грудь камня» («Водоросль»). Одна деталь может стать символом как «от язычества», так и «от христианства». По древним народным поверьям, согласно толкованию Владимира Даля, корень плакун-травы, собранный в Иванову ночь, хранит от соблазна, а бесы и ведьмы буквально плачут от этого растения [8, с. 119].

Образы плакун-травы и вообще растительного мира в книге Поликсены Соловьёвой выполняют целый ряд функций.

В стихотворении «Царевич» главный герой говорит о женщине, влюблённой не в него, а в его роковую песню, в которой «...для горя / Есть заветные слова, / И сквозь гул победный моря / Шелестит плакун-трава» [10, с. 10]. С этой удивительной, почти волшебной песней о небывалой любви царевич спешит к последнему подвигу и к «иной отчизне» – смерти. Победить, погибая – вот удел Царевича. И какой бы великой и яркой ни была победа, сквозь её радостный гул слышится шелест плакун-травы, то есть плач по погибшим. Напоминая о роке, о смерти, она одновременно выполняет и функции плакальщицы.

В другом стихотворении, «Жемчужина», мы неожиданно сталкиваемся с мезьей и ядом «растительного происхождения». Жемчужина (тоже в своём роде растительный образ) росла в раковине, спала в неге, и вдруг люди вытащили её на свет Божий, и

¹ Иванов В. Борозды и межи. – М., 1916. – С. 134.

она «тусклою слезой навеки застыла» [10, с. 13]. В чуждом земном мире, пожалуй, лишь шум людских одежд может показаться ей отзвуком шелеста водорослей (или плакун-травы). И жемчужина, которая не может жить в «горячей могиле» [10, с. 13] солнечного света, начинает мстить женщине, которой теперь принадлежит.

С помощью сонного яда подводных трав, магией которых она пропитана, жемчужина заставляет свою хозяйку отказаться от света и полюбить сумрак. То есть подводные травы в этом стихотворении несут функцию мщения. Жемчужина становится олицетворением коварства и смерти, она буквально пьёт жизнь женщины. Жизнь жемчужины в раковине – это «иной мир», торжество «лилового сумрака» Блока и других символистов: «...в лиловом сумраке необъятного мира качается огромный белый катафалк...»¹.

Ужасный для Жемчужины солнечный свет – это фольклорно вывернутый наизнанку Лучезарный Лик. У современного философа и поэта Константина Кедрова под «выворачиванием» подразумевается смерть-рождение, или метаметафора – «выворачивание вселенной из атома» [9, с. 39]. Для того чтобы вывернуться-родиться, следует пройти все этапы «родовых мук»; герои фольклора нередко умирают, чтобы возродиться «краше прежнего». Этот мотив прослеживается и в «Царевиче».

Плакун-трава у Поликсены Соловьёвой многолика, и её главная ипостась представлена в стихотворении

¹ Блок А. О современном состоянии русского символизма // Аполлон. – № 8. – 1910. – С. 3. (В основе статьи - доклад, прочитанный Блоком 26 марта 1910 года как отклик на доклад Вяч. Иванова «Заветы символизма»).

«Водоросль». При первом прочтении может показаться, что образ водоросли размыт, но именно он становится ключевым во многих стихах поэтессы. Водоросль (она у П. Соловьёвой мужского рода) «рождён волной зел`ной» [10, с. 17], то есть волна (читай – вода) – тоже водоросль. Она появляется перед нами в виде зелёных вод, морей, ручейка, в виде различных трав; её соками пропитана жемчужина.

Своеобразная «водорослевая вселенная» в стихотворении – это мир вечного движения, поэтому здесь так много глаголов и деепричастий. И, разумеется, именно водоросль автор делает чуть ли не центром мироздания: всё крутится вокруг неё, всё это красочное искрящееся движение, динамика живого и неживого мира, волны и пены, солнечных и лунных взглядов, быстрых рыбок и плавных медуз. Здесь водоросль – созерцатель и тот, кто ждёт своего часа. Он мечтает дожидаться бури, напиться её «хмелем», встрепенуться, надышаться разбитыми волнами, а потом вернуться «на грудь камня» и вновь наблюдать за кружением своей вселенной.

Однако гораздо чаще в этой книге образ водоросли олицетворяет собой нечто печальное, грустное, неизбежное, бессильное и смиренное. Но это вовсе не «тоска зелёная», тут есть своя особенность. В «Жемчужине», как уже говорилось выше, водоросль уподобляется пушкинскому ядовитому анчару. Женщина, после того, как ей подарили жемчужину, меняется. При этом и жемчужина, пропитанная ядом водоросли, и женщина – глубоко несчастны. Именно несчастье сделало жемчужину отравительницей. Ярко показано, как жемчужина хочет вер-

нуться в свою ракушку, как она скучает по ласкам водяных струй и перламутра. «Месть злая, нежная, печальная, как я» [10, с. 15], – говорит жемчужина о своём преступлении и даже вызывает к себе жалость у читателя.

Фольклорными мотивами насыщено стихотворение «Жемчуг царевны». Царевна, которой изменил возлюбленный, выбрасывает волшебный жемчуг в воду, в землю и в траву. Смысл этого деяния таков: только тот, «кто познает землю, воды и траву» [10, с. 20], может вернуть свою возлюбленную.

Здесь трава – важнейшая часть фольклорного триединства, и её роль чрезвычайно значима наравне с водой и землёй. А может быть, даже и больше! Оказывается, что именно трава – хранительница волшебного заклинания, и только когда Принц разберёт в шорохе травы слова этого заклинания, он сможет приступить к «познанию воды» и найти другую часть жемчуга. Любопытно, что разрешить все эти загадки и собрать все жемчужины сможет только последний из рода того неверного принца, несчастный и даже безумный мечтатель. В этом стихотворении наше внимание сразу привлекает ещё одна деталь – зелёные глаза царевны. Не в них ли «зашифрован» образ водоросли?

*И слышу, как шелковая трава
Повторяет заклинания слова...
[10, с. 22].*

Почему именно земля, вода и трава нужны царевне для заклания? Ответ можно посчитать очевидным, если вспомнить, что земля – дно, за которую водоросль крепко держится своими корнями, не боясь сильных течений и штормов.

Ярко-зелёные «плывущие» лучи изумруда (стихотворение «Изумруд») – тоже немножко водоросли:

*Лучи в невиданных слияньях
Плывут¹ ко мне со всех сторон,
И я тону в их сочетаньях... [10,
с. 39].*

Кажется, что можно на самом деле потонуть в «сочетаньях» – в многоликости и многогранности водоросли. Но справедливо будет оговориться: в нескольких стихотворениях сборника Поликсены Соловьёвой «Плакун-трава» образ водоросли, как и плакун-травы, никак не отражён.

Почти сразу за историей про неверного принца вполне логично в сборнике Поликсены Соловьёвой следует «Болгарская песня», в которой девушке снятся три сна о трёх женихах. Автор вполне обоснованно использует здесь принцип сказочного триединства. Например, девушка заснула под серебряной оливой и спала богатырским сном – целых три дня и три ночи. Может, в маслине сокрыта некая удивительная сила? Действительно, с оливой или масличным деревом связано множество легенд. В данном случае образ приобретает символическое значение.

В этом стихотворении языческое, «триединое-богатырское» соединено с христианским именно с помощью оливы. Согласно древнегреческой легенде, оливу создала мудрая богиня Афина; ветви этого дерева, по поверьям, отводят от жилища молнии во время грозы, спасают от сглаза и порчи. Она символ долголетия и бессмертия. Немало оливковых деревьев и ветвей в геральдике, достаточно вспомнить времена Каролингов. Поликсена Соловьёва не могла не знать, что это дерево особенно почитается христианами, потому что олива – первое дерево, которое склонилось перед Иисусом

¹ Здесь и далее курсив мой – Е.С.

Христом после Его рождения. У поэта Бориса Пастернака Иисус готовится к предстоящим мучениям там, где «седые серебристые маслины / Пытались вдаль по воздуху шагнуть...»¹.

Так что если говорить о функциональном значении масличного дерева как растительного элемента в этом стихотворении, необходимо подчеркнуть, что оно, это дерево, укрыло девушку от зноя, позволило как следует выспаться и вовремя разбудило её – сразу после того, как девушке приснился «правильный» – третий – жених. Происходит это так: злой ветер сорвал с дерева все плоды, и оливки посыпались на девушку, разбудив её ото сна. «Жёстких ягод град зелёный и скользящий» [10, с. 25] больно хлестнул её по лицу. Но девушка проклиная не маслину, а ветер:

*Пусть отсохнет ветра правое
крыло,
Чтоб не мог он бить маслинами
зелёными,
Сладкий сон свевать дыханьями
солёными!* [10, с. 26].

Растительный, «водорослевый» образ маслины не может померкнуть: дерево лишь орудие в «крыльях» рассерженного ветра.

Один из трёх женихов во сне принёс девушке красное яблочко, символизирующее здоровье, любовь, молодость и жизненные силы. Другой подарил «золочёное колечко». Цвет золота – символ славы и торжества – довольно часто встречается в «Плакун-траве». Вспомним, что Александр Блок использовал этот цвет, изображая независимую и красивую женщину:

*Молодая, золотая,
Ярким солнцем залитая,
Шла ты яркою стезёю* [3, с. 174]².

У Фёдора Сологуба в романе «Заклинательница змей» самая смелая и гордая девушка Вера Карпунина говорит «золотом звенящим голосом» [11, с. 376], когда выходит из леса с корзиной грибов и букетом синих васильков. Золотистые волосы и изумрудные глаза были у поэтессы Зинаиды Гиппиус. И, опять же у Блока, читаем:

*Золотисты лица купальниц.
Их стебель влажен* [2, с. 9]³.

По мнению Иннокентия Анненского, в творчестве Гиппиус и Соловьёвой было немало общего: эту параллель он проводит в статье 1909 года «О современном лиризме», напечатанной в журнале «Аполлон». В 1907 году Гиппиус публикует стихотворение «Овен и Стрелец», эпиграфом к которому ставит строчку поэта А. Меньшова: «Я родился в безумный месяц март...».

А у П. Соловьёвой читаем: «В безумный месяц март я родился на свет...» (стихотворение, посвящённое Вячеславу Иванову). И в этом совпадении нет ничего удивительного: А. Меньшов – один из псевдонимов Поликсены Соловьёвой (второй её псевдоним – Allegro). Сестринские чувства к Поликсене Соловьёвой увидел Лев Аннинский в «Балладе», которую З. Гиппиус ей посвятила. Главное действующее лицо «Баллады» – русалка в шуршащих камышах. Ал. Меньшову посвящено Зинаидой Гиппиус и стихотворение «Журавли» – про «дыханье рек» и «солнечно-алый цветок».

¹ Пастернак Б. Малое собрание сочинений. – СПб.: Азбука, 2011. – С.712. (Роман «Доктор Живаго», стихотворение Юрия Живаго «Гефсиманский сад»).

² Стихотворение «Целый день передо мною...».

³ Стихотворение «Твари весенние».

У П. Соловьёвой в «Болгарской песне» разбуженная девушка просит Бога привести к ней того жениха, что явился во сне без подарков и с печальным вздохом поцеловал её. Конечно, для девушки поцелуй чудеснее всего на свете, а для нас важнее то, что приснившийся жених был без подарков и печально вздыхал. То есть перед нами «рыцарь бедный», способный влюбиться в «виденье, непостижное уму». Этот пушкинский образ в сознании Александра Блока был тесно связан с личностью родного брата Поликсены Соловьёвой, поэта и философа Владимира Сергеевича Соловьёва (1853-1900). В 1910 году Блок опубликует статью, в которой назовёт В.С. Соловьёва «рыцарем-монахом» и даже «рыцарем бедным». Не удивительно, что этот печальный образ для автора «Плакун-травы» очень важен.

В стихотворении «Благовещенье» главная деталь – нежные и строгие, и, словно живые, из растений, «лепестково-белые одежды» Девы. Так поэтесса создаёт образ юности, непорочности, избранности, предчувствия счастья. А вокруг – свет и «золото весеннего напева» [10, с. 29]. В стихотворении «Рассвет» Магдалина идёт «узкой тропею росистой» – конечно, имеются в виду травы, с которых срывается роса. Здесь сад играет роль хранителя страшной тайны, он приют неведомой птицы и призрака.

В книге несколько раз встречается описание высоких, до неба, деревьев. Вот сторожат гробницу суровые кипарисы, протыкающие своими вершинами, словно шеломами витязей, голубое небо («Воскресение»). Они – ни много ни мало – свидетели воскресения Христа.

Стихотворение «Факелы» – тоже про сад, но про ночной сад, в котором деревья обогреты светом факелов. Здесь деревья играют роль границы между живым огнём и ночной нежностью, они машут рдеющими крыльями-ветвями, разгоняя тени нетопырей. В этом произведении улавливается и знакомый образ водоросли:

Змеи огненные пляшут

В чёрном зеркале воды... [10, с. 37].

Как известно, змеи – твари земноводные. Для автора «Заклинательницы змей» Ф. Сологуба, для участников поэтических вечеров у К. Случевского – Константина Бальмонта, Поликсены Соловьёвой, Зинаиды Гиппиус – этот образ был весьма значим. Автор «Плакун-травы» использует внешнюю схожесть змей с гибкими стеблями подводных растений. Водоросль в одноимённом стихотворении хочет питаться хмелем бури и нырнуть потом в глубину, «как пьяный змей» [10, с. 18].

А вот у Соловьёвой и ящерица мелькнула – раз, другой. Оказывается, что мечта – «точно ящерицы тонкой / Промелькнул скользящий бег» («Мгновенье»). Или : «Змеится тропинка... Пёстрой ящерицы спинка...» («В горах»). И вспоминается «Суэцкий канал» Николая Гумилёва:

Виден ящериц рой

Золотисто-зелёных,

Словно влаги морской

Стынут брызги на склонах [10, с. 123].

Брызги, застывшая слеза жемчужины, слёзная роса... Слёзный блеск трав тоже важная деталь, которая не раз возникает в сборнике «Плакун-травы». В «программном» стихотворении «Травы» эта деталь, конечно, есть. Почему «программном»? В этом

небольшом по объёму стихотворении прослеживаются сразу четыре функциональные особенности трав.

Прежде всего, это способность возрождаться первыми из-под умерших прошлогодних листьев; вторая функция – служить игрушкой ветра; третья – функция прохладной ткани «в летнюю пору любви и цветенья» [10, с. 35]; четвертая – создавать целебные соки и злые отравы. Увы, эта многофункциональность не спасает траву. Как бы она ни любила жизнь и родную землю, всё равно ляжет «под косою звенящей» [10, с. 36]. Здесь коса – меч Немезиды, символ грядущей беды, кактаклизма. В другом стихотворении, «Воскресшие долины», ржавая коса символизирует долгую засуху и гибель всех трав. Но вот, подобно исполинам, тем же чёрным кипарисам из «Воскресенья», – встали деревья-призраки леса, предвосхищая возрождение, чувствуя «гул проснувшихся ключей» [10, с. 44].

Стихотворение «В горах» поражает живописностью пейзажа и неожиданной, созданной почти одной деталью, панорамностью. В стихотворении три строфы. П. Соловьёва в первой строфе показывает горную извилистую тропинку и ящерицу, во второй – каперс, и вдруг надо всем этим – картинно парящий и словно распятый в небе орёл. И – вновь важнейшая часть триединства – растение:

*Свесив веток град зелёный
По морщинистой скале,
Белизной осеребрённой
Каперс льнёт к седой земле*
[10, с. 45].

Здесь земля – спаситель растения. Но всё создано из праха земного, прахом и станет. Об этом говорится в «Страхе земли» – о молитве в мёртвой

пустыне, где даже ветер едва может шелестеть засохшей травой. В этом стихотворении трава – символ праха.

О важной и очень серьёзной миссии трав говорит поэтесса в стихотворении «Снежок». Тает последний снежок в сырой ложине, а над ним – «травка остро-зелёная / Нежною встала щетинкой» [1, с. 61]. Перед нами образец неожиданной метафоры и оксюморона. Щетинка – да ещё не жёсткая, а нежная (один из любимейших эпитетов Поликсены Соловьёвой). Травка бойка, юна, похожа на непослушную девчонку-сорванца. Снежок прощается с травкой, и здесь функция последней, несмотря ни на что, стремиться в завтрашний день, в будущее. Снежок дарит жизнь травке, и её задача – принять этот дар: у неё сегодня – день рождения. В этом образе – новая жизнь, со всеми её будущими радостями и печалью, открытиями и ошибками, возможностями и задачами: нести свет нового дня, вбирая в себя небо «страстно и невинно», «дымясь серебром полынным» [10, с. 49], блестя ковыльными лучами-нитями (стихотворение «Утро»).

В стихотворении «Наверху» опять прослеживается мотив плакун-травы: «Как мгновенная белая пена, печаль» [10, с. 51]. Но сколько радости, а не печали, могут принести растения в день Святой Троицы (стихотворение «Троицын день»)!. Этот праздник традиционно олицетворяют белоснежные берёзы, на коре которых «роются слёзы нежные» [10, с. 65]. Иконы в домах и храмах украшаются душистыми берёзовыми и кленовыми веточками с листьями, а пол устилается свежескошенной травой, золотистыми цветами. Зелёный свет растений означает

животворящую и обновляющую силу Святого Духа. В Троицу такое убранство радует Бога и людей. И, конечно, люди обязательно помянут в молитве «травы нежные, желтоцветы и берёзы белоснежные» [10, с. 65].

И опять к небу, пронзая его, стремятся деревья (стихотворение «Тишина», посвящённое З. Гиппиус), но здесь вершины елей уже молитвенные. Эта молитвенная функция деревьев встречается и в стихотворении «Боль», в котором липы пытаются помочь лирическому герою справиться с горем, сопереживают ему, роняя «в сумерках вздохи медвяные» [10, с. 67], словно капли смолы – будущего янтаря.

В сборнике сплетены воедино природа и человек, вера в Бога, Евангельский мир и желание постичь тайны бытия. Соловьёва рисует перед читателем многозначную картину микро- и макромира, обращается и к тонким движениям души, и к величественной, масштабной жизни природы. Перед нами развёрнуты картины морских пучин и высоких гор, безграничного поднебесья и безводных пустынь. Автором широко используются слова, относящиеся к лексико-семантическому полю цвета. Мир «Плакун-травы» декоративен, многоцветен, его насыщенные краски близки душе лирического героя, ищущего красоты и гармонии. Природа в стихах П. Соловьёвой одухотворена. Это не фон, лишь оттеняющий переживания человека, – природа участвует в размышлениях лирического героя, поражает своей красотой, величием, мощью, она таит загадки и неотступно манит искать на них ответы.

Творчество Полиksены Соловьёвой, к сожалению, ещё не стало широко известным современному читателю. Но даже на примере одной её книги мы видим: автор по-настоящему талантлив и одарён. Образы и поэтические средства выразительности сборника «Плакун-травы» увлекают, вызывают множество ассоциаций, помогают заново испытать удивление перед миром, интерес к нему. Хочется верить, что голос Полиksены Соловьёвой – автора проникновенных и тонких стихотворений – обязательно будет услышан.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анненский И. О современном лиризме. // Книга отражений. – М.: Наука, 1979. – 680 с.
2. Блок А. Нечаянная радость. Второй сборник стихов. – М.: Скорпион, 1907. – 178 с.
3. Блок А. Собрание соч. в 8 тт. Т. 1. Стихотворения 1897-1904 гг. – М. – Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – 716 с.
4. Гиппиус З.Н. Живые лица. Стихи, дневники. – Тбилиси: МЕРАНИ, 1991. – 398 с.
5. Гиппиус З.Н. Стихотворения; Живые лица / Вступ. статья, Сост., подгот. текста, коммент. Н. Богомолова. – М.: Худож. лит., 1991. – 471 с. (Забывтая книга).
6. Гумилёв Н. Избранное / Серия Библиотека словесника. – М.: Просвещение, 1990. – 384 с.
7. Гумилёв Н. Стихи, письма о русской поэзии / Серия Забывтая книга. – М.: «Художественная литература», 1989. – 447 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырёх томах. Том III. Государственное издательство иностранных и национальных словарей. – М.: 1955. – 554 с.

9. Кедров К. Метаметафора. — М.: ДООС, 1999. — 39 с.
10. Пастернак Б. Малое собрание сочинений. СПб.: «Азбука», 2011. — 720 с.
11. Соловьёва П. Плакун-трава. Стихи. — СПб.: Площадь Мариинского театра, 6. — 1909. — 76 с.
12. Сологуб Ф. Заклинательница змей. Романы, рассказы. — М.: ТЕРРА-TERRA, 1997. — 736 с.

УДК 821.161.1.09 Гумилёв Н.С.

Сотова Т.О.

Московский государственный областной университет

**СБОРНИК СТИХОВ «ФАРФОРОВЫЙ ПАВИЛЬОН» Н.С. ГУМИЛЁВА.
МИРОВОЗЗРЕНИЕ КИТАЙСКИХ ПОЭТОВ
И ОТНОШЕНИЕ К НИМ ПЕРЕВОДЧИКА**

Аннотация: в статье исследуется сборник стихов Н.С. Гумилёва «Фарфоровый павильон» (1918), в который вошли переводы стихотворений китайских поэтов VII-XIX веков. Проводятся параллели с «китайскими стихотворениями» Н.С. Гумилёва более раннего периода (сборники «Жемчуга» (1910), «Чужое небо» (1912), «Колчан» (1916)), а также с творчеством малоизвестной поэтессы Серебряного века М. Лёвберг. Привлекаются сведения из истории китайской поэзии. Аргументируется точка зрения, согласно которой «Фарфоровый павильон» является отражением духовных метаморфоз Гумилёва в 1914-1918 гг. *Ключевые слова:* Восток, духовный кризис, Европа, Китай, китайская поэзия, культура, лирический герой.

T. Sotova

Moscow State Regional University

**N. GUMILEV'S BOOK OF POEMS "PORCELAIN PAVILION".
OUTLOOK OF THE CHINESE POETS AND TRANSLATOR'S ATTITUDE
OF THE TOWARDS THEM**

Abstract. This article explores N. Gumilev's collection of poems "Porcelain Pavilion" (1918), which included translations of poems by Chinese poets of VII-XIX centuries. Parallels are drawn with the N. Gumilev's «Chinese poems» of earlier period (collections "Pearl" (1910), "Alien Sky" (1912), "Quiver" (1916)), as well as with the works of a little-known poet of the Silver Age M. Levberg. The author also looked into the history of Chinese poetry. The point of view is proved according to which "Porcelain Pavilion" is a reflection of the spiritual metamorphosis of Gumilev in 1914-1918s.

Key words: East, spiritual crisis, Europe, China, Chinese poetry, culture, lyrical hero.

За Николаем Гумилевым ещё при его жизни закрепилась репутация «певца дальних странствий». Однако интерес поэта к чужим культурам отнюдь не исчерпывался любовью с экзотике и желанием удивить читателя. Гумилёв – поэт-исследователь, цель которого выявить и постичь движущие процессы истории человечества.

© Сотова Т.О., 2014.

Даже обращаясь к экзотическим, с точки зрения русского человека, культурам Африки, Индии или Китая, поэт стремился найти и восстановить по крупицам некое великое истинное знание о предназначении человека.

Выбор стран видится здесь отнюдь не случайным. Вполне возможно, он стал отражением общих тенденций, характерных для европейской культу-

ры XIX-XX веков. В этот период западное, равно как и российское, общество охватывает волна увлечения Востоком. Во многом этому способствовала колониальная политика западных держав, а также выход из многовековой изоляции таких стран, как Япония и Китай. В поисках выхода из того духовного тупика, в котором оказалась западная культура, представители интеллектуальной элиты обращались к культурному наследию буддийских стран (Индия, Китай, Япония, Корея) и мусульманского Востока. Эти цивилизации, имевшие более древнюю, нежели европейская, историю, создавшие великую культуру ещё в те времена, когда западный мир пребывал в варварском состоянии, виделись носителями «истинного знания», утраченного человеком Запада в его погоне за практическими изобретениями и материальными благами. Широкой популярностью на рубеже веков пользуются восточные религии и культы, а также основанные на них разного рода эзотерические учения, распространение получают идеи видных мистических философов. «Восточные увлечения» носили самый широкий характер и были характерны не только для «лучших умов», остро сознававших кризис привычных ценностей, но и для людей, в общем-то, далёких от культурных вопросов. Для последних этот интерес был также следствием духовного кризиса привычных ценностей, ощущаемого скорее интуитивно.

Увлечение всевозможной мистикой и восточными культурами не обошло стороной и Россию, жившую в начале XX века в лихорадочном предчувствии надвигающейся революции. Показательно, что именно в предре-

волюционной России появились известные впоследствии во всем мире пропагандисты восточных учений как Г.И. Гурджиев, Е.П. Блаватская, Н.К. и Е.И. Рерихи. У русской интеллигенции подобные тенденции вызвали противоречивые чувства, варьировавшиеся от восхищения до страха. О своем страхе перед «восточной угрозой» откровенно говорил известный русский философ Владимир Соловьёв, видевший главную опасность для европейской цивилизации в лице Китая. Свою точку зрения Соловьёв изложил в статье «Китай и Европа» (1890 г.). Опасность китайской нации заключается в её способности с лёгкостью перенимать европейские достижения при абсолютном нежелании менять свой менталитет и жизненный уклад. Христианской культуре Европы и России Соловьёв противопоставил учение Конфуция. Эта исповедуемая китайцами религия чужда христианству, провозглашающему идеи любви ко всему живому, равенства всех людей перед богом и ценность человеческой жизни. Конфуцианство предлагает человеку жить в духе коллективизма, заботиться лишь о благе своих родных, ставить практическую пользу превыше милосердия и отвергает людей, каким-либо образом приступивших социальные нормы. Не менее опасным видится автору и даосим, проповедующий стремление к полному безличию и отказу от прогресса [7, с. 369-370]. Философ цитирует Лао-цзы: «Мудрый и святой человек постоянно и всячески заботится о том, чтобы сделать свой народ невежественным и лишённым желаний» [7, с. 369-370]; «Если вы откажетесь от мудрости и бросите благоразумие, то народ станет во сто раз счастливее;

если вы откажетесь от человеколюбия и бросите справедливость, то народ вернётся к сыновней почительности» [7, с. 369-370]. Народ, руководствующийся такой философией, крайне опасен, а стремление китайцев освоить достижения европейской науки не оставляет сомнений в их стремлении к экспансии. В статье «Враг с Востока» Соловьёв более краток и резок: Европе и России угрожает культурная экспансия индийских и тибетских просветителей: «<...> Дальняя Азия, столько раз выславшая опустошительные полчища своих кочевников на христианский мир, готовится в последний раз против него выступить с совершенно другой стороны: она собирается одолеть нас культурными и духовными силами, сосредоточенными в китайском государстве и буддийской религии» [8, с. 408].

Н.С. Гумилеву, судя по поэтическому творчеству, ни Китай, ни восточная культура в целом не виделись чем-то враждебным. Интерес к восточным культурам имел для него глубоко личную мотивацию. Собственные духовные поиски для поэта важнее современного ему Китая и перспектив его развития. Пик увлечения Гумилёва Востоком пришёлся на 1917-1921 гг. – последние годы первой мировой войны и начало революционных катаклизмов в России. Для поэта этот период был связан с духовным подъёмом, заставившим увидеть в новом свете привычные ценности.

Произошедшая с поэтом внутренняя метаморфоза в полной мере нашла своё отражение в сборнике стихов «Фарфоровый павильон» (1918). Основную его часть составляют переводы стихов китайских поэтов разных

веков. Необходимо отметить, что китайского языка Гумилёв не знал; все стихи были переведены с французского и взяты из антологии китайских поэтов, составленной Теофилом Готье.

Однако «Фарфоровый павильон» был далеко не первым случаем обращения Гумилёва к «китайской теме». Китай появляется в творчестве поэта приблизительно с 1910-х годов, при этом китайские стихотворения Гумилёва дают хорошую возможность проследить, как менялся внутренний мир их автора, происходило его духовное взросление. Стихотворение «Путешествие в Китай» («Жемчуга» (1910) можно охарактеризовать как совершенно типичное для гумилевской «Музы Дальних Странствий». В странствие на Восток отправляются герои стихотворения – европейские моряки. Их цель – Китай, который сами путешественники определяют как «далёкий». Однако речь идёт явно не о современниках поэта: Гумилёв отсылает своего читателя к эпохе Великих географических открытий и персонажами стихотворения оказываются люди периода Возрождения. В качестве дополнительного временного ориентира в стихотворении появляется «мэтр Раблэ». Вполне возможно, что это не кто иной, как сам Франсуа Рабле – один из крупнейших французских писателей эпохи Ренессанса. По воле поэта автор знаменитого романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» оказался на плывущем в Китай корабле в компании развесёлых матросов. С той же долей вероятности можно предположить, что данный персонаж – однофамилец великого писателя-гуманиста, наделённый теми же, что и Рабле, чертами характера: жизнелюбием, избытком телес-

ности, пристрастием к вину и кутежам, склонностью к бродячей жизни. Схожие качества присущи и его спутникам, скрашивающим длительное плавание выпивкой и безудержным весельем, что невольно вызывает ассоциацию с картиной Иеронима Босха «Корабль дураков» (ок. 1500 г.). Герои Гумилёва – мореплаватели, бесшабашные искатели приключений. Отправиться за тридевять земель их вынудили отнюдь не торговые дела и даже не жажда географических открытий, ведь Китай в ту эпоху был уже немного известен европейцам благодаря Марко Поло, а европейские купцы довольно успешно торговали китайскими товарами (правда чаще при посредничестве арабских и персидских торговцев). Героями стихотворения движет стремление уйти от привычного им опостылевшего мира, их души полны тоски и разочарования, единственным средством избавления от которых видится отплытие в далекую таинственную страну, какой для западного человека той эпохи был Китай:

*Все мы знавали злое горе,
Бросили все заветный рай,
Все мы, товарищи, верим в море,
Можем отплыть в далёкий Китай* [2, с. 80].

Им, испытавшим всё авантюристам, этот экзотический край представляется идеальным местом, где они, наконец, смогут обрести утешение, вернуть покой и радость опустошённой душе:

*Только не думать! Будет счастье
В самом крикливом кабаду,
Душу исполнит нам жгучей
страстью
Смуглый ребёнок в чайном саду* [2, с. 80].

О том, насколько глубока эта душевная опустошённость, говорит хотя бы финальное восклицание героев стихотворения:

*Только в Китае мы якорь бросим,
Хоть на пути и встретим
смерть!* [2, с. 80]

Закономерно возникает вопрос: не является ли это «путешествие в Китай» неким символом? Не напоминают гумилёвские моряки своими чувствами и чаяниями современников поэта, искавших в «экзотических» восточных культурах и религиозных учениях отвлечения от духовного кризиса, охватившего Европу на рубеже столетий?

Приблизительные ответы на эти вопросы можно обнаружить в двух «китайских стихотворениях» последних лет. Первое из них, «Я верил, я думал», было включено в сборник «Чужое небо» (1912). С духовно-психологической точки зрения здесь имеет место ситуация, отчасти схожая с той, что и в «Путешествии в Китай». Лирический герой обнаруживает себя в своего рода духовном тупике. Человек совершенно одинок и незащищен перед лицом бытия, кажется, что даже Бог покинул его, предоставив полную свободу в поисках собственного пути. Однако такая свобода на поверку оказывается самым страшным испытанием. Собственных духовных сил и внутреннего потенциала, как бы велики они ни были, не достаточно, чтобы поддержать личность на жизненном пути, возникает опасность срыва:

*Летящей горю за мною несётся
Вчера,
А Завтра меня впереди ожидает,
как бездна,
Иду... но когда-нибудь в Бездну
сорвётся Гора.*

*Я знаю, я знаю, дорога моя беспо-
лезна.*

*И если я волей себе покоряю людей,
И если слетает ко мне по ночам
вдохновенье,
И если я ведаю тайны – поэт, ча-
родей,*

*Властитель вселенной – тем бу-
дет страшнее паденье [2, с. 110].*

Перед нами кризис мировоззрения, который переживает человек, свято веривший в силу своего разума, в то, что он «царь Вселенной», и осознавший в итоге всю иллюзорность своего могущества. В какой-то степени это практическое вживание в мироощущение Сверхчеловека Ницше, идеями которого в юности был увлечён Гумилёв. В более широком смысле это кризис всего европейского общества с его системой ценностей и верой во всеисилье человеческого разума. Европейская гуманистическая мысль, провозгласившая человека величайшей ценностью, будучи доведённой до абсурда, породила ницшеовское обобщение в образе Сверхчеловека. Таким образом, ницшеанская философия стала своеобразным символом упадка европейского гуманизма.

Обнаружив себя в кризисной ситуации, и отдельный человек, и целое общество начинают поиски альтернативной идеи, которая обеспечила бы возможность выхода из тупика. Достаточно символично, что в той части стихотворения, где говорится о возможности обретения героем душевного равновесия, речь заходит о Китае. Однако теперь это не просто далёкая страна... В контексте данного стихотворения Китай скорее сравним с «Индией духа» из стихотворения «Заблудившийся трамвай»:

*И вот мне приснилось, что сердце
моё не болит,*

*Оно – колокольчик фарфоровый в
жёлтом Китае*

*На пагоде пестрой... висит и
приветно звенит,*

*В эмалевом небе дразня журавли-
ные стаи [2, с. 110].*

Экзотическая страна вновь ассоциируется с обретением внутренней гармонии, однако в данном случае «экзотика» обрисована гораздо мягче, нежели в «Путешествии в Китай» и, не имеет довлеющего значения. Миниатюрно-игрушечный, напоминающий рисунок на фарфоровой вазе, этот Китай в стиле «шинуазри» опять видится тихой райской гаванью для измученной души. Герою стихотворения кажется, а точнее, снится, что он каким-то образом обрёл душевный покой, ему было открыто некое тайное знание, символически воплощением которого становится китайская девушка:

*А тихая девушка в платье из
красных шелков,*

*Где золотом вышиты осы, цве-
ты и драконы,*

*С поджатыми ножками смо-
трит без мыслей и снов,*

*Внимательно слушая лёгкие, лёг-
кие звонны» [2, с. 110].*

Истина, которую невозможно передать словами, которая может быть постигнута лишь путём созерцания и единения с окружающим миром, – одна из центральных тем таких известных восточных учений: буддизма, индуизма и возникшего непосредственно в Китае даосизма. Как уже отмечалось, пристальный интерес Гумилёва к восточным религиям пришёлся на период с 1918-1921 гг.: поэт посещал лекции по буддизму, водил знакомство с Ни-

колаем Рерихом, изучал индийскую культуру. Однако можно утверждать, что путь поэта на Восток начался несколько ранее.

Символически начало этого пути описано в стихотворении «Возвращение» («Колчан», 1916). Путешествие героя в Китай трактуется как возвращение на некую истинную изначальную родину души. Персонаж стихотворения по-прежнему жаждет обрести душевный покой. Но это уже не отчаянный искатель приключений, а смиренный пилигрим, понимающий и смысл своего пути, и его конечную цель. Показательно, что в «Возвращении» совершенно отсутствует экзотический антураж; необходимости в нём больше нет. Теперь лирического героя окружают безбрежные пространства Великой степи:

*Мы видели горы, лес и воды,
Мы спали в кибитках чужих равнин... [2, с. 135]*

И опять спутник героя – китаец, выступает на этот раз в роли проводника. Он приводит его к «стене Китая», за которой странник обретёт истину, а вместе с ней гармонию души, которые для него неразделимы. Воплощением этого знания в стихотворении является Будда, а точнее, его изваяние, который герой также видит у «стены Китая»:

*На белом пригорке, над полем чайным,
У пагоды ветхой сидел Будда.
Пред ним я склонился в восторге тайном,
И было сладко, как никогда.
Так тихо, так тихо над миром дольным,
С глазами гадюки, он пел и пел
О старом, о странном, о безбольном,
О вечном, и воздух вокруг светлел [2, с. 135].*

Сам герой «Возвращения» в некотором смысле уподобляется Будде: он так же, как некогда царевич Гаутама, покинул свой дом тайно под покровом ночи, чтобы отправиться на поиски истины. А прозрение, которое ему ещё предстоит пережить, вполне может оказаться описанным в буддизме состоянием просветления.

Интересная параллель обнаруживается при сравнении гумилёвских стихов о Китае с «китайским стихотворением» поэтессы Мария Лёвберг (1894-1933).

*Удлинила брови чёрной краской,
Напоила взгляд кошачьей лаской,
Синее надела кимоно.
Посмотрев задумчиво в окно,
Прошептала: «чай – моё вино»,
И решила, что она в Китае.*

*Перед нею чашка золотая.
Нарисованный китаец, полный грёз,
Улыбается, о родине мечтая...
У неё в причёске, вместо роз,
Притаилось золото мимоз.*

*Мы вдвоём, серьёзные, как дети,
Сочиняем вместе сказки эти.
Настоящей жизни больше нет.
Мы, баюкая молчанием наш бред,
Задвигаем шторы на рассвете [9, с. 124].*

Гумилёв и Лёвберг были близко знакомы, она была адресатом его стихотворения «Ты жаворонок в горной высоте» (1915) [9, с. 122]. Стихотворение «Удлинила брови чёрной краской» было написано в 1915 году (на это время пришёлся роман Гумилёва и Лёвберг) [9, с. 122]. Для поэтессы «игра в Китай» – попытка уйти от тягот повседневной «настоящей» жизни (сти-

хотворение создано в разгар первой мировой войны). Эта идея сближает стихотворение по смыслу с гумилёвскими «Путешествием в Китай» и «Я верил, я думал». Однако то, что для Лёвберг всего лишь игра, «сказка», «бред», для поэта важный этап духовного развития, обращение к чужой «экзотической» культуре связано с попыткой разобраться в себе, обрести смысл жизни. Потому и «путешествие в Китай» Гумилёва происходит на духовном, а не на физическом уровне.

В 1918 году в петербургском издательстве «Гиперборей» увидел свет поэтический сборник «Фарфоровый павильон». Как уже отмечалось, большую часть стихов составляли переводы из антологии китайской поэзии Теофила Гюте. Несомненно, поэт выбирал для перевода те стихотворения, которые были созвучны его новому душевному настрою и взгляду на мир. Почти все стихотворения сборника созвучны между собой по тематике: покойная созерцательная жизнь в гармонии с природой, преклонение перед красотой (будь то женская красота или красота окружающего мира), радость общения с близкими по духу людьми.

В стихотворении «Я не прожил, я протомился...» («Колчан», 1916), написанном всего за пару лет до выхода «Фарфорового павильона», лирический герой с горечью говорит о своём внутреннем конфликте, о слишком сильной привязанности к земным радостям, собственная жизнь кажется прожитой впустую [2, с. 146]. Однако уже в стихах «Фарфорового павильона» поэтизируется достижение определённой душевной гармонии. Любовь к земной жизни уже не видится чем-то отдаляющим человека от Божествен-

ного. Скорее, наоборот, находясь в единении с миром, человек постигает истинный смысл бытия. Уже само название сборника призвано вызвать ассоциации с таким прекрасным и хрупким материалом, как фарфор, – символом прелестного изящества, хрупкости и ненадёжности земного бытия.

Свое название сборник получил по первому стихотворению, которое является переводом поэта Ли Бо (у Гумилёва Ли-Тай-Пе) (701-762 н.э.). – один из самых выдающихся мастеров слова в китайской классической поэзии. Компания приятелей, собравшаяся в фарфоровом павильоне, чтобы выпить вина и полюбоваться отражением луны в озере, незаметно для себя обретают внутреннюю гармонию, так как им доступна возможность общения друг с другом и с природой. Несколько комическим символом последнего становится их отражение в воде:

*И ясно видно в чистом озере –
Мост вогнутый, как месяц яшмовый,*

*И несколько друзей за чашами,
Повернутых вниз головой [2, с. 176].*

Ещё более прозрачно рецепт душевной гармонии представлен в другом переложении стихотворения Ли Бо – «Счастье»:

И если владеешь ты лёгкой ладьёй,

*Вином и женщиной милой,
Чего тебе надо ещё? Ты во всем
Подобен гениям неба [2, с. 179].*

К 1918 году творчество Ли Бо было уже немного известно в России: отдельные стихи этого поэта переводил Бальмонт. Можно предположить, что Гумилёв был знаком с творчеством

и биографией китайского поэта, тем более, что при сравнении жизненного пути обоих поэтов невольно напрашиваются определённые параллели. О Ли Бо известно, что он прожил довольно бурную жизнь, но при этом никогда не гнался за чинами и богатством. В молодости он успел побывать даосским отшельником, раздал всё своё состояние бедным, затем стал «жэньсе» (так в Китае называли народных рыцарей, бравших на себя защиту слабых и угнетённых), был придворным поэтом, участвовал в антиправительственном восстании, что едва не стоило ему головы, провёл несколько лет в ссылке. Даосизм, которым в молодые годы увлекался Ли Бо, религиозно-философское учение, проповедовавшее достижение просветлённого состояния через единение со вселенной и недеяния. Однако будучи по своей природе человеком, способным глубоко сопереживать чужому горю, поэт так и не сумел стать истинным даосом [6, с. 10-20]. Ли Бо сравнивал самого себя с легендарным буддийским святым Вималакирти. По преданию тот был очень богат, успешно занимался торговлей, имел семью, т. е. жил полноценной мирской жизнью. В истории буддизма Вималакирти – образец праведного мирянина. Он осуждал аскетизм и отказ от мира, истинная праведность, по его мнению, как раз и стояла в самой активной мирской деятельности [6, с. 18]. Интересно, что такой вид праведности знаком и христианской традиции, где существует понятие «мирской подвижник». Гармония с миром, спокойное наслаждение его красотой, умение ценить самые маленькие радости в сочетании с активной жизненной позицией были близки и Гумилёву

и воспринимались им как неотъемлемые качества человека истинного, просветлённого.

Мотивы единения с природой и дружеского общения занимают в сборнике центральное место, что характерно для всей китайской поэзии [1, с. 11-12], а также пейзажная лирика («природа живописуется во всех её проявлениях, воспринимается как нечто одухотворённое, предполагающие взаимопроникновение и даже полное слияние» [1, с. 10]). Стихотворения «Луна на море» (автор оригинала Ли Оэй (IX-X в.) (у Гумилёва – Ли-Сун-Чан), «Отражение гор» (автор оригинала Чан Цзи (у Гумилёва – Чан-Чи) (765-830 гг.), «Природа» (автор оригинала Ван Цзы (XVIII в.) (у Гумилёва – Уан-Тие), «Дорога» (автор оригинала неизвестен), «Соединение» (автор оригинала Соа Нан), «Поэт» (автор оригинала Чан Жо Су (XIX в.) (у Гумилёва – Тан-Ио-Су) объединяют схожие образы и сюжеты. Природа и человек находятся в постоянном взаимодействии. Связь эта настолько неразрывна, что мир природы нередко видится отражением мира людей («Луна на море», «Природа», «Соединение»). Плывущие по небу ночные тучи напоминают лирическому герою «поезд богдыханских жён» («Луна на море»), бамбуковая роща и скалы похожи на городские крыши и пагоды («Природа»), а вечерний ветер «целует ошастливленную воду» подобно влюбленному («Соединение»). «Мне думать весело, что вечная / Природа учится у нас» [2, с. 177], – признаётся поэт в стихотворении «Природа». Действительно, мир природы открыт человеку, он одно с ним целое, и только здесь он способен найти истинное утешение и восстановить нарушенное

душевное равновесие. Понятия «гармония с собой» и «гармония с природой» неразделимы в сознании поэта, ощущающего себя важной частичкой одного великого целого. Своего рода высшая точка такого единения обозначена в стихотворении «Поэт». Герой влюбляется в луну, утверждая, что с ней не способна сравниться ни одна земная женщина. Ему начинает казаться, что и луна отвечает на его чувства. Поэт оказывается своего рода избранником:

Не вовсе чужой я прекрасной богине:

Ответный я чувствую взгляд.

*Ни ветви деревьев, ни летучие мыши
Не скроют меня от него.*

Во взоры поэтов, забывших про женщин,

Отрадно смотреться луне,

Как в полные блеска чешуи драконов,

Священных поэтов морей [2, с. 180].

В тех же стихотворениях можно обнаружить стремление придать окружающему миру черты миниатюрности и даже некой искусственности. Наиболее ярко это отражено в стихотворении «Природа», где деревья и скалы преобразуются в городские здания, а маленькое озеро уподобляется наполненной водой чаше. Другой прием, позволяющий ощутить некую миниатюрность и даже иллюзорность мира – показать его отражение в воде. Комическая зарисовка из стихотворения «Фарфоровый павильон», где люди отражаются в озере вниз головой, перекликается с другим стихотворением – «Отражение гор». Лирический герой обретает забытый внутренний покой на горном озере:

*Прежде тысячи были печалей,
Сердце билось, как загнанный зверь,*

И хотело неведомых далей

И хотело еще... но теперь

Я люблю отражения гор

На поверхности чистых озёр [2, с. 177].

Герой стихотворения не жаждет настоящих приключений, но лишь их гармонического отражения и искусстве, символом которого становятся отражения гор в прозрачной водной глади. Стоит заметить, что все картины природы, появляющиеся в стихотворениях сборника, предстают перед читателем в некоем иллюзорно-таинственном ореоле. Зыбкая гладь озера, по которой скользит утлая лодочка, завораживающий свет луны, ночной или вечерний сумрак, придающий предметам размытые очертания – всё это создаёт ощущение сна или видения. Можно удивляться перевороту в мировоззрении поэта, за восемь лет до того заявлявшего:

...Теперь бы кручи необорные,

Снега серебряных вершин

Да тучи сизые и чёрные

Над гулким грохотом лавин! [2, с. 84]

Теперь горы – некогда символ столь желанных жизненных испытаний – привлекают поэта только как отражение в тихом горном озере, а жажда приключений сменилась стремлением к покою и уединению.

Другая важная тема «Фарфорового павильона» – скитания, ей посвящены стихотворения «Странник» и «Дом». Автор оригинала в обоих случаях Ду Фу (712-770) – знаменитый поэт VIII века, друг и младший современник Ли Бо. Стихи по сути

автобиографичны: практически вся сознательная жизнь поэта прошла в бедности и странствиях. В молодости Ду Фу не смог сдать экзамены на государственного чиновника, и это побудило его отправиться в многолетнее путешествие по стране. В более зрелые годы он также много путешествовал: сначала по делам службы, а затем спасаясь от охвативших империю голода и мятежа. Из биографии поэта известно, что умер он в лодке во время переправы через реку Янцзыцзян. Жизненные невзгоды наложили глубокий отпечаток на поэзию Ду Фу, определив её главные темы: бедствия простого народа, непостоянная человеческая судьба, бесконечные странствия [4, с. 5-10]. Стихотворения Ду Фу, включённые Гумилёвым в «Фарфоровый павильон», наиболее характерны для творчества этого поэта. В «Страннике» описывается состояние человека, скитающегося вдали от родины. Сам переводчик в момент работы над переложениями находился в составе дипломатического корпуса в Англии и Франции. Поэту близки мысли о родстве всех городов и весей, несмотря на границы. Это родство обеспечивается вненациональными картинами и голосами природы:

*Но природа так ослепительна
Что не вовсе несчастен ты.
Пенья птиц, в ветвях гнездящихся,
Разве чуждый язык тебе? [2,
с. 179]*

Но даже эти милые голоса не способны подарить полного забвения: воспоминания о доме возвращаются, и человек вновь мысленно устремляется к родным мечтам:

*Ты поймёшь всю бесконечную
Скорбь, доставшуюся тебе,
И умчишься мыслью к родине,
Заслоняя рукой глаза [2, с. 179].*

Пережитый поэтом духовный кризис был во многом предопределён событиями предыдущих лет. Реалии первой мировой войны, участником которой был Гумилёв, разрушили веру в возможность преобразования человечества через великие потрясения. Бесконечные странствия в поисках новых впечатлений и смысла жизни больше не приносят прежнего удовлетворения. Начиная с 1916-1917 годов в творчестве поэта, много путешествовавшего по чужим странам, как в прямом, так и в поэтическом смысле, начинает звучать «русская тема» («Колчан», «Костёр»). И уже не кажется странным, что перевод стихотворения китайского поэта словно перекликается с строчками из «Старых усадеб» («Колчан», 1916):

*О, Русь, волшебница суровая,
Повсюду ты своё возьмёшь.
Бежать? Но разве любишь новое
Иль без тебя да проживешь? [2,
с. 126]*

Ещё одна сила, способная спасти человечество из духовного кризиса, – любовь. Эта мысль нашла отражение в стихотворении «Дом», где лирический герой утрачивает связь со своей прежней жизнью. В огне пожара, словно символизирующего мировые смуты и катаклизмы, сгорело всё, что было ему дорого и близко. «Дом» героя – его прежний внутренний мир – погиб в «очистительном» огне войны, и теперь жизнь, казалось бы, утратила смысл. Но на смену сгоревшим «радостям детства» приходит новое великое чувство:

*Но женщина в лодке скользнула
Вторым отраженьем луны. —
И если она пожелает,
И если позволит луна,
Я дом себе новый построю
В неведомом сердце её [2, с. 180].*

Здесь женщина уже уподобляется луне, она богиня, воплощающая в себе великую тайну жизни. Можно сказать, что любовь – главная тема всего «Фарфорового павильона». Именно она способна дать человеку чувство единения с Вселенной и постигнуть смысл бытия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Встречи и расставания. Лирика китайских поэтесс I – XX веков // Составление, вступительная статья, примечания, перевод. Басманов М.И., 1993 г. – 351 с.
2. Гумилёв Н.С. Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. – 1148 с.
3. Ду Фу. Сто печалей. – СПб.: Кристалл, 1999. – 576 с.
4. Конрад Н.И. «Восемь стансов об осени» Ду Фу // Конрад Н.И. Запад и Восток. Статьи. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1966. – С. 173-200.
5. Конрад Н.И. // Ли Бо. Нефритовые скалы. – СПб.: Кристалл, 1999. – 384 с.
6. Соловьёв В.С. Китай и Европа // Соловьёв В.С. Избранные произведения. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 369-370.
7. Соловьёв В.С. Враг с востока // Соловьёв В.С. Избранные произведения. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 408-425.
8. Сто одна поэтесса Серебряного века. Антология. Сост. и биогр. статьи М.Л. Гаспаров, О.Б. Кушлина, Т.Л. Никольская. – СПб., ДЕКАН. – 2000. – 240 с.

УДК 71.2:81.161.1

Якушкина Н.М.*Московский государственный областной университет***ПОЭТИЧЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ И.И. КОЗЛОВА К ЧЛЕНАМ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ:
ДАНЬ ТРАДИЦИЯМ КЛАССИЦИЗМА
И ОСОБЕННОСТИ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению художественного своеобразия стихотворных эпистол русского поэта первой трети XIX века Ивана Ивановича Козлова (1779–1840), адресованных особам императорского дома. В ходе исследования обнаруживается их связь с жанром оды, который почти нивелировался в эпоху романтизма, уступив место посланию-восхвалению, впоследствии занявшему особое место в творческом наследии поэта. В его посланиях-восхвалениях можно увидеть характерные для оды черты: прославление адресата, элементы высокого книжного и песенного стиля, насыщенную метафоричность, высокую частотность градаций, тогда как дань романтизму связана со свободой поэтической формы изъяснения, глубоким лиризмом, особой лексикой, семантикой передачи человеческих чувств. Поэт наполняет послания к официальным лицам поэтическим переживанием радости и сердечного восторга, оставив в прошлом пафосный характер подобных обращений.

Ключевые слова: творчество И.И. Козлова, жанр послания коронованным особам, восхваление адресата, ода XVIII века, дань традициям.

N. Yakushkina*Moscow State Regional University***I. KOZLOV'S POETIC EPISTLE TO MEMBERS OF THE ROYAL FAMILY:
A TRIBUTE TO THE TRADITIONS OF CLASSICISM AND ROMANTIC POETICS**

Abstract. The article considers the artistic originality of Ivan Kozlov's (1779–1840) verse epistles, which addressed to members of the Imperial House. The study revealed the connection of the works to the genre of odes, which was almost leveled in the era of Romanticism, replaced by the Epistles-glorification. In his letters you can see the characteristic features for odes: praise to the recipient, elements of high and singing style, full of metaphors, high frequency of gradations. And tribute to Romanticism is associated with freedom of poetic forms of expression, deep lyricism, special vocabulary, semantics transmission of human feelings. The poet fills letters to officials with poetic experience of joy and a heart of delight, leaving behind the pathetic nature of such communications.

Key words: I. Kozlov's works, epistle to members of the Royal Family, praise of recipient, ode of 18th century, a tribute to traditions

Традиция слагать хвалебные и пре- особам берёт своё начало ещё с антич-
возносительные речи царственным ных времён. Песни, оды, лирические
стихотворения прославляли правите-

лей и героев Древней Греции. В русской литературе эту роль сначала исполняли «панегирики и вирши в честь знатных лиц» [7] (конец XVI в. – начало XVII в.), например, «привества» Симеона Полоцкого, позже, в эпоху классицизма, эта функция полностью была передана оде, пришедшей к нам из европейской литературы. Благодаря А.Д. Кантемиру, В.К. Третьяковскому, А.П. Сумарокову, а особенно М.В. Ломоносову, этот жанр утвердил свои позиции в русской поэзии. Однако к началу XIX века он потерял свою гегемонию, возможно, вследствие излишнего пафоса и слепого, искусственного подражания, наблюдаемого в некоторых текстах. Сокрушительный удар жанру нанесла сатира И.И. Дмитриева «Чужой толк» (1794), направленная против поэтов-одописцев, «пиндарящих» в своих вызывающих зевоту стихах ради «награды перстеньком, ста рублей иль дружества с князьком» [7]. На смену оде приходят послания коронованным особам. Они встречаются у В.А. Жуковского и И.И. Козлова. В поэтическом наследии последнего стихотворные эпистолы, адресованные членам царской семьи, можно встретить крайне редко, несмотря на то, что поэт относился к ним с особым почтением. Среди небольшого количества посланий-восхвалений в творчестве И.И. Козлова следует выделить вступление к поэме «Невеста Абидосская» (1826), посвящённой супруге Николая I – Александре Фёдоровне, и поэтическую эпистолу «Государю наследнику Александру Николаевичу в день его тезоименитства» (1834).

Поэма «Невеста Абидосская» (1826), которая, по мнению Н.А. Полевого, «явилась значительной новостью

в Русской Словесности» [5, с. 184], условно делится на две части: обращение к великой княгине Александре Фёдоровне и непосредственно перевод самой турецкой повести Дж. Байрона. Послание к императрице напрямую отсылает читателя к оде XVIII века, и, прежде всего, своим торжественным и прославляющим характером:

*Надежда и любовь полуночного края,
Народа древнего царица молодая,
О будь, хранимая Всевышнего рукой,
Блаженства русского прекрасною
звездой! <...>* [4, с. 330]

Несмотря на яркость эпитетов и необыкновенную образность приведённых сравнений, читатель почувствует здесь скорее радостное и прямодушное воспевание царской особы, нежели слепое раболепное преклонение перед ней. Признаваясь в собственной дерзости слагать стихи для самой государыни, И.И. Козлов, опираясь на традицию классицистов, демонстрирует описание необыкновенных достоинств великой княгини:

*Не сан блистательный, не почести
земные,
Но добродетели нетленные, святые
Пленяют дух певца. – Тебя всецелый
Бог
России подарил; ты радости залог
И чувств возвышенных пылающей
душою,
И сердца нежных дум небесной
чистотою <...>* [4, с. 330]

Используя традиционный для оды приём градации, И.И. Козлов употребляет эпитеты, отличающиеся особым лиризмом, соотносящиеся с возвышенными сердечными чувствами. Его поэтическое обращение к Императрице проникнуто душевной теплотой, что встретить в оде XVIII

века было почти невозможно. И хотя существуют предположения, что «поэма была посвящена императрице по совету Жуковского, который, возможно, рассчитывал на то, что Александра Фёдоровна, обучавшаяся у него русскому языку, возьмёт под своё покровительство слепого поэта, испытывавшего большие материальные затруднения» [4, с. 483], нельзя не отметить искренность и теплоту чувств, которыми наполнено всё произведение. Известно, что супруга Николая I по достоинству оценила труд «слепого музыканта» и в знак благодарности и своего расположения к стихотворцу пожаловала ему драгоценный перстень. В дневнике поэта от 23 сентября 1819 года сохранилась запись об этом событии: «Жуковский оставался у меня долго... Он мне сообщил, что Императрица пожаловала мне перстень» [1, с. 15]. В заметке от 24 сентября этого же года мы читаем: «Милый Жуковский привёз мне от имени Царствующей Государыни Императрицы бриллиантовый перстень за мою «Абидосскую невесту». Это – топаз, окружённый бриллиантами <...>». Поэт не скрывает своей благодарности за полученный подарок и гордости за высокую оценку его труда.

В послании отразилось отношение автора не только к великой княгине, но и ко всей царской семье. С особым почтением и верноподданническим чувством поэт говорит об императоре, отмечая, что первый день его царского служения «был днём бессмертной славы». Он понимает, что решение Николая I относительно восставших на Сенатской площади было единственно правильным: «спасением алтарей, России и Державы» [4, с. 332].

Сам образ царя как центрального столпа христианской державы был характерен для русской поэзии эпохи романтизма. Эта мысль находит своё отражение в творчестве и В.А. Жуковского, и М.Ю. Лермонтова, и К.Ф. Рылеева, который критерием героизма выбирает смерть «за царя и за Русь». Эти слова в устах Ивана Сусанина из одноимённой поэмы пронизаны «глубокой искренней верой и высоким чувством жертвенной любви» [3, с. 134]. И.И. Козлов также убеждённо декларирует величие и благоденствие державы, управляемой царём, и образ, приближающийся к идеалу правителя, поэт находит в действительности: Николай I в его восприятии не противоречит своему высокому назначению:

*Да Вышний осенит державу Николая,
И солнце вечное, вселенну обтекая,
Не узрит ничего счастливее, славней
Его высоких дел, твоих прекрасных
дней!* [4, с. 332]

Не забывает поэт и о другой особе императорского дома – наследнике Александре Николаевиче. Описывая материнское служение Великой Княгини, автор отмечает, что цесаревич – достойный сын своих родителей – его ум, талант и человеколюбие угадываются уже с раннего возраста:

*Пленителен, как ты, и пышно расцветая,
Усердных россиян надежда дорогая,
Порфирородный сын блистает пред тобой
На всё прекрасное готовую душой*
<...> [4, с. 331]

Мнение И.И. Козлова о цесаревиче Александре во многом сложилось под влиянием В.А. Жуковского, который на протяжении долгих лет был воспитателем наследника. Оба поэта воз-

лагали на Александра Николаевича большие надежды, надеялись видеть в нём будущего умного и талантливого политика, самодержца, способного любить свою страну и народ.

И.И. Козлов посвящает цесаревичу стихотворную эпистолу «Государю наследнику Александру Николаевичу в день его тезоименитства» (1834). Как видно из названия, поэтическое письмо было написано в день святого благоверного великого князя Александра Невского, на который и приходились именины Александра Николаевича – 30 августа (12 сентября по новому стилю). В своём послании И.И. Козлов призывает цесаревича следовать примеру своего святого:

*Надежда русского народа,
Звезда полночной страны,
Потомок доблестного рода,
Под чьей державой свершены
Деянья славы! – В день блаженный,
В сей день их памяти святой,
Наш Невский, наш благословенный
Блестят, наследник, пред тобой
<...> [4, с. 251]*

Поэт хорошо знал, что святой Александр Невский был и небесным покровителем императора Александра I. Его брат, Николай I, своих четверых сыновей «назвал точно так же и в той же последовательности, как были названы и сыновья Павла I» [6]. Так Император духовно передал право своему первенцу стать продолжателем дел не только отца, но и дяди. И.И. Козлов при помощи ярких метафор подчёркивает патриотизм царственных Александров:

*И в их надзвёздной горней сени
Земную родину любя, –
Взгляни! – двух Александров тени
С небес взирают на тебя <...> [4, с. 252]*

Особенностью посланий к венценосным особам в эпоху русского романтизма является обязательное упоминание о подвиге славных предков. Эту традицию жанр послания наследует от оды XVIII века, ещё глубже – от древнерусской словесности. Подчёркивая славные подвиги предков, И.И. Козлов воссоздаёт характерную для того времени тенденцию: прошлое – залог хорошего, положительного будущего. В этом определённым образом отражается тип мышления человека XIX века, умеющего не только чтить память своих прародителей, но и учиться на их ошибках. На контрасте выступает образ современного человека, привыкшего жить скорее мыслями о том, что его может ожидать в будущем, планами реализации задуманных целей и воплощении в действительность своих сокровенных желаний.

Обращаясь к цесаревичу, поэт не может не сказать и об его отце Николае I, с момента восхождения на трон которого прошло почти десять лет (стихотворное послание датируется 1834 годом). И.И. Козлов вспоминает о том, как Николай вступил на престол («он ожил в брате нам державном <...>» [4, с. 253]), как руководил действиями национальной армии в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг.. Поэт ценит, что при Николае I Россия приобрела новые земли, но более всего приветствует то, что монарх, ведя свой политический курс, сумел сохранить в себе лучшие человеческие качества:

*О! славен тот, кто в ратном поле
Мечом побед войну пресек, –
Но тот славней, кто на престоле
И мудрый царь, и человек,
Кто льёт щедротой дни золотые
И в сердце кто хранить возмог*

*Те добродетели святые,
Который образом сам Бог!* <...> [4,
с. 253]

Автор явно выражает свою симпатию к Николаю I, видит в нём триединое гармоничное сочетание справедливого монарха, доблестного военкомандующего и «священного семьянина» [4, с. 253]. Такое сердечное отношение поэта к особам императорского дома обусловлено особенностями его патриотического чувства, связанного с осознанием «глубокой укоренности» любви к родине «в самой человеческой природе» [2, с. 144] и с узрением в императоре наместника Бога на земле.

Особенностью посланий И.И. Козлова к монаршим особам является удивительное чувство радости, которое пробуждается в душе поэта при обращении к царской семье. Читатель видит его и в «Невесте Абидосской» (1826), и в поэтической эпистоле «Государю наследнику Александру Николаевичу в день его тезоименитства» (1834), и в других произведениях, в которых поэт упоминает ярких представителей династии Романовых. Читатель невольно удивляется тому искреннему восторгу, с которым автор говорит об императоре и его близких. Здесь нет места слепому раболепию, дежурным комплиментам и искусственной лести. Только радость и восторг от возможности быть причастным к Царской Семье:

*И я, колени преклоняя,
Я чувства родины делю,
За венценосца Николая
Всех благ подателя молю;
И за царицу, нашу радость,
Любовь его бесценных дней,
И за твою святую младость –*

Весны и радуги ясней. <...> [4, с. 253]

Поэт признаётся, что искренне просит творца о сохранении и благословении Государя, его семьи и всей Державы Российской:

*Творец всего, услышь моление!
Храни и царство, и царя,
Надеждам дай благословенье!*

О! с нами Бог!.. ура, ура! <...> [4, с. 254]

Посвящать произведения коронованным особам было традицией, бравшей своё начало ещё с древности. В русской литературе особенно ярко это проявилось в эпоху классицизма. Для восхваления монархов поэты выбирали жанр оды, используемый во времена античности в качестве определённой формы стихотворной лирики, предназначенной сопровождать музыкальные произведения. Так в отечественной традиции ода закрепила за собой статус основного жанра *воспевания* особо значимых персон, подтверждением чего может служить знаменитая ломоносовская «Ода на день восшествия на престол Её величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1748 года» (1748) и державинская «Фелица» (1782). В эпоху романтизма жанр оды практически нивелировался. Отдельные его черты и мотивы перенял и вобрал в себя жанр послания, в частности, послание-восхваление адресата, впоследствии занявший особое место в творческом наследии И.И. Козлова.

В поэтических посланиях И.И. Козлова, посвящённых царской семье, можно увидеть характерные для оды черты: восхваление адресата, элементы высокого книжного и песенного стиля, обращение в тексте к другим лицам, в том числе и к собственной персоне. Но, в отличие от традиционной оды в

послании И.И. Козлова силён личный чувствительный элемент. Здесь наблюдается менее торжественный тон изложения и более проникновенный, с выражением личного отношения к герою характер произведения. Ни один из поэтов не писал о венценосной семье с такой искренней радостью и восторгом, теплотой и сердечностью. Невзирая ни на какие обстоятельства, он остался верным своему царю и своему Отечеству, утвердив в русской литературе ещё одну форму удивительно радостного и сердечного патриотизма.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Грот К.Я. Дневник И.И. Козлова. – СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1906. – 33 с.
2. Киселева И.А. О своеобразии патриотизма в русской поэзии 1830-х годов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2009. № 3. – С. 140-144.
3. Киселева И.А., Гузина С.В. Духовно-нравственный идеал русской поэзии 1820-30 годов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2010. № 3. – С.132-137.
4. Козлов И.И. Полное собрание стихотворений; вступ. ст., подготовка текста и прим. И.Д. Гликмана. – Л.: Сов. писатель, 1960. – 507 с.
5. Полевой Н.А. «Невеста Абидосская», турецкая повесть лорда Байрона, перевел с английского Иван Козлов // Московский телеграф. –1826. – Ч. 12. – № 23. – С. 182-196.
6. Пчелов Е.В. Династия Романовых: генеалогия и антропонимика [Электронный ресурс]. – URL: <http://shakko.wordpress.com/2014/01/03/e-в-пчелов-династия-романовых-генеалог/> (дата обращения: 02.05.2014 г.)
7. Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор [Электронный ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le8/le8-2371.htm> (дата обращения: 16.06.2013 г.)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «XI ПОСПЕЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2013. ГЕРМЕНЕВТИКА. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ. ТЕКСТОЛОГИЯ – В НОВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ»

(МОСКВА, МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА, 20 – 21 ДЕКАБРЯ 2013 Г.)

В конце декабря 2013 г. на кафедре теории литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова проходили ежегодные «Поспеловские чтения». На этот раз они были посвящены проблемам герменевтики и текстологии. Вероятно, кому-то это покажется *dijā vi*: практика подобных конференций была. Однако, несмотря на тематическую узнаваемость для сотни участников (представителей российских и зарубежных вузов) одиннадцатые «чтения» стали не только конструктивными. Они обозначили готовность отечественной филологии, в частности теории, к следующей, «разумной», ступени теоретического самоосмысления, а значит, к следующему этапу на тысячелетней лестнице научного познания.

Прежде всего, за это говорила исследовательская мультидисциплинарность, кроссдисциплинарность докладов. Поэтому дифференцировать их можно лишь условно: применение интерпретационных методик/положений к классической/современной литературе; онтологические категории в аспекте герменевтики; герменевтика: традиция и обновление; литературоведческие категории/понятия в аспекте герменевтики.

Самым численным оказался первый сегмент. Самым малочисленным – последний. В последнем надо отметить¹ «Категория “текста” в герменевтическом аспекте» А.Я. Эсалнек и «Метод в литературоведении и интерпретация произведения (1910-1920 гг.)» Л.В. Чернец. В первом – остановиться на докладе Ю.В. Шевчук «”Трилистники” И. Анненского: проблема интерпретации цикла», «Текстологический и герменевтический подходы к “узлам” романа А. Солженицына “Красное Колесо”» Н.М. Щедриной и «Интерпретация романов “Степной волк” Г. Гессе, “Дар” В. Набокова и “Мастер и Маргарита” М. Булгакова с точки зрения специфики реминисцентно-аллюзийной структуры их текста» А.В. Злочевской.

Разумеется, очерчивая и заполняя круг понимания в лучших традициях новой литературной герменевтики, первые докладчики (как, впрочем, все выступавшие) соответственно учитывали рецептивную эстетику, авторское meaning, культурно-историческую традицию и историзм. Как, например, О.В. Осипова в «Интерпретация текста литературного произведения в трактате Дионисия Галикарнасского “О Фукидиде”», Т.А. Алпатова в «”Письма русского путешествен-

¹ Подробно план конференции см. <http://www.philol.msu.ru/~tlit/annot/progko013.htm>

ника» Н.М. Карамзина: «движущийся текст» в истории русского литературоведения» или А.В. Архангельская в «Древнерусская литература: между текстологией и интерпретацией». Здесь же «Герменевтика “герметического текста”» С.М. Телегина и «Библейская экзегеза и герменевтика в подходе к анализу художественного текста» Г.В. Синило. Но, предлагая свое *significance*, первые докладчики также учитывали (порой неосознанно) сложившийся, благодаря реди-стрибуции, изменению диалектики субъекта и объекта, литературный проавтобиографический гештальт пост-постмодернизма, возвращающий отдельным школам не только Автора, но и некогда отставленные внелитературные факторы. Поэтому для Н.М. Щедриной толкование заключительного варианта «Марта...» и «Апреля Семнадцатого» – возможность заглянуть в писательскую лабораторию, проследить ход авторской мысли. Структурообразующая идея первой части «Кипарисового ларца» интерпретируется Ю.В. Шевчук как история лирического самосознания европейца, где главную роль Анненский отводит ощущению, субъективной реакции на окружающий мир. Именно оно приближает «я» к познанию скрытых закономерностей бытия и определяет динамику мировосприятия европейской культуры. Внелитературные же факторы, в частности «эстетическое измерение» в антропологическом изводе, позволили А.В. Злочевской по-новому увидеть «Степного волка», «Дар» и «Мастер и Маргарита», представив их мироздание как «реальность физическую – иррационально-трансцендентную – художественную»

с «метафизической вечностью» («пронизанной сетью культурно-литературных реминисцентных мотивов»).

Внелитературные факторы – категории времени и сознания – обусловили и доклады, условно отнесённые к «онтологическим категориям в аспекте герменевтики». Это, прежде всего, «Критерий временного и вечного в интерпретациях классики (на материале литературы и критики первой половины XIX века)» Н.Л. Вершининой и «Измененные состояния сознания (ИСС) как фактор интерпретации и анализа литературного произведения (на примере произведений А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского)» С.М. Шаврыгина. Последний доклад, словно подтверждая многоаспектность конференции, также вписывается в «Герменевтика: традиция и обновление».

С.М. Шаврыгин предлагает обновить понятийный ряд: ввести «изменённые состояния сознания» персонажей как особый, мало исследованный элемент поэтики, способствующий новому восприятию. Сами метаморфозы трактуются как преобразования элементов структуры художественной системы (сюжета, сознания автора и героя), происходящие объективно – «на глазах» у читателя по воле автора, и субъективно – благодаря лишь пониманию читателя. Что, кстати, снова наталкивает нас на «эстетическое измерение», точнее на *автобиографическое измерение*, без которого подобные метаморфозы/преобразования были бы невозможны. Подробнее – в моём материале «Интерпретация и автобиографическое измерение: перформативный извод антропологического поворота». Здесь, рассматривая антропологическую роль интерпретации

и автобиографического измерения в культуре, я выстраиваю модель анализа новейшей прозы, реализуемую благодаря автобиографическому измерению как новому внелитературному фактору.

Данное понятие уже в другом изводе разбирает О.А. Клинг в «Текст и его интерпретация». Приравнявая автобиографическое измерение к автобиографизму – тексту в тексте, О.А. Клинг обуславливает в творчестве Андрея Белого, связанном с Александром Блоком, пять уровней автобиографизма – пять текстов, составляющих единый «блоковский текст». Так личность поэта, их взаимоотношения, нашедшие выход в письмах Андрея Белого к Блоку – измерение первое. Цикл стихов Блоку (1901–1903), послание Блоку в 1908 г. – второе. Роман «Петербург», где под маской подпоручика Сергея Лихутина рисуется Блок, – третье. Взаимоотношения художников при жизни и после смерти Блока, отражённые в статьях, рецензиях и докладах Андрея Белого – четвёртое. Блок в воспоминаниях и мемуарной прозе Андрея Белого – пятое.

Вообще «традиция и обновление» стал наиболее креативным, значимым сегментом в «герменевтическом круге» конференции. И это правильно: одна из задач теории литературы – разработка системы функциональных определений всех явлений литературного творчества. Даже порой ценой основательного пересмотра (если не перечёркивания) традиционных взглядов и методик.

Например, И.В. Тюпа в докладе «Эвристический принцип палимпсеста в осмыслении литературного произведения» использует оригинальный

тезис Ю.В. Шатиной «палимпсест – иерархия просвечивающих друг через друга текстов», чтобы получить свою «палимпсестную словесную ткань». Такой конструкт, по его мнению, позволяет не только распознавать новое художественно значимое смысловое напряжение между диахронными слоями структурной целостности, но и исключает постмодернистскую трактовку текста как интертекстуального коллажа.

С.Ю. Лебедев в «Художественное произведение как объект анализа (литературоведение как наука) и как объект интерпретации (литературная критика)» заявляет: интерпретация произведения лишь часть его анализа, возможно, достаточная для литературно-критического материала (если судить по публикациям литпроцесса), но не литературоведческого исследования. Здесь же анализируются интерпретационные подходы, которые, пользуясь нынешней «размытостью» литературоведческих определений, претендуют на самостоятельную методологию, но к ней не относятся.

Или Е.В. Лозинская в «"Страх интерпретации": антигерменевтические подходы в зарубежном литературоведении». Ссылаясь на С. Зонтаг (интерпретация есть насилие над произведением, превращающее его в объект потребления), она анализирует причины, по которым литературоведы XXI вв. могут вообще отказаться от интерпретации текста.

Разумеется, невозможно назвать все имена, перечислить все доклады, реализовавшие «носящийся в воздухе гул конкретного» (Р. Музиль). Да это в подобных материалах и не нужно. А нужно передать атмосферу, которая,

как можно убедиться, была насыщена духом субъективизма. Поскольку субъективизм сегодня ответ в решении многовековой дилеммы истины/неистины искусства (вспомним гегелевскую антиномию), в поиске очередного кода, языка, ключа к пониманию и диалогу. Отсюда возрождение Автора (о чём говорилось вначале) и активность Читателя, в частности интерпретатора, в лучших традициях В. Дильтея, Э.Д. Хирша и Х.-Г. Гадамера. С одной стороны – «The play of words – the play of worlds»: стремление из знаковой системы текста создать, реконструировав, а не деконструировав, нечто большее,

создать новое значение, которое органично впишется в «герменевтический круг». С другой – «настройка» сознания читателя на сознание автора, «<...> сопереживание чужих форм жизни путём своего собственного жизнеощущения» (В. Дильтей). Мы наконец-то слышим «Ты», и мы стараемся ответить. И неважно, какие ключи в помощь: автобиографизм, автобиографическое измерение, изменённые состояния сознания или палимпсестная словесная ткань. Главное, чтобы они были, превращаясь в ключики от дверцы в новый чудесный мир.

Голенко Ж.

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Э.Я. ФЕСЕНКО «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА В ПОИСКАХ ГЕРОЯ». – М.: АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ, 2013. – 653 С. – (GAUDEAMUS)

Новая книга Эмилии Яковлевны Фесенко – «Русская литература XIX века в поисках героя»: Академический проект, 2013. – 653 с. – (Gaudemus) – предназначена для читателя самого широко круга: литературоведы-профессионалы отметят и свежий взгляд автора монографии на ставшую «классикой» проблему героя, и тонко выстроенную связь литературно-философских исканий русской литературы, студенты с удовольствием погрузятся в ход размышлений Э.Я. Фесенко о центральных героях русской литературы, широкий читатель получит возможность познакомиться с практически полным критическим наследием и литературоведов XIX–XXI вв.

За данным исследованием Э.Я. Фесенко стоят годы творческой напряжённой работы в русле избранной проблематики, данная монография, которой предшествовал выпуск солидных монографий и авторитетных статей, является крупным достижением в области современного литературоведения. Несомненно, что место данной книги в первом ряду литературоведческих работ нашего времени.

Осмысление проблемы «герой – автор» позволяет Э.Я. Фесенко исследовать духовные, художественные и – что очень современно – интеллектуальные искания русской классической литературы, вот уже почти двести лет являющейся определяющим нравственным стержнем жизни каждого, кто признаёт классическое художественное наследие истинным учебником жизни.

Книга Э.Я. Фесенко состоит из 10 глав, каждая из которых посвящена наиболее актуальной для автора (и потенциального читателя!) проблеме: например, «бремя “маленького человека”» исследуется на примере «Станционного смотрителя» и «Медного всадника» А.С. Пушкина, «Шинели» Н.В. Гоголя и «Бедных людей» Ф.М. Достоевского (гл. 1). Справедливо отмечая, что «гуманизм русских писателей был направлен на утверждение прав “униженного и оскорблённого” “маленького человека”», автор монографии ещё более справедливо утверждает, что “маленьким” человека сделала не только несправедливость, царящая в общественном устройстве (а когда её не было?! – В. Б.), но и недостаток самоуважения, мелочность его интересов» (с. 68), которые непременно отомстят ему.

Проблеме «русского Гамлета» – «лишнего человека в литературе XIX века» – посвящена вторая глава исследования: в ней автор монографии свежо обращается как к хрестоматийным Чацкому, Онегину, Печорину, Обломову, так и подробно исследует характеры и их художественную значимость Бельгова, Рудина, Райского. Отрадно, что Э.Я. Фесенко тонко замечает, что «в литературоведении

XX века неожиданно вспыхнул большой интерес» именно к героям произведений И.А. Гончарова, «в которых писатель действительно выявил исконно русские (российские) черты характеров людей, бесконечно задумывающихся над “вечными” вопросами и не умеющих найти на них ответы, оттого и страдающих» (с. 183).

Как никогда современным оказался взгляд на «практические натуры» русской классической литературы: «обольщённый богатством» гоголевский Чичиков, гончаровские Адуев, в котором «нуждается общество», Штольц и Тушин, которых хотел видеть автор романа как «наше прочное будущее», хотя время показало, что их время так и не наступило, а также «тёмное» царство купцов А.Н. Островского, предчувствующих «нехорошие видения тёмному произволу самодуров» (Добролюбов) – всё это в итоге вылилось в «бездну безнравственности» философии Лужина, и даже образ Лопухина, рассмотренный в «аспекте логики истории» (с. 243-255), только подтверждает реплику А.С. Пушкина: «Боже, как грустна наша Россия».

«Нигилистам» и «новым людям» в русской литературе соответственно посвящены 5 и 6 главы монографии, в них исследованы образы «мирового скорбника» Базарова, «обломовца, ударившегося в нигилизм» Марка Волохова, «расчётливых эгоистов» Н. Чернышевского, а также подробно анализируется «величие и святость идеи» Дмитрия Инсарова.

Актуальность исследования, «двойных мыслей» героев Ф.Д. Достоевского (гл. 7), «узлов жизни» героев Л.Н. Толстого (гл. 8), «пациентов» доктора Чехова (гл. 9), изложенного прекрасным

языком, определяется, прежде всего, значимостью понимания национально-культурного восприятия понятий *времени и героя*.

Особо хочется остановиться на последней, заключительной 10 главе: «“Здесь русский дух, здесь Русью пахнет”: PRO ET CONTRA». Во всех обозначенных главах данной монографии Эмилия Яковлевна Фесенко обращалась к богатейшему критическому материалу: она анализирует огромный критический материал – от критиков-современников писателей до литературоведов сегодняшнего дня. В последней, 10 главе, она делает акцент на важность УРОКОВ, данных нам великой нашей литературой: отдаём ли мы себе отчёт, почему «блаженствуют Молчалины на свете», преобладают ли в нашем сознании «милость, а не правосудие» (а когда оно, *правосудие*, было на Руси *правосудным?*..), в чём исторический проигрыш «маленького большого человека» типа Максима Максимыча, современны ли «маленькие великие люди», нарисованные Н.С. Лесковым, почему не ушли как архаизм характеры «чисто русского пошиба», данные М.Е. Салтыковым-Щедринным, свойственна ли «гипертрофия души» героев Достоевского человеку XXI века.

Исследуя великое наследие русской классической литературы XIX века, Э.Я. Фесенко совершенно справедливо отмечает, что на рубеже XX-XXI веков «в России вдруг обнаружился дефицит “русской идеи”, которая могла бы помочь объективно оценить русскую историю <...> и осознать себя как народ, который в некоторой растерянности оказался на постсоветском пространстве и с трудом позиционирует

себя в мировом сообществе, кидаясь из одной крайности в другую <...>. Её вывод весьма тонок и глубок: «не ради удовлетворения гордыни должен жить человек, а ради улучшения жизни, ради умножения гармонии в мире, в котором должны преобладать человечность и справедливость» (с. 653).

Эта книга – достойный вклад в исследование важной теоретической

проблемы – поиска героя XX века. Ждёт продолжения тема: «другие мальчики поют другие песни!»! Труд Эмили Яковлевны Фесенко очень своевременен и заслуживает самого пристального внимания как научной, так и просто неравнодушной к судьбе родины общественности.

В.Б. Белукова

НАШИ АВТОРЫ

Белукова Виктория Богдановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета; e-mail: kaf-ruskdvv@mgou.ru

Богданова Маргарита Александровна – соискатель кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: margaritabogdanova@yandex.ru

Бугаенко Мария Алексеевна – аспирант кафедры стилистики русского языка, культуры речи и риторики Московского государственного областного университета; e-mail: alira_de_lionkur@mail.ru

Голенко Жанна Анатольевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры теории литературы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: teolit@filol.msu.ru

Джанумов Сейран Акопович – Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской классической литературы и фольклора Московского городского педагогического университета; e-mail: DjanumovSA@mail.ru

Жигалов Александр Юрьевич – аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, преподаватель кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: Zhigalov1571@yandex.ru

Иванова Марина Алексеевна – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; ассистент кафедры русского языка Владимирского государственного университета; e-mail: marinkajohnson@yahoo.com

Иванова Татьяна Юрьевна – соискатель кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: ivanova351@yandex.ru

Калох Вид Наталья Леонардовна – доктор филологических наук, доцент кафедры переводоведения Мариборского государственного университета; e-mail: natalia.vid@siol.net

Коренева Юлия Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; e-mail: yukor74@mail.ru

Назарова Наталья Юрьевна – аспирант кафедры русского языка Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина; e-mail: endorfinka@mail.com

Назарчук Елизавета Викторовна – аспирант кафедры славянской филологии Историко-филологического института Московского государственного областного университета; e-mail: Nazarchuk-elizaveta@mail.ru

Обручникова Ирина Владимировна – соискатель кафедры истории зарубежных литератур Историко-филологического института Московского государственного областного университета; e-mail: irina-obruchnikova2013@yandex.ru

Рыкин Евгений Юрьевич – аспирант кафедры русского языка Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых; e-mail: eugen.rikin@yandex.ru

Савинова Мария Николаевна – аспирант кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета; e-mail: maria-savinova@mail.ru

Савостина Дарья Андреевна – кандидат филологических наук, учитель средней общеобразовательной школы с углубленным изучением иностранных языков № 1288 им. Героя Советского Союза Н.В. Троян г. Москвы; e-mail: dar-savostina@yandex.ru

Самсонов Николай Борисович – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: ns3210@mail.ru

Симонова Лариса Алексеевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета; e-mail: mouette37@yandex.ru.

Снычева Екатерина Анатольевна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета, учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы №868; e-mail: snychjova@rambler.ru

Сотова Татьяна Олеговна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета; e-mail: kimun.ms@list.ru

Строганова Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова; e-mail: arina-903@mail.ru

Фадеева Елена Васильевна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры английской филологии Орловского государственного университета; e-mail: snigireva.elena@inbox.ru

Хлупина Мария Александровна – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: maria-mariae@yandex.ru

Якушкина Наталия Михайловна – аспирант кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; e-mail: Yakuwkina@mail.ru

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодня выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»

2014. N 3

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» Ю.А. Паршенкова
литературный редактор Т.Е. Шаповалова
переводчик И.С. Шаповалов
компьютерная вёрстка Д.А. Зверева

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 280 экз. Уч.-изд. л. 9,75, усл. п.л. 9,75.
Подписано в печать 16.06.2014. Заказ № 63.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а